

Л. Я. ШОРОХОВА

«НА ПОЛЬЗУ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ»

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ
НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

**Мурманск
2008**

Л. Я. ШОРОХОВА

«НА ПОЛЬЗУ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ»

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Из переписки Санкт-Петербургской
Главной физической обсерватории

Издание второе
(переработанное, дополненное)

Мурманск
2008

Шорохова Людмила Якимовна

Издательство ЗАО “Нордмет”

И-47 “На пользу науке и Отечеству”: Очерки истории становления и развития гидрометеорологических станций на Кольском полуострове: Из переписки Санкт-Петербургской Главной физической обсерватории. - Мурманск, 2008. - 332 с.: ил.

Книга “На пользу науке и Отечеству” содержит очень интересный исторический материал. Основу книги составляет переписка Главной физической обсерватории с наблюдателями метеорологических станций Кольского края.

Рапорты и письма доносят до нас из далекого прошлого, как происходило становление и развитие метеорологии. Трудным и сложным был этот процесс. По капельке, по крупицам собирался материал для метеорологической науки и ее производных: океанологии, гидрологии и космической метеорологии. Кроме основной этой мысли, рапорты и письма содержат историю развития Мурманска, Кольского полуострова, хранят грамматику и стиль письма того времени, рассказывают о жизни самих наблюдателей, в них проглядывают черточки истории России.

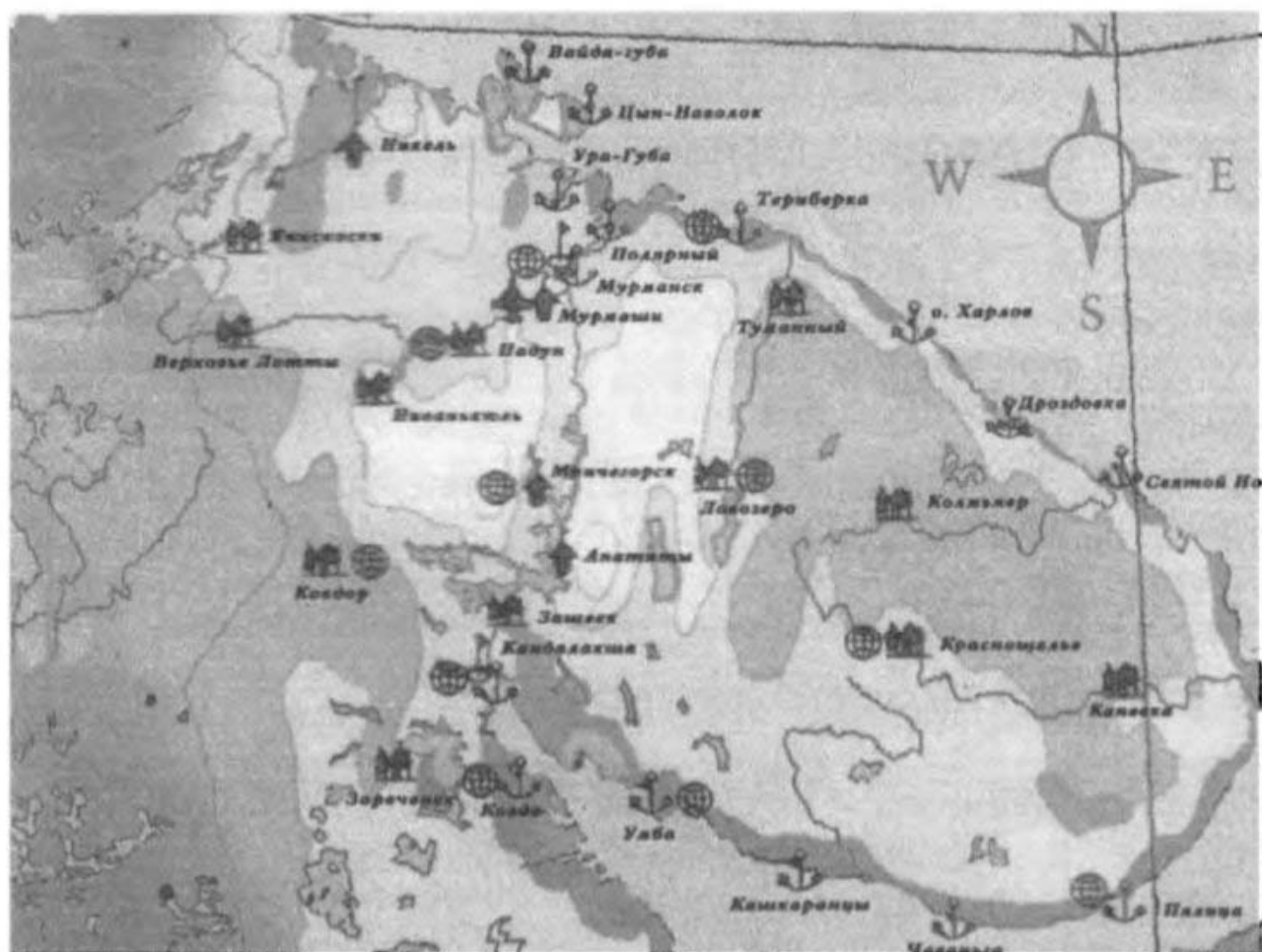
Книга “На пользу науке и Отечеству” восстанавливает важное звено в цепочке развития метеорологии в России. Книга эта - ниточка, ведущая нас в историю, соединяющая далекое прошлое с настоящим и будущим.

© Шорохова Л. Я., 2008

Л. Я. ШОРОХОВА

«НА ПОЛЬЗУ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ»

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Мурманск
2008

ШОРОХОВА Людмила Якимовна

Автор книги “На пользу науке и Отечеству” работала в управлении Мурманской гидрометслужбы 20 лет.

17 ноября 1969 года поступила на аэрологическую станцию газогенераторщицей.

В 1975 году окончила Московский гидрометеорологический техникум и перешла работать на Мурманскую метеостанцию техником.

В 1984 году окончила Ленинградский гидрометеорологический институт.

В управлении гидрометслужбы работала до 16 августа 1989 года.

Людмила Якимовна – внештатный корреспондент газеты “Полярная правда”. В опубликованных очерках рассказывала о своей работе, о жизни и деятельности метеорологов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «На пользу науке и Отечеству» содержит очень интересный исторический материал. Основу книги составляет переписка Главной физической обсерватории с наблюдателями метеорологических станций Кольского края.

Рапорты наблюдателей и письма из Санкт-Петербурга доносят до нас из далекого прошлого, как происходило становление создаваемых метеостанций, развитие метеорологии в северном малонаселенном крае. Трудным и сложным был этот процесс. Порой метеостанции находились на грани закрытия. Бездорожье, суровый климат, малограмотность здешнего населения тормозили формирование метеорологической службы, такой необходимой для процветания страны. Без изучения метеорологических условий не могли развиваться ни мореходство, ни рыбная отрасль, ни лесная и горная промышленность. Изучение климатических особенностей северного Кольского края было жизненно необходимым для России, и Санкт-Петербургская Главная физическая обсерватория делает первые шаги в этом направлении в 1876 году.

А в 1878 году Шкипер Аполлон Антонович Хохлов, выйдя из Кеми на своем суденышке, через два северных моря – Белое и Баренцево – в целости и сохранности доставил в Колу метеорологические приборы. И с 1 января 1878 года начался отсчет созданной им Кольской метеостанции. В Териберке наблюдения ведет младший лекарь Иван Видякин. В Ловозере – священник, отец Николай Шмаков. В Имандре – телеграфный надсмотрщик Красков.

Нельзя не упомянуть имя фельдшера Кольского края Федора Федоровича Шаткова. Благодаря своему лекарскому делу, он имел возможность перемещаться по всему краю, был связующим звеном между метеостанциями, помощником, советчиком для наблюдателей и глазами и руками Санкт-Петербургской обсерватории. Слова Федора Шаткова «Хочу служить на пользу науки и отечества», преданного делу метеорологии, автор сделала названием данной книги.

Первыми метеорологами были люди, далекие от метеорологии. Автор надеется, что благодаря этой книге их имена теперь не исчезнут, не канут в Лету.

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИИ

Можно считать, что регулярные метеорологические наблюдения в России начались со времени организации Петром I военно-морского флота в конце XVII века, в 1696 году. Выстроенный в Воронеже флот получил приказ спуститься по Дону к Азовскому морю, но этот приказ не был выполнен. Сильные восточные ветры вызвали обмеление донских гирл. Это натолкнуло Петра I на мысль о необходимости вести наблюдения за погодой, и уже в судовые журналы этой эскадры начали заноситься регулярные записи о состоянии погоды. Придавая огромное значение знанию погоды для мореплавания, Петр I через своего статс-секретаря А. В. Макарова дал распоряжение вице-адмиралу К. И. Крюйсу о производстве регулярных метеорологических наблюдений.

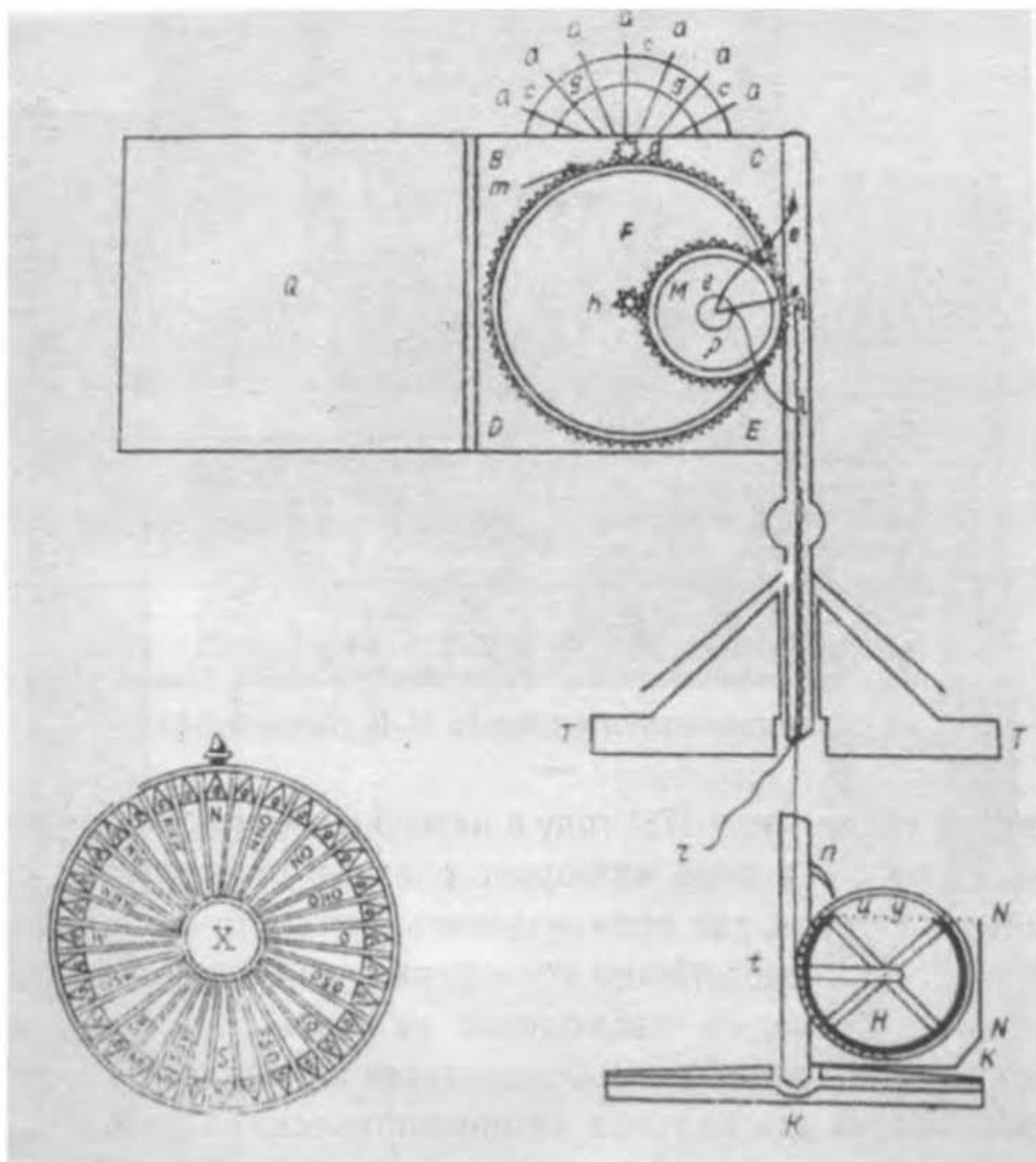
В этом указе (от 28 марта 1722 года) говорится: «Его величество указал к Вашему превосходительству отписать, чтобы Вы приказали иметь справедливую записку журналу, погоде и ветрам и присылать по-недельно сюда» (в Москву, где жил тогда Петр).

После указа Петра, по-видимому, начались метеорологические наблюдения и на военном флоте. Но записи их хранились небрежно, поэтому до нас дошли лишь отдельные отрывочные сведения о таких наблюдениях. В 1930 году случайно удалось обнаружить дневник мичмана русского флота С. И. Арсеньева. Оказывается, он в 1738-1743 годах вел неинструментальные наблюдения во время навигации (продолжавшейся с июня до октября) на Белом море и около побережья Кольского полуострова. Арсеньев вел эти наблюдения на судах эскадры, плававшей в эти годы в северных водах под командой контр-адмирала Обриена. Записи делались ежедневно, почти каждый час. Записывались направление и сила ветра, характер облачности, осадки, туман, а также видимость луны и звезд.

Огромный вклад в отечественную метеорологию во второй половине XVII века был сделан великим русским ученым М. В. Ломоносовым, который указал правильный путь развития этой науки. В своей работе «Рассуждения о большой точности морского пути» (1759) в главе «О

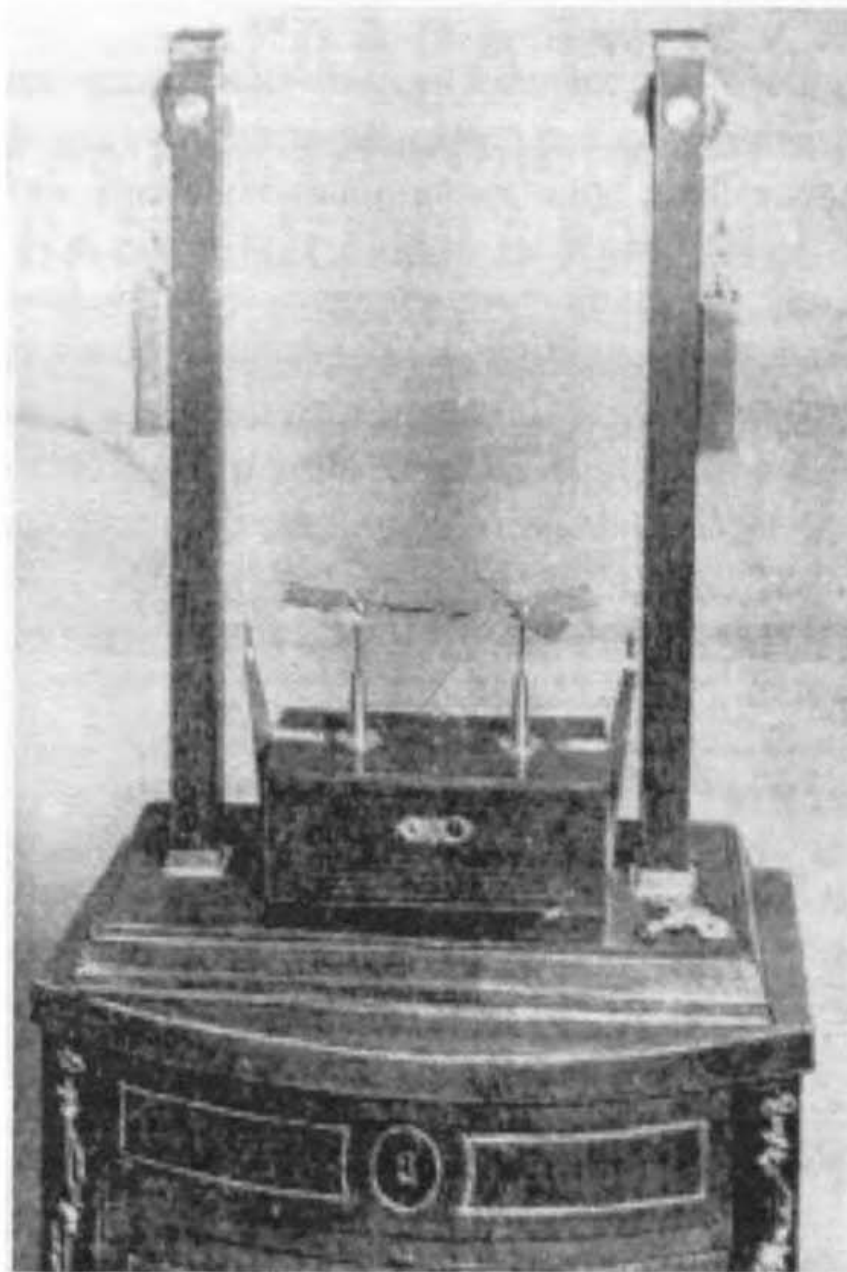
предсказании погоды, а особливо ветров» Ломоносов предложил для изучения атмосферных процессов с целью предсказания погоды для моряков и земледельцев организовать широкую сеть метеорологических станций.

Ломоносов сам производил метеорологические наблюдения, занимался конструированием приборов. Среди них особый интерес представляет анемометр.

Схема анемометра М. В. Ломоносова

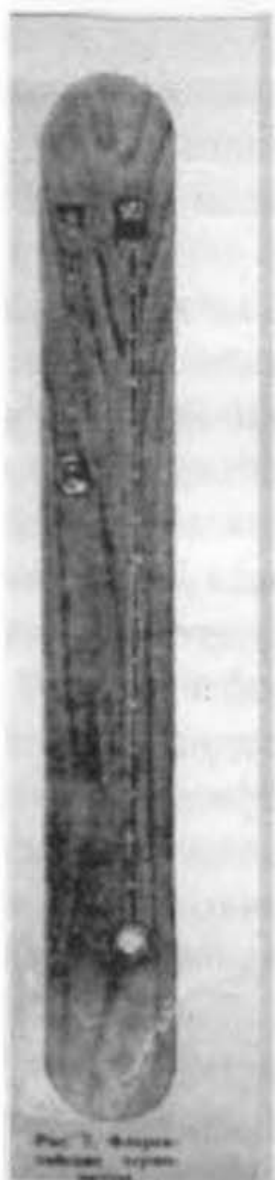
«Аэродинамическая машина» М. В. Ломоносова

Известно также, что в 1751 году в петербургском доме Ломоносова действовала первая в мире метеорологическая обсерватория с самопишущими приборами, где производились систематические наблюдения. Занимаясь исследованиями атмосферы, ученый пришел к мысли о необходимости проводить наблюдения не только близ поверхности земли, но и в толще атмосферы. Осуществляя эту идею, он изобрел летательный аппарат для подъема метеорологических приборов. Таким образом, Ломоносов первым пытался практически осуществить идею аэрологических наблюдений.

Ломоносов придавал большое значение исследованиям Севера. Он принял деятельное участие в организации экспедиции В. Я. Чичагова в

полярные страны (в район Шпицбергена), писал инструкции, выбирал и заказывал инструменты, учил членов экспедиции обращаться с барометрами и термометрами. *А чему здесь учить?*

Мысли Ломоносова о создании сети метеорологических станций с целью получения материала, необходимого для решения задач, важных для науки и всей экономической жизни государства, начали претворяться в жизнь лишь спустя столетие, так как современному ему обществу не были достаточно понятны идеи, которые проповедовал Ломоносов, ушедший далеко вперед от своей эпохи.

а)

в)

Флорентийский термометр (а); термометр Де Косса (в)

СОЗДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГЛАВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ*

Первые регулярные метеорологические наблюдения, произведенные в России в XVII веке, подготовили почву для развития метеорологии в следующем столетии. Но для более широкого изучения России в метеорологическом отношении требовалось создание регулярной сети станций. Для руководства этой сетью в такой обширной стране, как Россия, нужен был центральный орган, который обеспечивал бы станции однородными приборами, следил за выполнением единых сроков наблюдений, обрабатывал и публиковал полученные материалы.

Мысль об организации стройной системы метеорологических наблюдений впервые была наиболее полно высказана известным русским ученым, основателем Харьковского университета В. Н. Каразиным (1773-1842).

15 марта 1810 года он выступил с речью на заседании Московского общества любителей естествознания. Каразин считал, что отдельные, разрозненные попытки не приведут к каким-либо результатам и что необходимо объединить все работы в этом направлении: «Только сеть наблюдательных пунктов при уездных училищах, созданных по всему пространству России, от Колы до Тифлиса и от Либавы до Нижне-Камчатска, подчиненных одному начальству и обязанных иметь у себя физические инструменты... обещает наблюдениям, производимым постоянно и разумно, счастливые результаты».

Появление первой в России сети метеорологических станций и создание центрального метеорологического органа, о котором мечтал Каразин, связано с именем Адольфа Яковлевича Купфера.

В 1824 году Купфер параллельно с преподавательской деятельностью в Казанском университете занялся изучением зем-

*Барометр
Купфера-Гиргенсона-Клаузе*

---

*Д. Ф. Нездюрюв «Очерки истории развития метеорологических наблюдений в России»

ного магнетизма на организованной им постоянной магнитной станции в окрестностях Казани. Вскоре А. Я. Купфер перешел в Горное ведомство, где всецело занялся изучением земного магнетизма и метеорологии.

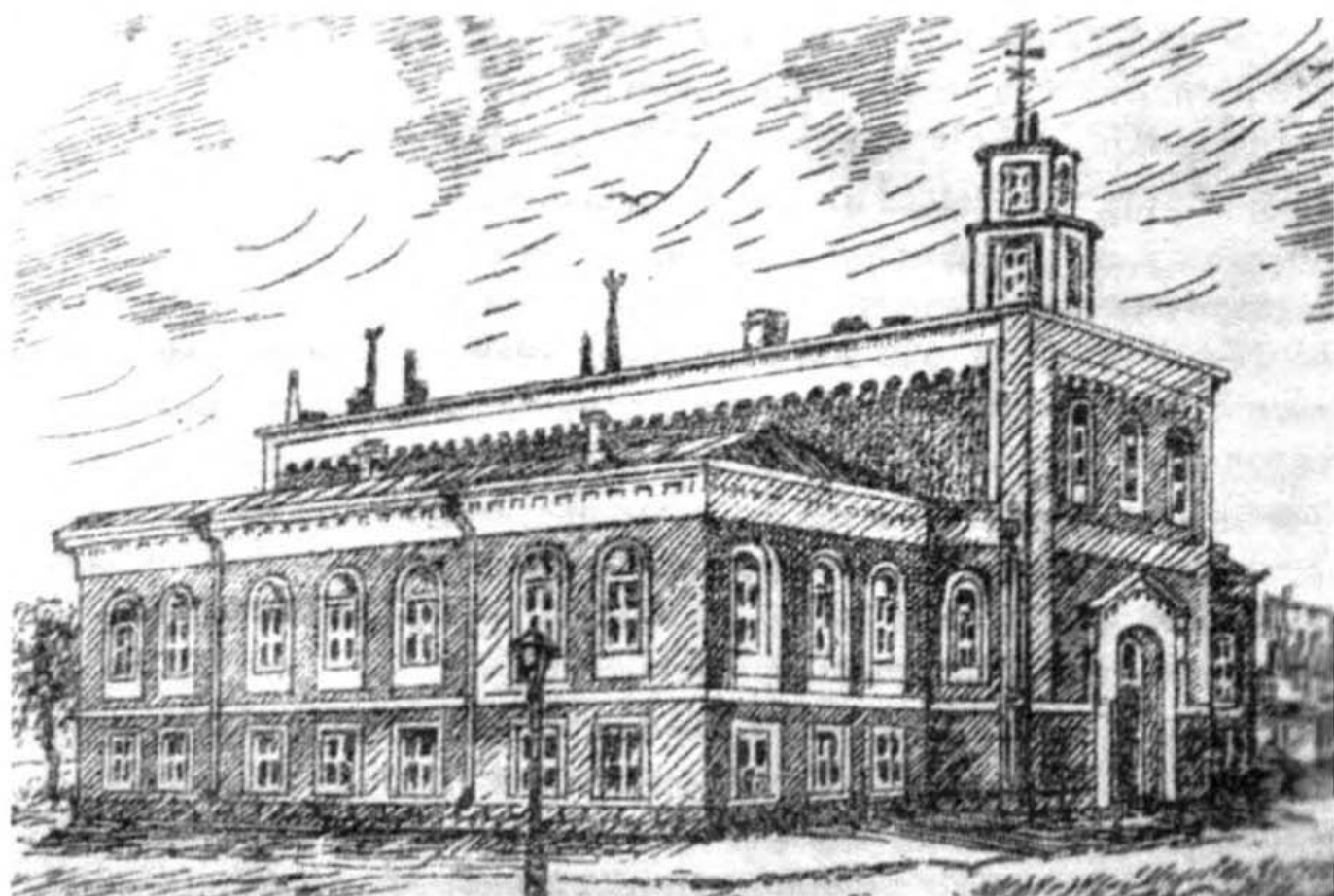
30 октября 1833 года он представил директору Департамента горных и соляных дел записку и проект организации сети магнитных и метеорологических обсерваторий при горных заводах, возглавляемой Нормальной обсерваторией при Горном институте.

В апреле 1834 года была учреждена Нормальная обсерватория в Петербурге. Заведующим ее был назначен А. Я. Купфер. С организацией магнитных обсерваторий при Горном ведомстве в России начали производиться правильно поставленные магнитные наблюдения. Наряду с ними в обсерваториях велись и метеорологические наблюдения.

Однако при организации Нормальной обсерватории предусматривалось устройство и укрепление сети метеорологических станций лишь горного ведомства. К тому же это ведомство отпускало гораздо больше средств на магнитные наблюдения, чем на метеорологические. Прочие же обсерватории и станции оставались беспризорными. Необходимо было создать центральную обсерваторию, которая руководила бы всеми пунктами метеорологических наблюдений в России. Инициатором создания такой обсерватории был все тот же А. Я. Купфер.

Но прошел не один год, прежде чем проект был наконец осуществлен. Купферу с большим трудом удалось добиться получения средств на создание большой магнитно-метеорологической обсерватории. Еще несколько лет ушло на приобретение земельного участка, составление плана постройки, на постройку и т. д. И, наконец, 1 апреля 1849 года обсерватория открылась – в этот день было утверждено «Положение для Главной Физической Обсерватории». Директором обсерватории был назначен А. Я. Купфер.

Функции Главной физической обсерватории должны были сводиться к следующему: составление и рассылка инструкций для наблюдателей, снабжение станций приборами и проверка их, обработка и издание материалов и, наконец, инспектирование метеорологических станций и контроль за соблюдением инструкций.

Первое здание Главной физической обсерватории (1849 г.)

Учреждение Главной физической обсерватории (ГФО) в Петербурге произвело в Западной Европе громадное впечатление, так как подобного учреждения нигде в Европе тогда еще не было. Важным делом, предпринятым А. Я. Купфером, было создание первых станций, телеграфирующих сведения о погоде. Толчком к организации телеграфных сообщений о погоде послужила Крымская война. В 1857 году известный французский ученый Лаверье обратился к другим государствам, и в том числе к России, с предложением наладить обмен телеграммами о погоде с тем, чтобы быстро получать сведения о движении циклонов над Европой и заблаговременно оповещать те побережья, которым они угрожают.

Получив приглашение Лаверье, Купфер предложил ему высылать депеши из Парижа в обмен на телеграммы с русских станций. Таким образом, уже в конце 1857 года ГФО стала получать ежедневные телеграммы о погоде из Москвы, Киева, Николаева, Одессы, Ревеля, Риги, Варшавы, а также с зарубежных станций – Парижа, Лиона, Лиссабона, Турина, Мадрида и Флоренции.

В первое время после учреждения центрального руководящего органа – Главной физической обсерватории – наблюдался быстрый рост количества станций.

К 1850 году в России существовало 250 станций, к 1859 – число их возросло до 263. Но в том же 1859 году годными для опубликования были признаны наблюдения лишь 47 станций, а к концу жизни Купфера, т. е. в 1864 году число таких станций упало до 24. Причины такого упадка сети заключались прежде всего в крайней скудности средств, имевшихся в распоряжении ГФО.

После смерти Купфера министр финансов обратился в Академию наук с просьбой решить вопрос о выборе нового директора Главной физической обсерватории. Летом 1865 года была создана особая комиссия, которая сочла наиболее достойным кандидатом на этот пост профессора Дерптского (ныне Тартуского) университета Людвиг Мартыновича Кемца.

Л. М. Кемц составил и издал первый учебник по метеорологии. Он был известен также как редактор единственного в то время в России метеорологического журнала «Метеорологические вести», издававшегося Географическим обществом. Кемц считал, что прежде чем приступить к дальнейшему развитию сети необходимо обработать имеющийся материал, затем привести в порядок существующие станции и только тогда уже можно будет заниматься расширением сети.

В этот же период Л. М. Кемцу пришлось участвовать еще в одном важном деле – передаче ГФО в ведение Академии наук постановлением Государственного совета от 7 марта 1866 года. Передача метеорологических учреждений в ведение академии сопровождалось некоторым улучшением их финансовых возможностей.

Летом 1867 года Кемц предпринял поездку в западные губернии России, а также в Австрию, Италию, Германию, Францию с целью производить на всем пути магнитные наблюдения. Во всех этих странах он также сравнивал свой походный барометр с нормальными барометрами метеорологических обсерваторий, чтобы ввести единообразие в наблюдения над давлением воздуха. Но Кемц не успел полностью обработать собранный им богатый материал – через три месяца после возвращения в Россию, 8 декабря 1867 года он скончался. Обработка этих данных была доведена до конца академиком М. А. Рыкачевым.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЛЬСКОГО КРАЯ в XVIII – первой половине XIX века

В XVIII веке Академия наук предприняла всестороннее изучение различных территорий Российской империи, в том числе и Кольского Севера.

Первая из академических экспедиций была отправлена на Кольский полуостров для астрономических измерений, необходимых для картографии. В декабре 1730 года исследователь француз де ла Круайер, вернувшись из экспедиции, представил на конференции академии составленный им на французском языке «Дневник путешествий по Московии в 1727-1729 годах».

На 245 листах этой рукописи изложены результаты многочисленных наблюдений, среди которых значительное место занимают описания жизни и быта русского и саамского населения Кольского полуострова. «Дневник» де ла Круайера также содержит сведения о естественных ресурсах и природных явлениях края, рыбных богатствах Мурмана, лапландских рек и озер, промысле морских зверей, гибели на береговых отмелях китов (автор отмечает связь между интенсивностью северных сияний и увеличением числа китов у побережий Лапландии), землетрясении, происходившем в Коле и Кандалакше в 1728 году, указывает время замерзания и вскрытия рек и озер.

Материалы астрономических и метеорологических наблюдений де ла Круайера были опубликованы в «Трудах» Академии наук.

За широкое изучение и освоение Севера энергично выступал Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765). «По многим доказательствам заключаю, – писал он, – что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура (природа)».

М. В. Ломоносов предугадывал наличие на Кольском полуострове ценных полезных ископаемых. Сын холмогорского крестьянина, Михаил Ломоносов с десятилетнего возраста вместе с отцом, имевшим мореходное судно, неоднократно посещал Мурманский берег, бывал в Коле и саамских погостах.

Ученый высказал твердое убеждение, что «могущество России прирастать будет Сибирью и северными океанами». Но для освоения ресурсов российского Севера необходимо широкое научное изучение По-

лярного бассейна. М. В. Ломоносов наметил программу исследований и проект Северной морской экспедиции для отыскания удобного пути с Мурмана в Сибирь и на Дальний Восток, благодаря чему «усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою...»

В соответствии с проектом М. В. Ломоносова Адмиралтейская коллегия построила в Архангельске три специальных судна с двойной обшивкой корпуса, которые в конце августа 1764 года прибыли в Колу.

В мае 1765 года (уже после смерти М. В. Ломоносова) экспедиция под начальством капитана первого ранга Василия Яковлевича Чичагова вышла в плавание, взяв курс на Шпицберген. Она достигла широты 80 градусов 26 минут, но дальше плыть было невозможно – путь преграждали сплошные льды. В августе корабли вернулись в Архангельск и, заправившись, снова вернулись в Колу. Во время зимовки в Кольском заливе некоторые члены экспедиции вели научную работу. Штурман Алексей Ломов занимался метеорологическими наблюдениями. Капитан Василий Бабаев производил опись местности и составил «План Кольского острога с казенным и партикулярным строением». Участники плаваний собрали обширный материал о ледовой обстановке, ветрах, течениях, туманах, морских глубинах, донных грунтах, якорных стоянках и бухтах в районе Шпицбергена. Экспедиция подтвердила существование открытого Ломоносовым дрейфа льдов в Северном океане с востока на запад.

В 1771-1772 годах в Кольском крае работала естественно-географическая экспедиция во главе с академиком И. И. Лепехиным. Ученый интересовался также природными явлениями: в частности, он собрал сведения о землетрясении, происшедшем в Кандалакше и Коле 7 февраля 1772 года,

В феодальную эпоху была накоплена солидная сумма знаний о Кольском Севере. Уже в Новгородский период русские люди освоили морские пути вдоль побережий Кольского полуострова, собрали большой материал о населении и географии Крайнего Севера, выявили наилучшие места для рыбных, зверобойных, жемчужных и солеварных промыслов.

В XVI веке были составлены первые географические карты и подробные описания Кольского края. Однако вплоть до XVIII века специальных научных изысканий не велось, изучение районов Севера предпринималось для чисто практических надобностей: финансовых,

хозяйственных, торговых, административных, военных, внешнеполитических.

Задача науки не сводится только к сбору сведений и описанию наблюдаемых в природе и обществе явлений и событий. Поэтому ту сумму знаний, которая была получена в XIII-XVII веках, мы не можем считать наукой. Но конкретные факты являются необходимой предпосылкой для научного исследования. Они составляют исходный материал и питательную почву для осмысливания всего происходящего в мире, для умозаключений и вводов, для выработки теоретических положений, установления взаимосвязей и закономерностей.

Начало научному познанию Кольского края было положено академической экспедицией в XVIII веке и работой отдельных ученых, занимавшихся исследованиями по командировкам государственных учреждений, научных обществ и личной инициативе.

НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА МУРМАНСКИЙ БЕРЕГ В XIX ВЕКЕ

12 марта 1867 года в Санкт-Петербурге, «благодаря трудам М. К. Сидорова, объехавшего Северный край и доставившего весьма интересные о нем сведения», состоялось заседание, на котором было доложено об экономическом состоянии российского Севера. М. К. Сидоров - архангельский капиталист патриот, внесший большой вклад в развитие Северного морского пути. (В. Ю. Визе. Северный морской путь. Л.-М. Главморсевпуть 1940 г.) Все выступления были собраны в книге «Беседы о Севере России».

В 1875 году с докладом «О судостроении в Северном крае и о возможности образовать русский торговый флот» выступил В. Л. Долинский. Докладчик правдиво и точно охарактеризовал положение Севера того времени. Некоторые высказывания необходимо привести для наглядности:

«Милостивые господа! Север России издревле обращал на себя особое внимание соотечественников наших, равно и иностранцев, которые приезжали туда торговать. Об нем мы имеем много печатных сведений, сообщенных как людьми практики, искавшими там выгодного приложения труда и капитала, так и людьми науки, исследовавшими его во всех отношениях, иностранными и русскими, во главе коих стоит наш знаменитый адмирал граф Ф. П. Литке.

Но все эти драгоценные сведения оставались лишь принадлежностью архивною, едва ли знали об них даже те, которые обязаны были знать, или, по крайней мере, они не желали знать.

...На Мурманском (Лапландском) берегу, ближе к границам Норвегии, мы имеем гавани, не замерзающие в течение целого года. Остается лишь воспользоваться ими разумно».

Но как раз разумно в России воспользоваться не могут, не умеют, не желают. Вот какие доводы приводит докладчик далее:

«Над нами тяготеют, на каждом шагу, иностранные интриги, которых мы, в простоте сердечной, сначала даже не подозреваем, а в то время (узнаем), когда они разоблачаются гибельными последствия-

ми... Являются в среде нашей мнимые либералы или как угодно их называйте, которые, живя и роскошничествуя на русские деньги, бесцеремонно и настойчиво, прикрываясь мнимым знаменем науки, становятся на сторону иностранных интересов, к окончательной пагубе русского, не родного им дела».

«...Во всех гаванях Северного океана настоящими хозяевами являются англичане, норвежцы, немцы. На долю же туземных русских выпадает один труд, до того дурно оплачиваемый, что они не имеют возможность даже есть чистый хлеб».

Как видно из вышесказанного, такое положение на Севере не могло дальше продолжаться. Медлить нельзя! Хочешь не хочешь – надо пошевеливаться. И русское правительство взялось осваивать лапландский Север.

Наступил 1897 год. В своем докладе «О нуждах Мурмана» (Труды Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия торговому мореходству) Г. Ф. Гебель* указывал:

«Если читаешь статьи о Мурмане, в которых говорится обыкновенно чуть не о бесчисленном количестве лучших в мире гаваней, то, казалось бы, чтобы поднять вопрос о постройке молов в известных пунктах, совершенно излишне убеждать и доказывать еще. Вольно же каким-то упрямам почему-то ловить рыбу непременно у таких гаваней, которые не вполне удовлетворительны. Из-за них-то, казалось бы, не стоит много хлопотать. Но, если войти в суть дела, то окажется, что хотя и есть на Мурмане много прекрасных гаваней (порт Владимир, Гаврилово, Териберка, Вайда-Губа), то они, к сожалению, существуют не везде. Они сгруппированы в известных местностях. Между тем как в других на далеком расстоянии нет даже мало-мальски удовлетворяющей нуждам рыбного промысла гавани».

Если раньше у нас были проблемы международного масштаба, то сейчас задачи другого порядка, более конкретного, местного.

«У нас, – говорит докладчик, – вовсе не существует лоцманов, помощью которых можно было бы пользоваться. Положение шкиперов,

---

* Г. Ф. Гебель - деятель Архангельского общества изучения русского севера.
(Б. И. Кошечкин «Открытие Лапландии»)

особенно парусных и не беломорских судов, идущих на Мурман с товарами или за рыбою, крайне незавидное. На наши карты полагаться нельзя, английскими, которыми пользуются шкипера наших пассажирских пароходов, тоже, в силу обстоятельств, безусловно, верить нельзя, и вот болтается часто несчастное судно, да и не только чужое, но нередко и беломорское, по целым дням далеко в море, перед гаванью, не смея приблизиться к берегу, при опасной для входа в мало-мальски незнакомую гавань, силе и направлении ветра».

Это было первое высказывание о необходимости регулярных метеорологических наблюдений. Если 22 года назад даже и речи об этом не было, то теперь вставал вопрос о подробном исследовании гаваней, о постановке науки на службу мореплавателей. Тут и картография, и гидрография, и метеорология, и даже океанология, ее зачатки:

«Рыбный инспектор должен знакомить рыбаков с усовершенствованными типами судов и снастей, следить за точным исполнением взятых на себя обязанностей теми лицами, которым дана правительством ссуда на покупку промысловых пароходов, судов усовершенствованного типа и снастей. Рыбный инспектор, кроме того, должен еще делать целый ряд научных наблюдений, между которыми важнейшими является измерение температуры воды в разных расстояниях от берега, зимою и весною, и сообщение о результатах рыбакам. В воде, температура которой менее 2 град Реомюра, треска уже не ловится, рыбакам придется тогда выйти дальше в море».

Зимой 1900-1901 года пароход «Андрей Первозванный» совершил первое пробное плавание вдоль Мурманского побережья. Это было первое научно-исследовательское судно на Мурмане. Экспедицию возглавлял Н. М. Книпович, который еще в 1893-1894 г.г. обследовал Мурманские промыслы. Именно о указаниях Н. М. Книповича в Германии был заказан специально оборудованный пароход «Андрей Первозванный», на котором уже с весны 1899 г. работала Мурманская научно-промысловая экспедиция, которая принимала участие в гидрологических, зоологических и метеорологических исследованиях. «Экспедиция организовала изучение верхних слоев атмосферы с помощью змеев». (И. Ф. Ушаков «Кольская земля». Мурманское книжное издательство, 1972 г.).

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЛЬСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

В эпоху капитализма значительно интенсивнее и на более высоком уровне, чем прежде, велось изучение Кольского полуострова и омывающих его морей.

В 1870 году академик А. Ф. Миддендорф, сделав измерение температуры воды, обнаружил вблизи Мурмана широкую и глубокую струю теплого морского течения. Свои наблюдения он изложил в работе «Гольфштрем на восток от Нордкапа» (СПб., 1871).

Чрезвычайно важную работу проделала Мурманская промысловая экспедиция (1898–1908). Труды Н. М. Книповича и его помощников были исследованы обширные пространства юго-западной части Ледовитого океана. Результаты исследований этой экспедиции были изложены Н. М. Книповичем в монографии «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана», а также в двух выпусках трудов экспедиции, в ряде статей, отчетов, карт и в нескольких монографиях по рыбам.

Единственным постоянным научным учреждением в крае являлась Биологическая станция. В 1899 году станция, которая с 1881 года находилась на Соловках, переехала на Мурман, руководствуясь тем, что здесь море никогда не замерзает и обладает богатой океанической фауной. Сначала станция помещалась в Александровской школе, затем – при Мурманской научно-промысловой экспедиции. По совету Н. М. Книповича для строительства собственного здания станции было выбрано место на западном берегу Екатерининской гавани, в полуверсте от города Александровска. Официальное открытие станции состоялось 29 июня 1904 года.

Началом было открытие в 1843 году первой метеорологической станции на мысе Терско-Орловском. Во второй половине XIX века в Кольском крае стал осуществляться регулярный сбор сведений о состоянии погоды. Метеорологические станции в Коле и Териберке посылали отчеты с результатами наблюдений в Главную Петербургскую физическую обсерваторию. Кроме того, метеорологические журналы велись на административном пароходе «Мурман» и маяках Святоносском, Орловском и Сосновском, которые отсылали свои материалы Дирекции беломорских маяков и лоций.

В 1912 году в Архангельской губернии была организована единая сеть гидрометеорологической службы. Метеорологические станции су-

ществовали в Имандре, Коле, Териберке, Печенге и Александровске. Новые станции открыли в Харловке, Кузомени, Кандалакше и Ковде, а в 1913 году – в Вайде-губе. На главных маяках были созданы наблюдательные пункты. Из всех указанных мест метеорологические сведения поступали по телеграфу в Архангельск, откуда специальная служба оповещения информировала заинтересованных лиц и учреждения о состоянии погоды и волнении моря в крае.

Изучая Кольский полуостров и омывающие его моря, ученые-путешественники проявили большое мужество и самоотверженность. Работать приходилось в условиях сурового заполярного климата, в почти безлюдных местах, передвижение было трудным и небезопасным. Знания добывались ценною огромной затратой сил, потерей здоровья, а иногда с риском для жизни.

Труды, написанные учеными о Кольском крае, явились серьезным вкладом в отечественную науку, стали составной частью нашей национальной культуры.

ГЛАВА II

ПЕРИОД Г. И. ВИЛЬДА (1 мая 1868-1899 гг.)

ГЕНРИХ ИВАНОВИЧ ВИЛЬД* – ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Академия наук 1 мая 1868 года избрала директором Главной физической обсерватории Генриха Ивановича Вильда. Это был крупный физик и метеоролог, профессор Бернского университета, создавший в Швейцарии выдающуюся по тому времени сеть Г. И. Вильд в начале 1869 года подал в Академию наук записку, в которой указывал, какие меры надо предпринять для дальнейшего развития сети. Для рассмотрения поданной записки и разработки плана преобразования системы метеорологических наблюдений в России Физико-математическое отделение Академии наук по просьбе Вильда организовало особую комиссию, состоявшую из академиков Б. С. Якоби, Г. Г. Гельмерсана, К. С. Веселовского, О. В. Струве, Л. И. Шренка и Г. И. Вильда.

Метеорологические работы, по определению комиссии, следовало делить на три части:

- 1) ведение наблюдений;
- 2) обработка материалов наблюдений и их опубликование;
- 3) использование полученного материала для определения климата страны, равно как и для дальнейшего изучения законов атмосферных явлений.

Комиссия рассмотрела каждую часть в отдельности. Ведение наблюдений, по заключению комиссии, должно было отвечать следующим условиям.

---

*Д. Ф. Недзюров. «Очерки истории развития метеорологических наблюдений в России»

Академик Генрих Иванович Вильд (1833–1902)

Наблюдения должны быть производимы по однообразной системе, соответствующей современному состоянию науки.

Снаряды, употребляемые для наблюдений, на всех станциях должны быть, по возможности, одинаковой доброты и, во всяком случае, должны быть точно сравнены и затем надлежащим образом выставлены по однообразной системе.

Станции должны быть время от времени обзриваемы сведущим человеком для удостоверения в том, что снаряды находятся еще в хорошем состоянии и что наблюдения производятся добросовестно, с точным соблюдением преподанных для этого правил.

Относительно второй части метеорологических наблюдений – обработки и издания материалов – комиссия приняла такое решение: «По поводу вычислений, собирания и печатания наблюдений комиссия считает, что вычисление наблюдений должно производиться наблюдателями, для чего ГФО должна снабжать станции всеми вспомогательными таблицами и материалами. Все материалы наблюдений после вычислений должны высылаться в ГФО...» Особое внимание комиссия обратила на вопрос инспектирования станций. «Что касается метеорологических телеграмм, то Комиссия поддерживает это начинание и считает необходимым его развивать. В отношении Главной Физической Обсерватории Комиссия считает необходимым увеличение штатов и средств для того, чтобы поставить метеорологическое дело в России на должную высоту».

Г. И. Вильд, прежде всего, занялся созданием сети станций, построенной на правильной научной основе и усовершенствованием методов наблюдений и приборов. Это требовало большого труда и организаторского таланта, и надо признать, что в этом отношении Вильдом было сделано очень много. Приняв в конце 1868 года сеть из 31 постоянно действующей станции, Вильд постепенно ее увеличивал, и к 1890 году она состояла уже из 432 станций с полным циклом наблюдений.

Приступив к организации сети метеорологических станций на научной основе, Вильд занялся разработкой новой «Инструкции для наблюдений». В основу этой инструкции был положен принцип единообразия, без соблюдения которого материалы наблюдений теряют всякую ценность. Много труда было положено Вильдом на упорядочение сроков наблюдений. Введение инструкций по производству наблюдений в 1869 году до определенной степени упорядочило работу метеорологических станций.

С 1870 года для всех станций были твердо установлены три срока наблюдений (7.00, 13.00, 21.00 час) и введен новый календарный стиль. В этом же году были введены шкала Цельсия вместо прежней шкалы Реомюра и метрическая система мер выражения метеорологических элементов.

СОЗДАНИЕ КОЛЬСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

Кольская ГМС организована в 1878 году Архангельским торговым портом.

В 1934 году из ведения Управления ЕГМС Северного края передана в ведение Управления ЕГМС Северных морей.

С 20 июня 1947 года станция переведена из 20-го в 16-й тип.

Перерывов в работе станции не было.

С 1912 года по настоящее время станция работала по программе 2-го разряда.

Станция переносилась один раз в августе 1936 года на расстояние 300 м к северо-востоку.

Климатологический справочник

Шкипер Аполлон Хохлов

А начиналась история Кольской метеостанции с такого письма:

«...Имею честь сообщить, что два из них (ящики с метеорологическими инструментами, присланные Главной физической обсерваторией – Л. Ш.) 18 сентября сего года переданы для доставления в г. Колу штурманскому помощнику Аполлону Антоновичу Хохлову, рекомендованному капитаном Василием Герасимовичем Козловым в качестве производителя метеорологических наблюдений в этом городе, как местного жителя и как бывшего его ученика в г. Кемии, производившего там под его же г-на Козлова руководством метеорологические наблюдения...»

*(Из отношения командира Архангельского порта
от 18 октября 1876 года за № 1838).*

И вот я приехала на гидрометеорологическую станцию, которой исполнилось 125 лет. Тихо и величаво несет свои воды Тулома. Возле берега плещутся утки. Где-то здесь, на этом берегу, причалил свое суде-

нышко шкипер Аполлон Хохлов. Смелый, сильный, выдержанный человек.

Представила его трудную долгую дорогу из Архангельска. Судно послушно огромной зыбкой стихии. Но сильнее стихии воля человека, и судно упорно движется вперед. Позади скалы Черного мыса, птичий гомон Семи Островов, маленькие хибары становища Териберка. Наконец желанный залив. Огоньком маяка встречает г. Александровск (Полярный), а Мурманска еще и в помине не было. Как ни трудна была дорога, шкипер Аполлон Хохлов доставил инструменты в целости и сохранности. Перенес инструменты ближе к своему домику. С помощью местного плотника установил мачту флюгера, столб для осадкомера, термометрическую будку. И с 1 января 1878 года он начал производство наблюдений.

И полетели первые «ласточки» сообщений.

*«Санкт-Петербург. В Главную Физическую обсерваторию.
г. Кола, 23 марта 1878 года.*

Имею честь при сем препроводить за март месяц наблюдения.

Покорнейше прошу Главную Физическую обсерваторию разъяснить мне как вновь наблюдателю: откуда я должен получить наблюдения термографа максимум и минимум, которые должны записываться ежедневно, так как инструмента такого я не имею, какой для этих наблюдений я видел в г. Архангельске на станции, а также подобный тому в г. Кеми, у которого через сечения стрелок определяют ежедневные максимум и минимум».

Через три месяца, 2 июля 1878 года, пришел ответ за № 440:

«Господину производителю метеорологических наблюдений.

С выражением глубочайшей признательности уведомляем Вас о получении Ваших наблюдений обсерваторией. Покорнейше Вас просим сообщить ей номера употребляемых Вами инструментов. По получении этого сообщения обсерватория вышлет те поправки, которые должны быть применены. Кроме этого, обсерватория просит выслать возможно подробное описание местности Вашей станции и установки

инструментов с приложением набросанного от руки плана.

В особенности важно сообщение размеров и устройства деревянной будки и сведений о том, насколько флюгер господствует над местностью и каким способом ориентирован он по сторонам горизонта.

Термографы обсерватория не рассылает больше, вследствие ненадежности их показаний.

Термометр для наибольшей и наименьшей температуры, который у Вас есть, по всей вероятности, такого устройства, как описывается на приложенном листе, этот инструмент тоже не может давать надежных результатов. Наблюдения над наименьшей температурой Вы можете сделать по высланному Вам спиртовому термометру.

Из приложенного при сем открытого письма Вы увидите, что письма, адресованные Вами на имя Главной Физической обсерватории, должны быть принимаемы на почте бесплатно. Впрочем, обсерватория уже обратилась к директору почтового департамента с просьбой предписать почтовому отделению г. Кола принимать Ваши письма и посылки бесплатно и возратить Вам 72 копейки, взысканные от Вас неправильно.

Директор обсерватории Вильд»

Север был мало изучен, поэтому первые метеорологические данные имели большую ценность. Это являлось хоть небольшим, но шагом вперед.

Интерес к погоде, к метеорологии у людей издавна постоянен. Так было везде. Так было и здесь, в Коле. Вот письмо, которое подтверждает мои слова, – письмо губернатора Головцына к находившемуся в Архангельске «физической экспедиции предводителю господину профессору и медицины доктору Ивану Ивановичу Лепехину»:

«Государь мой Иван Иванович!

Сего февраля 28-го числа в присланном ко мне из Кольской воеводской канцелярии рапорте написано, что онаго месяца 7-го дня, пополудни, в исходе первой половины седьмого часа, в тамошнем Кольском остроге было землетрясение, и по всему городу слышно было подземный гром наподобие едущих колясок по каменным или деревянным мо-

стам, и в то же самое время был преужасный вихрь с преземельным снегом; коего времени было с минутой часа, точию божьим милосердием от оногo никакого нисколько и ничему повреждения не учинилось...

*Февраля 29 дня 1772 года»
(Из книги Н. Голубцова «К истории города Колы
Архангельской губернии»)*

Хотя промысловики – народ наблюдательный, сметливый, они знали, когда и при каком ветре, в какое время промыслять моржей, китов, сельдей, семгу, имели свои приметы, однако, несмотря на все эти знания, уповали на бога:

«В нынешней осени, по дарованию Божью, в Кольской губе сельдей так много, что здешние обыватели все с большим удовольствием тех сельдей промыслили, а ныне множество оных обсыхает на берегу...»

Или наоборот:

«А ныне, по недарованию от всемогущего Бога, семужьих промыслов 20, а тресковых и сальных 5 лет не имеется, и от неимения тех промыслов пришли во всеконечную скудность и нищету и претерпевали великий глад. Февраль 20 дня 1767 года.

Так жили коляне: сегодня густо, завтра пусто.

Но вернемся к Аполлону Хохлову, к его заботам.

«Имею честь известить обсерваторию, что пакет от 16 августа за № 611 мною получен... а также о ходатайстве мне от Главного гидрографического департамента жалования в положенном количестве. На что я заявляю, что могу получать и неполную назначаемую сумму около 15 рублей, а довольно было бы и 12 рублей в месяц, что и прошу Главную обсерваторию принять к сведению».

Затем он сообщает дополнения к набросанному от руки плану, что «будка находится на чистом месте, деревьев никаких нет ни в близи, ни в дали. Гора одна хоть и есть, но в расстоянии около сажени».

Сверх того называет номера инструментов. Только у барометра номер не мог усмотреть.

Обсерватория беспокоится о качестве, чистоте наблюдений. Хлопочет о правильном устройстве и расположении инструментов на мест-

ности. Все лишнее может оказать влияние на показания приборов. В этом письме, наблюдатель упоминает о распутке – что это такое?

Те прежние дороги хорошо описывает в книге «Русская Лапландия и ее промыслы» врач Владислав Ромульдович Гулевич.

«Колонизовать и управлять Лапландией не так было легко, как могло казаться, на том основании, что она никогда не имела ни естественных, ни искусственных дорог, а потому многие административные распоряжения вследствие того, что доходили до Колы всегда поздно, исполнялись несвоевременно и иногда неточно, что служило во вред местному населению. Для того чтобы попасть в Лапландию или в город Колу, имелось два пути: сухопутный и морской. Сухопутный был возможен только летом и зимою, а морской – во время навигации, так что этот край весной и осенью оказывался изолированным от своего центра – Архангельска. Летом можно было пробраться по Лапландии, но с трудом, так как приходилось совершать путь пешком и по таким тропинкам, где только ходят олени; зимою же этот путь более удобен, потому что проезжающих перевозят от одной станции к другой домашними оленями, приученными к езде.

Морским путем в прежнее время попадали на промысловых судах и ладьях, что было весьма неудачно для непривыкших, и проезжающий никогда не знал, сколько времени он пробудет в дороге, потому что это зависело от ветров.

До 1869 года почта доставлялась в Колу при помощи обывательских станций по Кольско-Кандалакшскому тракту. После того как г. Колу и Мурманский берег поручили исправнику, он обратил внимание на сообщение, и вследствие его ходатайства обывательские станции были заменены земскими, которые вообще считаются лучшими и удобнейшими, а для разъездов по Мурманскому берегу предоставлены были чиновникам две норвежские елы (особенного устройства лодка). Нет сомнения, что в настоящее время проезжающий по Лапландии летом и зимою придет к печальному заключению, что он находится в стране полудикарей, где только что положено основание цивилизации, благодаря тем удобствам, которые он находит на земских станциях; что же касается до ел, на которых и прежде не без опасности ездили чиновники, то таковые заменены уже теперь пароходами».

Неудивительно, что письма, отправленные наблюдателем, долго шли до обсерватории.

«Получив от 9 ноября 8 только декабря присланный чертеж будки и поправки для термометров, имею честь уведомить, что поправки термометров по получении в декабре месяце мною приняты будут в расчет, что и будет видно из присланной месячной таблицы и книжек по окончании месяца. Вместе с тем Главная Физическая обсерватория спрашивает номера как ртутного барометра, так и анероида. Но номеров на оных я не мог заметить, хотя между прочим и указано место у ртутного барометра – при соединении двух трубок – барометрической и термометрической. Но при всем тщательном моем желании, узнать номера не мог, а также равно и на анероиде, кроме что на основании фабричных букв ничего не находится (а потому не знаю, где мне их взять)...

Размеры моей будки, как мною было уже объяснено обсерватории, несколько больше, чем показывает чертеж, и крышка на будке одинарная, имеющая скать $3/4$ метра, двери будки от падения снега не препятствуют, и при дневном свете освещения довольно. Остальное же согласно чертежа.

Если же обсерватория найдет нужным перестроить будку, то по весне, тогда будет талая земля, по приказу обсерватории, я могу перестроить оную, но за таковую перестройку потребуются издержки опять.

Не очень давно здесь был с русско-норвежской границы наблюдатель, занимающийся от норвежского государства, и похвалил мою будку, говоря, что у него на станции не имеется особой будки, кроме помещения, где он проживает, а термометры у окна помещены. Еще покорнейше прошу, нельзя ли мне прислать такую же книжку, какая у меня имеется, «Инструкция ведения метеорологических наблюдений», за каковую деньги вышлю.

Остаюсь готовый к услугам наблюдатель Аполлон Хохлов.

29 января 1879 г.»

Отсылая метеорологический материал в обсерваторию, Хохлов дополнял его сведениями об аномальных явлениях погоды.

«Июня 19-го дня 1880 года. ...также извещаю, что в этом месяце сего года был несколько раз снег и град, чего ранее старики не упомнят...»

«Февраля 18-го 1882 года. ...в течение февраля постоянно свирепствовали ветры, и подробно имею сведения, как на Мурманском берегу у Северной Норвегии причинило ветром и большим подъемом воды много повреждений и убытков строениям и судам...»

«24-го января 1885 года ...6 января был такой дождь, очень крупный, и в Крещение...»

А это любопытное сообщение привожу полностью:

«Имею честь представить наблюдения за июнь месяц и при сем объяснить, что в этом месяце было наводнение на 24 число, какового не было, и очень старые люди не помнят, да и по описям не видно такового, так что кладбище размыло и покойников унесло до 40 штук...» (6 июля 1881 года).

Обсерваторию покойники не интересовали, ее интересовала погода. Директор Вильд писал: «Не найдете ли достоверных записанных сведений о вскрытии и замерзании реки Колы и Туломы за последние годы? На будущее время желательно, что бы Вы в примечаниях к Вашим наблюдениям и в таблицах отмечали время вскрытия и замерзания этих рек». Так работала маленькая метеостанция, которой 15 лет заведовал шкипер Аполлон Хохлов. Его по праву можно назвать первопроходцем метеорологических исследований на Кольском полуострове. Читаю последнее его письмо в обсерваторию:

«При сем имею честь представить наблюдения, производимые в г. Коле в течение сентября месяца сего года. Равно и уведомить обсерваторию, что с 20 октября станция мной будет передана по приказу дирекции маяков Архангельского порта, учителю приходского училища Темнорусову, о чем я при бытности своей в Архангельске от 30 сентября подробно уведомил Главную обсерваторию.

г. Кола, октября 12 числа 1893 г.»

Командир Архангельского порта
18 октября 1876 г. № 1838.
(подпись и печать)

Человек имеет сведения, что для шкипера (в том же смысле, что и в 1875 г.) 18 октября 1876 г. переданы для доставки в г. Колу, шкиперу поименованному Александру Александрову Косову, рекомендованному Комитетом по портовым делам Терасимовским Косовым, бывшим производившим инспекторские наблюдения в этом городе как местного значения и как бывшего его уполномоченным. Косов, производивший ранее по поручению г. Косова руководивший инспекторскими наблюдениями.

Не представляя рекомендации г. Косова в отношении и качества г. Косова, представляя наблюдения и работы с своей стороны, в отношении добросовестности и правдивости производимых им в г. Колу, на основании представленных сведений, а предвещая продолжением инспекторских наблюдений Александру Косову Советскому совместно с Косовым назначенный поручиком и капитаном Косова при исполнении поручения в отношении и качества г. Косова.

Выписка из отношения командира Архангельского порта от 18 октября 1976 года, где сообщается, что груз, предназначенный для шкипера А. Хохлова, в Колу доставлен

метеорологическая станция в Кола

шрота: 68° 53'
 места в атлантике 33° 1'
 места над уровнем моря

станция основана в 1878 году
 инструменты приобретены на средства Император. Вост.
 Азии начался в январе 1878 г.
 наблюдатель: Мисинеръ Яковлевъ Александръ.

шрота № 182
 периметр 256 + 256°
 диаметр периметра 135
 диаметр широты 152
 диаметр долготы 120 + 120
 диаметр № 54
 диаметр (широты) № 49
 диаметр долготы № 8

широты № 33-7 (широты) № 33-7
 долготы № 34 (долготы) № 34

широты № 155
 долготы № 375

станция в городе Архангельске, в Кемском уезде, на остро-
 ве Кола у подножия горы Соловецкой. Кола находится
 в 157 в. от Архангельска и в 54 в. от Кемки, при рр.
 Кола и Кемки. Кола имеет длину 20 в. и ширину 10 в.
 Кола расположена на берегу моря на 100 в.
 от берега. Кола имеет длину 20 в. и ширину 10 в.
 Кола имеет длину 20 в. и ширину 10 в.

Станционный паспорт метеостанции "Кола".
 1 января 1878 г.

29 июня 1878 29

В Главную физическую
Обсерваторию

Наблюдатель Метеоро-
логической Станции в
г. Кольо Аполона Хо-
лова
Донесение.

Учтиво имеет донести, что при
этом присланном востановит с Сими-
да 2 июля производимая мною
наблюдения, так как, как за сире-
тир, ильбу было отпавать
ранее послужило темной во-
ды и наступившей тогда
растурты, впродол до Сего времени.

Донесение наблюдателя Кольской метеорологической станции – шкипера
Аполлона Хохлова в Главную физическую обсерваторию. Июнь 1878 г.

178
Шкиперу Аполлону Антоновичу
Хохлову.

Въ отвѣтъ на письмо Ваше Главная Физическая
Обсерваторія имѣетъ честь Васъ уведомить, что не-
значеніе наблюдателя въ Колѣ записано вслѣдствіе
Дирекции Лопатина и Малкова которая входить въ это
въ сношеніе съ Главнымъ Гидрографическимъ Управ-
леніемъ. Такъ какъ назначеніе новаго наблюдателя
уже состоялось то Обсерваторія ничего не можетъ
сдѣлать въ отношеніи этого, она можетъ только выждать
назначенія и въ случаѣ нѣе удовлетворительности
докладать объ этомъ до вѣдѣнія Главнаго Гидрогра-
фическаго Управленія.

Директоръ Обсерваторіи:

Генрихъ Ивановичъ Вильда

Помощникъ Директора:

Михаилъ Александровичъ Рыкачевъ

На документе отчетливо читаются росписи первого директора ГФО
Генриха Ивановича Вильда
и помощника директора Михаила Александровича Рыкачева. 1896 г.

1890. г. Колы 168/1
Гену Заведывающему
метеорологическою станцією
въ г. Колы, Шенеру А. Хохлову.
Изъ Вашего письма отъ 30. Маю
Главн. Физическ. Обсерваторіи
свѣдѣн. о своемъ сожалѣніи о томъ,
что метеорологическ. наблюд. въ
Колы прекратились на одинъ
годъ, влѣдствіе болѣзни
наблюдателя Васъ въ вѣдѣ
мѣсяч. малочина.
Въ изобѣжаніе, подобнаго проуща,
будущее вѣдѣ, не найдете
Въ возможномъ приугатъ
производств. наблюд. еще
однѣмъ изъ ~~мѣсяч~~ мѣсячъ
въ городѣ Колы.
Шенеръ Обсерваторіи (над.) Г. Реннѣ
Шенеръ наблюдателю (над.) Берманнѣ.

Распоряжение ГФО наблюдателю
А. Хохлову в город Колу. Июнь 1890 г.

А. М. ТЕМНОУСОВ - УЧИТЕЛЬ КОЛЬСКОЙ ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

Мой рассказ о первом метеорологе в городе Коле Аполлоне Хохлове закончился его письмом в обсерваторию, в котором он сообщал, что по приказу Дирекции маяков и лоции из Архангельска он передает станцию учителю приходской школы Темнорусову.

Не по своему желанию отошел от производства метеонаблюдений шкипер Аполлон Хохлов.

Приказ передать станцию оказался для Хохлова громом среди ясного неба. Он пытался исправить положение, обращался в обсерваторию в поисках защиты и поддержки. Вот строки из его письма в обсерваторию, проливающие свет на это дело:

«...Хотя Темнорусову если уж будет передана станция, то имею объяснить и принять к сведению, что результатов от наблюдений его год требуется. Точные и добросовестные едва ли будут, потому что он и своей прямой обязанности учителя не исполняет, что и было в прошедшую зиму, где учеников собралось к 11 часам. Много раз вовсе не было занятий вследствие неблагоприятной по его здоровью погоды, что может подтвердить Кольское начальство и жители. Да даже небезызвестно и директору училища, что он не преподавал вовсе гимнастики, хотя в его обязанности, и за это от города назначалось вознаграждение, которое ныне от него отобрано, как неисполняемое...»

В ответ на свое письмо Хохлов получает послание, из которого видно, что изменить что-либо уже поздно.

«...Так как назначение нового наблюдателя уже состоялось, то Обсерватория ничего не может сделать в отмену его. Она будет только выжидать наблюдения и в случае их неудовлетворительности доведет об этом до сведения Главного гидрографического управления».

А учитель Темнорусов уже спешит засвидетельствовать, что он является полноправным хозяином Кольской метеостанции, показать свое

служебное рвение, делится своими заботами. В рапорте в обсерваторию он пишет:

«...При приеме Кольской метеорологической станции бывший наблюдатель Хохлов заявил мне, чтоб будка у его двора с флюгером была снесена через три дня. На все мои убеждения Хохлов не дозволил оставить будку в его дворе и делать наблюдения на прежнем месте, почему я вынужден был нанять рабочих для сноса будки с флюгером:.. Будка оказалась ветхой, то есть крыша гнилая и два столба, что заменены новыми. А всего с переносом, с работой и с новым материалом израсходовано на будку 16 рублей 82 копейки.

О чем и донесено 2-ну директору маяков и лоции Белого моря для зависящего распоряжения о возврате израсходованных мною денег.

*Наблюдатель Александр Михайлович Темнорусов
27 октября 1893 года»*

Что касается обсерватории, то ее интересы обращены к заботам и делам Темнорусова.

И здесь уместно будет напомнить читателю о тех, кто стоял за общим словом «Обсерватория». Директором ее был уже упоминавшийся Генрих Вильд. До сих пор метеорологи в своей работе используют барометр и психрометрическую будку Вильда.

Рядом с ним работали замечательные, самоотверженные люди. Это надворный советник, физик, инспектор Антон Антонович Каминский. В 1899 году он предпринял большие поездки на Печору, на Кольский полуостров, в Олонецкий край, где организовывал и попутно осматривал уже действующие станции. На Кольском полуострове в 1899 году им были открыты метеостанции в Александрове (ныне Полярный), в селе Ловозеро, а также близ озера Имандра. (А. А. Каминский, чтобы организовать метеостанцию на берегу озера Имандра, пешком прошел от Колы с грузом хрупких приборов по едва заметным тропинкам около 100 верст¹). Он посетил Кольскую и Териберскую метеостанции.

Но вернемся к нашему герою. Весной 1896 года А. М. Темнорусов приболел, что следует из письма:

«Имею честь уведомить ГФО, что вследствие болезни я вынужден был выехать в г. Архангельск для операции, и наблюдения за Кольской метеорологической станцией с 1 июня по старому стилю поручил

впредь до моего возвращения в Колу писцу Кирику Миккуеву. При сем прилагаю книжки с записями за июнь месяц и при этом имею честь объяснить, что сделать надлежащие вычисления за болезнью я не могу, а наблюдающий Кирик Миккуев к составлению ведомости не способен. Для записи международных наблюдений над облаками покорнейше прошу Главную Физическую обсерваторию выслать несколько книжек, так как в моем распоряжении не осталось ни одной».

А через два месяца он уже находится в Коле и сообщает оттуда:

«В ответ на отношение от 29-го мая сего года за № 1666 имею честь уведомить обсерваторию, что барометр за № 155 мною получен 29 июня 1896 года».

Осенью 1896 года обсерватория получает письмо вот такого неожиданного для нее содержания:

«При сем имею честь представить Главной Физической обсерватории две квитанции в получении мной от обсерватории сорока пяти рублей (45 руб.) за истекшие май, июнь, июль месяцы сего 1896 года (за Териберскую метеостанцию).

При этом покорнейше прошу обсерваторию, не найдет ли она возможности через телеграф передать мне Кольскую метеорологическую станцию для наблюдений, так как нынешний наблюдатель Темнорусов не особенно добросовестно относится к своему делу, поэтому надеюсь, что обсерватория мою просьбу удовлетворит.

Старший лекарский ученик Федор Шатков»

На арену событий выходит новое лицо. Уверенно, решительно напоминает о себе третий герой моего рассказа Федор Шатков, прибывший в Колу в качестве лекаря из Териберки осенью 1896 года.

Этот человек знает, чего хочет, знает, что надо для этого делать. Письмо его не просительное, как Аполлона Хохлова, а требовательное, энергичное. Он даже советует обсерватории использовать современное достижение науки - вступивший в действие телеграф. Опять разгораются людские страсти. Однако обсерватория не хочет или не может менять что-либо в отношениях с Темнорусовым, она тонко дает это понять Шаткову:

«В ответ на рапорт ваш, полученный 10 октября сего года, Главная Физическая обсерватория имеет сообщить, что учитель А. М. Темнорусов производит метеорологические наблюдения в Коле с согласия обсерватории. Если вы желаете помочь г-ну Темнорусову в производстве наблюдений, то благоволите обратиться к нему лично.

*Директор обсерватории М. Рыкачев
Старший наблюдатель Р. Бергман».*

Судя по подписям на письме, видно, что в Санкт-Петербургской обсерватории произошли изменения. Вместо ушедшего в отставку Генриха Вильда директором обсерватории назначен Михаил Александрович Рыкачев, также много сделавший для развития метеорологии в России.

...После такого ответа из обсерватории Ф. Шатков с мечтой заводить Кольской метеостанцией не расстался, а стал терпеливо ждать своего часа.

А между тем ни о чем не подозревавший Темнорусов продолжает производство наблюдений и также сообщает в Санкт-Петербург интересный и замечательный факт: «Телеграф открыт в Коле 12 октября сего года (1896 - Л. Ш.), а потому следует ли каждый день сообщать обсерватории наблюдения?»

Открытие телеграфа - это рывок в развитии метеорологии на Севере. Значительно возросла оперативность передачи информации.

Обсерватория немедленно использует это обстоятельство и сразу же высылает код для составления метеотелеграмм - депеш, как их называли в то время. Вот один из документов, он адресован Темнорусову:

«Вследствие изъявленной Вами в письме от 21 ноября с. г. готовности высылать телеграммы о погоде Главная Физическая обсерватория препровождает Вам при сем руководство для составления ежедневных метеорологических телеграмм и вместе с тем покорнейше просит Вас высылать ежедневно по две телеграммы согласно п. 2 "Руководства" (стр. 10). Высылку означенных телеграмм обсерватория покорнейше просит Вас начать после того, как местная телеграфная контора получит предписание о бесплатном проекте, о чем обсерватория обратилась с ходатайством в Главное управление почт и телеграфов».

22 января 1894
197

В Главную Физическую
Обсерваторию

(5) 16.24.21

В соответствии с распоряжением

Главной Физической Обсерва-
тории от 26 сентября 1893.
за № 209, по усмотрению
в декабре 1893, имеет
цель по возможности пред-
оставить описание Кольской
метеорологической станции

Заведующий станцией,
Учитель Темнуров

Директор А. Темнурова
по Кольской метеорологической

Рапорт в ГФО от наблюдателя – учителя церковно-приходской школы
Александра Темнурова, о том, что он предоставляет описание Кольской
метеорологической станции. 22 января 1894 г.

10 Июля 1896.

Н. Н. П.
Учитель

Высшего природного
училища

10 Июля 1896 года

№ 55.

Въ Главную физическую
Обсерваторию

Покорнейше прошу Главную
физическую Обсерваторию
выслать ассигновку на деньги
съ Марта месяца по сей день,
за наблюдения на Колыской Ме-
теорологической станции, такъ
какъ, по случаю болезни, деньги
мнѣ очень необходимы.

Въ Архангельскѣ, по болезни,
я пробуду, впрямую, до 25 Июля,
а потому деньги прошу выслать
по адресу: г. Архангельск - Со-
лоидала, А. Темнорусову, въ
квартиру свидѣльника М. Темно-
русова.

Наблюдатель Метеорологической станции въ г.
Колы, Учитель А. Темнорусов

Сообщение А. М. Темнорусова в ГФО о том, что
по болезни он будет находиться в Архангельске.
10 июля 1896 г.

2649

г. Кона

168

24

Ген. Заведывающему межевым
делам статистическому в Конс. Статистическому
Результату О. О. Шаткову

Всего же по Вашему от
22 сентября с. г. Г. О. ~~наименование~~
показывающее, что в настоящее время
в настоящее время в настоящее время
заведывающему межевым статистическому
исправлению. Наказание поправлению
поправлению ~~поправлению~~ ~~поправлению~~ ~~поправлению~~
в настоящее время в настоящее время
исправлению ~~исправлению~~ ~~исправлению~~ ~~исправлению~~
будет исправлению в настоящее время

Распоряжение из ГФО – наблюдателю
Ф. Ф. Шаткову. 22 сентября 1898 г.

На самой метеостанции происходят также изменения. Уже измеряется не только температура воздуха, но и поверхности земли.

...Передо мной письма, рапорты. Это не просто письма, а исторические документы, свидетельствующие о развитии нашего края. Из них узнаешь, что ходили уже рейсовые пароходы «М. Ломоносов» и «Император Николай II» Архангело-Мурманского товарищества.

Наступило лето 1898 года. Пробыл заветный час Федора Шаткова. Дотошный фельдшер, выяснив все обстоятельства дела, снова беспокоит обсерваторию своей просьбой, спешит, чтоб его никто не обошел, шлет докладную записку:

«Наблюдатель метеорологической станции в г. Коле (Архангельская губерния) учитель Темнорусов переводится из Колы в Не-нокский посад. С переводом его должность наблюдателя метеостанции будет вакантная. Мне очень желательно было бы заведовать этой станцией и производить на ней наблюдения... Наблюдения мои как вполне благонадежные полностью печатались в "Летописях" Главной Физической обсерватории, в удостоверение чего имею от нее аттестат от 7 октября 1898 года за № 2775, также получил диплом за хорошие наблюдения, присужденный Всероссийской Нижненигородской выставкой за № 6854, и, кроме того, была объявлена мне через господина Архангельского губернатора письменная благодарность от 11 июня 1894 года за № 1323... На переноску метеорологической психрометрической будки не потребуются никаких расходов, так как будка находится близко около моей квартиры...»

Бумагу такого же содержания он направил архангельскому губернатору с надписью врача "о неимении с его стороны препятствий.

Разослав письма, заручившись поддержкой губернатора, Шатков времени зря не теряет, он уже вовсю хозяйничает на метеостанции. Однако обсерватория не спешит с распоряжением передать станцию Шаткову, желая соблюсти законность.

31 июля 1898 года старший лекарский ученик Ф. Шатков получает письмо:

«В ответ на письмо Ваше от 2 июля с. г. Главная Физическая обсерватория имеет честь сообщить, что до сих пор ей доставлялись наблюдения из Колы А. М. Темнорусовым по окончании каждого месяца,

причем г-н Темнорусов обсерватории ничем не сообщил об оставлении места учителя в г. Коле. Если г-н Темнорусов откажется от производства наблюдений, то обсерватория с благодарностью примет Ваше любезное предложение продолжать эти наблюдения и уполномочит Вас получить от А. М. Темнорусова инструменты».

Но так как сам Александр Михайлович Темнорусов по-прежнему молчит, то обсерватория обращается и к нему:

«Письмом от 7 июля с. г. лекарский ученик Ф. Ф. Шатков в Коле уведомил Главную Физическую обсерваторию, что Вы переводитесь из г. Колы на другое место, и ему очень желательно было бы после Вашего ухода заведовать метеорологической станцией в Коле. Ввиду этого обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбой уведомить ее, действительно ли Вы намерены оставить город Колу, так как считает возможным согласиться на передачу Шаткову имущества метеорологической станции. Немедленным ответом на настоящее отношение Вы обяжете обсерваторию.

*Директор обсерватории академик М. Рыкачев
Заведующий работами отдела Р. Бергман».*

И только ответ Темнорусова развязывает руки обсерватории. Он сообщает о том, что уезжает из Колы.

...Я отрываюсь от писем из прошлого. Пять лет проработал Темнорусов на Кольской метеостанции. Ф. Шатков наблюдал здесь до августа 1924 года. Этот человек заслуживает отдельного обстоятельного рассказа.

К сожалению, я процитировала немногие письма, хотя прочла все, что имелись в архиве, получив истинное удовольствие. Как не хватает нам, людям нынешней эпохи, культуры общения. Вчитайтесь в тон писем. Какое уважительное отношение к подчиненному со стороны крупного физика и метеоролога, профессора Бернского университета Г. Вильда. И не только его. Истинный урок высокой нравственности и культуры получила я, перечитывая странички писем, ставших историческими.

СОЗДАНИЕ ТЕРИБЕРСКОЙ МЕТЕОСТАНЦИИ

На краю земли

ГМС «Териберка» – открыта 1(13) августа 1889 г.

16.08.36 г. – перенесена на м. Жилой.

13.08.41 г. – перенесена в пос. Териберка.

18.09.42 г. – перенесена на м. Жилой.

Каталог гидрометеорологических станций МУГМС

*«Честь имею сообщить Главной Физической обсерватории, что я принял от господина врача Гулевича метеорологическую станцию в становище Териберка на Мурманском берегу со всеми принадлежащими к ней инструментами в полной исправности. **Производить я начал правильные наблюдения с 1 августа.** И при сем прилагаю таблицу и книжку наблюдений, начатые не ранее первого августа, вследствие того, что психрометрическая будка была приведена в надлежащий вид к этому числу.*

27 августа 1889 года

Лекарский ученик Иван Видякин»

1 августа 1889 года и считается днем рождения Териберской метеостанции.

Автобус весело и легко катит по асфальтированной дороге. В окошко бьет солнце и льется голубизна неба. Мелькают редкие деревья пригородного леса, отчетливо синеют на снегу заячьи следы, лента лыжни. Впереди у меня – встреча с Териберкой. Становище, колония Териберка – так называли это старинное рыбацкое поселение промысловиков Мурмана. И сто лет назад именно здесь начала работать метеорологическая станция.

Становление станции в Териберке неразрывно связано с началом медицинского обслуживания промысловиков на побережье Мурмана. Коренное и пришлое население Лапландии болело всеми возможными простудными, эпидемическими и эндемическими болезнями, ища по-

мощь лишь у местных сведущих людей, а были ими по преимуществу кебуны (колдуны). Народная медицина находилась в руках знахарей до 1854 года, пока не прислали в Колу военного врача с командой для защиты города от нападения англичан. Вскоре прибыл на Мурман и первый уездный врач Дембровский, который за восемь лет устроил больничку, аптечку и исходатайствовал себе помощника – лекарского ученика. Выписана была и повивальная бабка. Местный богатей Попов, умирая, оставил небольшой капитал на устройство новой больницы, которая помещалась в старом здании вместе с полицией и тюрьмой.

Кольские исправники не могли не обращать внимания на промышленные и местные эпидемические заболевания и упоминали о них в своих годовых отчетах. Так или иначе, но эти отчеты попадали в Министерство внутренних дел, которое выдавало распоряжения об ежегодных командировках врачей на Мурман.

В 1881 году из Архангельска был послан санитарный отряд за счет местного Общества Красного Креста. В его состав вошли врач Е. М. Дементьев, шесть сестер милосердия, принадлежащих к общине рясоформных монахинь женского Холмогорского монастыря, три фельдшера и три санитары. Очередным рейсом прибыл и второй врач – Владислав Ромульдович Гулевич.

Доктор Дементьев разбил отряд на две части: первая поселилась на Семи Островах, вторая – в Териберке...

Эта кратко изложенная история начала медицинской службы на Мурмане взята из книги «Русская Лапландия и ее промыслы» (Архангельск, 1891). Автор ее – врач В. Р. Гулевич. Именно он стал зачинателем Териберской метеорологической станции, о чем свидетельствуют архивные документы. Вот как это начиналось.

«Санкт-Петербург.

Главная Физическая обсерватория.

4 ноября 1888 года. № 1984.

Его Сиятельству господину Архангельскому губернатору

Николаю Дмитриевичу, князю Голицыну.

Доктор Владислав Ромульдович Гулевич при содействии Главного Гидрографического управления и Главной Физической обсерватории взял на себя открыть метеорологическую станцию в Териберской бух-

те при больнице Красного Креста. Он организует наблюдения, примет в них участие, будет высылать их в ГФО.

Точные метеорологические наблюдения в Териберской бухте имеют особенно важное значение в климатическом исследовании нашего Севера не только потому, что в этом крае у нас очень мало станций, но и из-за особенности указанной местности.

Вследствие влияния Гольфстрима здесь у берега температура значительно выше, чем к югу, в Финляндии. Изотермы принимают обратный ход и притом идут весьма близко одна от другой, так что в зимние месяцы можно ожидать значительную разницу температур, даже между Колой и Териберской бухтой.

Наблюдения здесь важны о передвижении Гольфстрима, влияющего на рыбный промысел. Означенная бухта имеет важное значение как порт, доступный навигации круглый год. Ввиду изложенного Главная Физическая обсерватория покорнейше просит Ваше княжество принять под свое покровительство упомянутую метеорологическую станцию и в случае нужды оказать ваше содействие.

Директор Обсерватории Г. Вильд
Помощник Директора М. Рыкачев»

Вскоре в Териберку были доставлены совершенные по тем временам инструменты. Вновь обратимся к архивным документам. Вот что сообщается еще в одном из писем Главной физической обсерватории архангельскому губернатору:

«...ГФО поручила пароходу «Великий князь Владимир» передать в канцелярию Вашего Сиятельства следующие инструменты, предназначенные для станции в бухте Териберка:

1. Жесткая клетка с двумя термометрами (психрометром) Фуга, волосной гигрометр и минимальный термометр.
2. Морской барометр Штемпеля.
3. Анероид Нода.
4. Пара больших дождемеров с измерительным стаканом и воронкообразным визиром.
5. Флюгер с двумя указателями силы ветра.
6. Солнечные часы Флеше.

При сем прилагается инструкция с таблицами для вычисления, пять листов с поправками к инструментам, запас книжек и таблиц для записывания наблюдений, конвертов для бесплатной их высылки, батист для психрометра и программы для составления описания станции».

Метеорологическая станция в Териберке была необходима не только для исследования климата Севера. Второе ее значение состояло в том, что промысловикам нужны были погодные данные.

«Морские звериные промыслы Лапландии, – пишет Гулевич, – больше развиты, чем лесные. И главный предмет промысловиков – разные породы тюленей, акул и китов. Тюлений промысел производится туземцами на Терском берегу, куда пригоняются на новоземельских льдах поздней осенью, при господстве северо-восточных ветров, стада различных пород тюленей: нерпа, лысун, тевяк и морской заяц... Из наблюдений старожилов можно всегда наперед узнать, насколько могут быть удачны тюленьи и тресковые промыслы...»

...В автобусе тихо и сонно. Вечерний час. За окном белые просторы тундры. Пологие сопки ошетинились торчащими из-под снега ветками кустарника. Однообразие пейзажа лишь подчеркивается чередой ажурных столбов высоковольтки. Вокруг разглаженные, отутюженные арктическими ветрами равнины, и только кое-где их вспарывают острые камни.

Окна автобуса покрылись инеем. Похолодало. Промелькнуло живописное маленькое селение, приютившееся под самой скалой. Потянулись глубокие темные распадки, ущелья, высокие голые скалы. Пассажиры оживились, начали снимать с полок сумки. Очевидно, приближаемся к поселку.

Ночь застала меня в гостиничном номере Дома междурейсового отдыха моряков. Окно комнаты выходит на дорогу, по которой ветер гонит и переметает снег. В комнате холодно и пустынно: три свободные койки, гладкая поверхность стола, голые стены. Я разбираюсь в своих записях, и настоящее отодвигается, уступая место прошлому.

Становище Териберка. Старый склад

Становище Териберка. Весна 1989 г.

СТЕРСТВО
НИХЪ ДѢЛЪ.

ГЕЛЬСКАГО
НАТОРА.

ИЩЕЛЯРИИ.

1889 года.

ИЩЕЛЯРИИ.

Губернатору Гельскаго
Вятскаго

1889

Мною лично присутствуя Губ.
нору Гельскаго Вятскаго, то по
мисловенно в отношеніи въ отъ 29-
Апрѣля текущаго года за № 253 два
мѣста за № 87 и 88, равно какъ и
настоящій мѣстъ за № 253, а именно
мѣстными и др. принадлежностями для
мѣстожителю станціи и Терибер-
ской брѣвѣ на Мурманскомъ берегу,
именомъ поименована и односторонне отъ сѣвера
перевана врачъ Гулевицу, который
подъ именемъ своимъ напечатаніемъ
именно переводитъ и въ по настоящему.

Вятскаго
Губернаторъ

Губернаторъ Канцелярія

Ответ губернатора в ГФО, о том что инструменты в Териберку
доставлены и переданы врачу Гулевицу. 1889 г.

4.3.2. 1890.

Становище Меридора.
Ген. Новомодителю император-
ской станции въ становище
Меридора Александръ Устиновичъ 27
Иванъ Визякинъ.

Физическая Обсерватория поспешит
в продолжение наблюдения при провар
живая машина съ метеорологическим
прибором въ замкнутой клинчатой стани-
на. количество осадков числом давлений
и температуры, но станина по-
рой цифры записаны и не прибавляя
когда вынимая из дождемера вода
отъ верхней края стакана, то стани-
на 100. —

Горы Обсезвафорн (иуд.) Т. Динер.
Горы надмодвафорн (иуд.) Каммачин.

Распоряжение ГФО в Териберку Ивану Видякину.
Март 1890 г.

Во Главную физическую Сбор
наторию.

54

1894

321

Ваше письмо от 4
Юня за № 1322, мною лично уведо
млено Главную Физическую Сбор
наторию, что ходатайства жителей
г. Кайи о переводе маарсаго по
мощника Шаткова из Териберки
в г. Кайу не было поступало,
но во всяком случае, во виду вы
сказанных в означенном отношении
мотивов, я нахожу возможным
оставить Шаткова на жительстве
в Териберке для продолжения
занятий по метеорологическим ра
ботам в Териберской метеоро
логической станции, с чем и будет
сдано надлежащее распоряже
ние, во случае поступления упо
мянутого ходатайства жителей г. Кайи.

Письмо от архангельского губернатора в ГФО о том,
что он не препятствует Ф. Ф. Шаткову продолжать заниматься
метеорологическими наблюдениями в Териберке. 1894 г.

...В связи с длительными разъездами по Мурману доктор Гулевич не мог производить метеорологические наблюдения. Регулярные записи погоды стали появляться за подписью лекарского ученика Ивана Видякина.

В архиве среди документов сохранилось письмо такого житейского содержания:

«23 мая 1890 г.

Доктор Владислав Ромульдович Гулевич, передавая мне инструменты для производства метеорологических наблюдений, уверил меня, что Главная Санкт-Петербургская обсерватория будет мне платить не менее 15 рублей серебром в месяц за наблюдения... Но до сих пор я не получил ни одной копейки, поэтому покорнейше прошу... сделать распоряжение, чтобы мне выслали следуемые деньги в Териберку, в противном случае придется мне отказаться от производства метеорологических наблюдений».

В следующем сообщении Иван Видякин описывает необычное явление, замеченное им:

«Честь имею сообщить ГФО, что с 4 по 5 апреля во время третьего наблюдения, в 9 часов вечера, замечен мною от направления от севера к югу огненный шар величиной с человеческую голову, который летел очень скоро и на высоте от поверхности земли не более 12 метров».

Но обсерватория больше внимания обращает на точность и аккуратность наблюдений, да и частые выезды Видякина по медицинским делам из Териберки не радуют петербургское руководство. Но что делать? Безденежье постоянно преследует метеорологическую науку. И лишь только в 1912-1914 годах, когда обсерватория передаст все метеостанции Севера на содержание Министерству торговых портов, штат на метеостанции будет собственный и постоянный, а не по совместительству.

Четыре года был наблюдателем Иван Видякин на Териберской метеостанции. Вот его последнее сообщение:

«20 мая 1893 г.

В Главную Физическую обсерваторию.

Имею честь сообщить ГФО, что по распоряжению Губернского правления Врачебного отделения переведен в г. Колу для заведования Кольской городской больницей. На место меня назначен другой фельдшер Шатков, поэтому метеорологическая станция мною передана по распоряжению господина губернатора со всеми ее принадлежностями фельдшеру Шаткову, вся в собранном виде – на что и прилагаю опись инструментов.

Наблюдатель старший лекарский ученик Иван Видякин»

Утром следующего дня я вышла из гостиницы и направилась на метеостанцию. День был солнечный, морозно-ветреный.

Идти пришлось через весь поселок, который вытянулся по побережью Териберской бухты и напоминал Мурманск в уменьшенном масштабе, где так же через залив в дымке синеют сопки. Спустившись по дороге к окраине поселка, вышла к заснеженному озеру, которое окаймляла гряда невысоких гор. Там, на берегу залива, и находилась Териберская метеостанция. С высоты был виден маленький приземистый домик, стоящий в полном одиночестве. С метеоплощадки, расположенной на вершине одной из сопки, спускался человек.

Тепло и уютно в маленькой комнате-наблюдательской. Метеоролог Елена Александровна Федорей склонилась над журналом, записывая сводку. Вдоль окон – ряд столов с установленными на них приборами. Возле белой высокой печи на веревочке сушится квадрат марли. Цветной телевизор возвышается на тумбочке.

Вскоре подошел начальник метеостанции Феликс Иванович Бородин.

Узнав, что меня интересует история метеостанции, Феликс Иванович поясняет, что здесь, на этом месте, станция стоит с августа 1963 года. А раньше, после войны, находилась в землянках. Одна землянка – служебное помещение, другая – жилье.

- А откуда пошло это название – Териберка?

- Давным-давно жил-был в этих местах промышленник – купец Териберский, имел лодью, промыслял рыбу. Вот от него и пошло назва-

ние становища. А основано становище Териберка по велению Петра.

Я не впервые слышала о заслугах Петра в деле развития Севера. Однако надо сказать, что Петербург подорвал значение архангельского и беломорского пути, а с ними вместе и всего Севера.

«Получив «окно» в Европу, – пишет доктор исторических наук В. В. Мавродин, – пробитое на берегах Балтики, Россия, естественно, в значительной мере утратила интерес к той «форточке» на берегах Белого моря, которой является Архангельск. Именно в царствование Петра I изменились пути сообщения России с Западной Европой, что надолго отразилось на положении Русского Севера».

...Мы втроем выходим из дома метеостанции. Я зачарованно гляжу на морскую гладь: где-то там за сопками «дышит вольно» Северный Ледовитый океан. Линия горизонта размыта слабой дымкой.

- Впечатляет? – подходит ко мне Елена Александровна. – Я тоже люблю смотреть на море, особенно летом. Синее море, а среди волн резвятся и играют белухи. Океан близко. Часто хозяйничают здесь ветры. Однажды мачта на метеостанции рухнула, не выдержала. Но ничего, живем. Даже выращиваем редиску, укроп. А под домом зайчата жили и горностаи...

Но пора домой. Мы шумно и весело оседлали на мотонарты. Без труда сани переваливают через гору. Вот уже и поселок – старинная русская земля на самом краю света.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

(ПИСЬМА БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ)

Дальнейшая переписка Главной физической обсерватории с Териберской метеорологической станцией

Дальнейшая история развития и деятельности Териберской метеорологической станции, а также имена ее наблюдателей представлены в переписке наблюдателей метеостанции с Санкт-Петербургской физической обсерваторией. Выбраны те письма, в которых наиболее значимо отражен дальнейший ход событий, происходящих на самой метеостанции, в обсерватории и в России.

25 августа (6 сентября по новому стилю) 1896 года Ф. Ф. Шатков, получив место фельдшера при Кольской больнице, передает Териберскую метеостанцию прибывшему туда Ф. А. Рыжкову и выезжает в Колу. Рыжков Филипп Афанасьевич производит наблюдения три года и затем в 1899 году отбывает в город Александровск, также лекарским учеником, и к тому же производит наблюдения на вновь созданной Александровской метеостанции. Вместо него в Териберке наблюдения производит фельдшер Потехин Галактион Никитович. В 1901 году Г. Н. Потехина переводят в Печенгу. При тамошней больнице также создана метеостанция, где он продолжает метеорологические наблюдения. В Териберке он сдает дела Фотию Антоновичу Кулею.

Это были молодые, энергичные ответственные люди. Благодаря им Териберская метеостанция функционирует без перерыва, систематически. Дело ведется грамотно, наблюдения производятся согласно инструкции. Их рапорты носят деловой, официальный характер.

Наблюдатель Филипп Афанасьевич Рыжков

(С 6 сентября 1896 по 28 октября 1899 г.)

В Главную Физическую Обсерваторию Рапорт

Представляя при сем книжку и таблицу метеорологических наблюдений за сентябрь месяц 1896 г., а также и ведомость международных наблюдений над облаками, имею честь уведомить Обсерваторию, что я командирован в Териберку вместо Шаткова. И по распоряжению г-на Архангельского губернатора мне, как и Шаткову, поручено производить метеорологические наблюдения по станции.

В отправлении обязанностей по станции я вступил с 25 августа (6 сентября по новому стилю), приняв все имущество, принадлежащее станции от бывшего наблюдателя Шаткова.

При составлении таблицы я во всем руководствовался указаниями Инструкции, поэтому, если Обсерватория найдет что-либо неправильно сделанным, я покорнейше прошу указать мне найденные неточности в составлении таблицы, дабы на будущее время я мог поступать по правилам.

колония Териберка
21 сентября 1896 г.

Младший лекарьский ученик
при кольском уездном враче
Филипп Рыжков

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию Рапорт

При сем имею честь представить в Обсерваторию книжку метеорологических наблюдений с составленной по ней таблицей, ведомость международных наблюдений над облаками, наблюдений над снежным покровом, метелями, замерзанием рек и озер за октябрь.

Замедление в предоставлении означенных сведений здесь происходит вследствие отсутствия правильного не только почтового, но даже и земского сообщения между Териберкой и г. Кола. По этой при-

чине всегда, как и в данном случае, приходится отправлять наблюдения в Кольское почтовое отделение с попутчиками, которых нужно подыскивать и выбирать более благонадежных и притом выжидать.

Пароходное сообщение с 23 сентября прекратилось, по зимнему же пути до г. Кола 120 верст, поэтому и попутчики бывают несчастны.

Об изложенном сообщаю на тот предмет, что представление метеорологических наблюдений в течение всей зимы до установления пароходного сообщения будет не срочным, не аккуратным, в зависимости от случаев попутчиков до г. Колы.

Колония Териберка
7 ноября 1896 года (старый стиль)

Наблюдатель Рыжков

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию Рапорт

...В отчетном месяце пришлось мне отлучаться со станции (из Териберки) на 4 дня (с 12 по 21 декабря). В это время наблюдения на станции за меня производил местный псаломщик Иванов, который с этим делом хорошо знаком, так как с самого основания станции он всегда заменял наблюдателей во время их отлучек и болезни.

Перемена квартиры и отлучки были неизбежными, но в будущем их можно вполне не делать, если с лета нанять квартиру на таком условии, чтобы владелец ее посредством различных придирок и вымогательств не мог стеснять наблюдателя и, в случае ссоры, просить очистить (покинуть) его квартиру ранее, чем это будет нужно при переходе наблюдателя весной в местную больницу. Кроме того, чтобы квартира эта заранее была отделана так, как это необходимо и для инструментов, и для самого наблюдателя.

Отлучки же перестанут быть неизбежными в том случае, если наблюдатель также с лета сделает необходимый запас на всю зиму пищевых и других припасов, так как в зимнее и весеннее время здесь торговля на 7 месяцев прекращается, так что ничего необходимого на месте купить нельзя. Отлучка и перемена квартиры в том 1896 году произошли вследствие моего незнания местных условий жизни и самих

жителей, ибо я здесь ранее не бывал и послан начальством был совершенно неожиданно для себя. В будущем, теперь зная местные условия, я отлучек и перемены квартир, кроме неизбежного перемещения в больницу и обратно, делать не буду, поступая так, как изложено выше, что для меня вполне возможно.

В отчетном месяце я применил к показаниям волосного гигрометра поправку 3, полученную из разности показаний гигрометра и относительной влажности по психрометру, как этому учит инструкция.

За смоченным термометром (влажным) я ухаживаю самым тщательным образом. Так как показания психрометра разнятся от волосного гигрометра незначительно, то поэтому я воспользовался для вычисления абсолютной и относительной влажности психрометром. Если подобные действия мои неправильны, то покорнейше прошу указать мне, дабы в будущем избежать неправильностей.

9 января 1897 г. (по новому стилю)
Териберка-на-Мурмане

Наблюдатель Рыжков

* * *

Выписка из журнала наблюдений за апрель 1897 г.:

В 9 ч 30 мин вечера 7 апреля (по новому стилю) барометр и анероид перенесены в местную больницу Красного Креста и помещены на прежнее место.

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт

В августе 1896 года Обсерваторией было предложено моему предметнику Шаткову произвести ремонт станционной будки и дождемеров, но ввиду того, что Шатков скоро оставил должность, ремонт этот им не был сделан. Вступивши в отправление обязанностей по метеорологической станции в сентябре того года, я за неимением мастеров и нужных материалов также до настоящего времени не мог

вполне отремонтировать будку и другие станционные приспособления, а ограничился только тем, что крышу обил сверху (покрыл толем), чтобы не проникал в будку снег и дождь.

Весною текущего года я несколько раз и несколькими слесарями отдавал дождемеры для поправки, но все они отказались вполне исправить их, а между тем дождемеры настолько ветхи, что без подставок не удерживают воды и употребление их причиняет много хлопот и связано с неудобствами.

Если Обсерватория не примет в виду упразднить вверенную мне станцию, то необходимо нынче же:

1) покрасить будку белой масляной краской и покрыть сверху прочно или толем, или двойной деревянной крышей, чтобы не попадал в нее снег и дождь;

2) перенести на другое место и поставить точно по компасу флюгарку, ибо теперь она показывает не совсем правильно страны света;

3) перенести на другое место столб с воронкою, на котором помещается дождемер, так как место, где теперь он находится, имеет быть занято вновь строящейся больницей Красного Креста;

4) безусловно необходимо дождемеры или заменить теперь же новыми, или отправить на поправки старые в город Архангельск специальным слесарям.

Здесь распространен такой слух, что будто бы Директор Маяков и Лоции Белого моря, будучи ныне на маяке, сказал служащим маяка, что Териберская станция скоро перенесется (переведется) на маяк, где ею будет заведовать смотритель маяка. Имея в виду изложенное, покорнейше прошу ГФО уведомить меня в возможно непродолжительном времени, нужно ли ныне делать описанный ремонт этих и других станционных приспособлений? Действительно ли станция переведется на маяк? И если, да, то с какого приблизительно времени? Знать это мне важно именно потому, что, если станция останется за мною и не переведется на маяк, то с половины августа необходимо нанять удобную для себя и инструментов квартиру на таких условиях, чтобы зимой не пришлось ее менять, и запастись всех припасов на всю зиму, ибо с сентября торговля здесь прекращается. Если же станция скоро переведется на маяк, то мне сейчас после сдачи ее придется переехать в г.

Колу, и в этом случае покупка припасов и наем квартиры для меня будет самым нежелательным делом.

Наконец, если Обсерватория признает это возможным, прошу поскорее выслать новые дождемеры.

Я со своей стороны заявляю готовность нести обязанности по наблюдениям на метеорологической станции, тем более, что этому нисколько не препятствуют мои прямые обязанности как фельдшера.

*25 июля 1897 г.
Териберка*

*Фельдшер-наблюдатель
Рыжков*

* * *

19 сентября 1897 г.

№ 2460

*Г-ну заведующему метеорологической станцией в Териберке
Ф. А. Рыжкову*

Метеорологическую станцию в Териберке пока не имеется в виду перевести на маяк. Новые дождемеры ГФО вышлет при первой возможности. Ремонт будки, если только возможно, следует отложить до будущего года.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Физик А. Каминский*

* * *

Выписка из журнала наблюдений:

11 сентября 1897 г. барометр и aneroid перенесены в квартиру наблюдателя из больницы.

Наблюдатель Рыжков

* * *

*14 октября 1897 г.
№ 2669*

*Г-ну заведующему метеорологической станцией в Териберке
Ф. А. Рыжкову*

ГФО покорнейше просит Вас сообщить ей, насколько выше или ниже прежнего места барометр установлен в вашей квартире 11 сентября сего года.

Физик А. Каминский

* * *

16 октября 1897 г.

г-ну Рыжкову Ф. А., в Териберку

ГФО имеет честь сообщить, что ею высланы 16 октября по почте на Ваше имя пара дождемеров № 10056, № 10057 со складною воронкою и измерительным стаканом к препровождаемой при сем квитанции за № 131.

Обсерватория покорнейше просит не отказать расписаться в получении дождемеров и квитанцию выслать обратно.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Ученый секретарь Керсневский*

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию

На предписание от 14 октября сего года имею честь донести, что 11 сентября по новому стилю дождемеры и анероиды помещены на прежнем месте и на той же высоте, что и в прежние годы по зимам, так как после закрытия больницы я занял именно ту квартиру, в которой наблюдатель с означенным инструментом жил все четыре минувшие зимы.

12 декабря 1897 г.

*Наблюдатель Рыжков
Колония Териберка*

* * *

Телеграмма:

Когда будут высланы деньги мне за наблюдения восемь месяцев?
Рыжков.

* * *

Рыжкову в Териберку

Распоряжение сделано. Обсерватория.

* * *

9 сентября 1898 г.

Г-ну Рыжкову в Териберку

Замечанием в таблице за август месяц вы уведомили ГФО, что ртутный барометр вверенной Вам станции испортился. Действительно, показания этого инструмента, внесенные вами в книжку от 9 ч вечера с 22 числа по 28-е августа, оказались совершенно непригодными и, судя по этим показателям, надобно думать, что, быть может, от сильного сотрясения трубка около нижнего конца треснула.

Желательно сохранить барометр до приезда инспектора. Наблюдения просим пока продолжать по anerоиду. Новый барометр доставить в Териберку в этом году, к сожалению, никакой возможности нет.

Директор Обсерватории М. Рыкачев

* * *

Расписка

1899 года, июля 10 дня, я, нижеподписавшийся наблюдатель Филипп Рыжков, дал эту расписку г-ну Каминскому в том, что сего числа я принял от него стационарный чашечный ртутный барометр за № 1174 для Териберской метеорологической станции исправным и установленным в удобном месте.

Наблюдатель Рыжков

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт

При осмотре Териберской станции инспектор Каминский нашел безусловно необходимым:

а) будку построить заново, ибо старая совершенно непригодна, как устроенная не согласно чертежам и требованиям Обсерватории;

б) флюгер установить на новой мачте, более толстой и высокой, чтобы он значительно возвышался над окружающими зданиями, причем мачту поставить точно по отвесу, а флюгер точно на истинный север;

в) дождемер перенести в другое место, подальше от здания, и установить на новом столбе на высоте 2.00–2.42 м, ибо старый низок и уже сгнил.

Необходимый на постройку будки лес, согласно просьбе г-на Каминского, будет выдан врачом санитарного отряда Красного Креста на Мурмане г-ном Поповым бесплатно, а дерево для мачты флюгера можно купить за 1 руб. и столб для дождемера за 80 коп.

Построение будки, отделку и установку флюгера и дождемера берется произвести местный мастер-плотник за 8 рублей. Следовательно, на всю перестройку станции потребуется только 10 руб., которые Обсерватории нужно принять на свой счет.

Донося об этом ГФО, покорнейше прошу разрешить мне произвести означенные перестройки за счет Обсерватории с обязательством не делать расходы выше 10 рублей.

Мастер-плотник берется все перестройки окончить к 15 сентября.

Со своей стороны я могу заверить ГФО, что этот расход на показанные работы самый наименьший и ни при каких условиях дешевле 10 рублей перестройки произведены быть не могут. Все работы будут произведены по моему указанию.

Наблюдатель Рыжков
24 июля 1899 г.
Колония Териберка

* * *

16 августа 1899 г.

В Териберку

Рыжкову Ф. А.

НГФО имеет честь сообщить, что согласно принять на себя расходы по перестройке термометрической будки, по установке флюгера и дождемера.

После окончания означенных работ и по получении от Вас надлежащего счета на сумму не более 10 руб. деньги будут Вам немедленно высланы.

(Сломанный чашечный барометр со станции Териберка возвращен обсерватории на пароходе "Николай II" в ноябре 1899 г.)

* * *

Выписка из отношения наблюдателя
Александровской метеорологической станции

от 25 ноября 1899 г.

№ 16

от Рыжкова Ф. А.

Перемещения из Териберки.

Направлен в город Александровск по распоряжению г-на Архангельского губернатора.

На мое место в Териберку командирован фельдшер Потехин, который и принял Териберскую метеорологическую станцию и производит на ней наблюдения.

Опись по этой станции будет представлена Потехиным.

(Из "Дела" г. Александровска
Архангельской губернии за № 28776)

Наблюдатель Галактион Никитович Потехин

(С 28 октября 1899 по 1 августа 1901 г.)

*В Главную Физическую Обсерваторию
от наблюдателя Териберской метеорологической станции
на Мурманском берегу Г. Потехина*

Рапорт

При сем имею честь представить в ГФО две книжки с ежемесячными отчетами метеорологических наблюдений, наблюдения над облаками, над снежным покровом, метелями, вскрытием и замерзанием вод за октябрь и ноябрь месяцы.

Также имею честь донести, что к производству метеорологических наблюдений я приступил с 28-го октября сего года, т. е. со дня прибытия в становище Териберка, при чем присовокупляю, что наблюдения эти в первое время были не совсем верны ввиду моей неопытности, а бывший же наблюдатель Рыжков выбыл отсюда раньше моего приезда, и обратиться было не к кому, кто бы мог на деле познакомить меня с вышесказанными наблюдениями...

*Наблюдатель фельдшер Потехин
Ноябрь 7-го дня 1899 г.*

* * *

15 января 1900 г.

№ 151

*Г-ну заведующему метеорологической станцией
в Териберке
фельдшеру Г. Потехину*

НГФО при сем преповождает таблички поправок к барометру и к термометрам Териберской станции. К показаниям волосного гигрометра поправки не имеются, а показания анероида можно записывать без поправок.

Обсерватория покорнейше просит Вас сообщить ей, перестроена ли термометрическая будка Териберской станции и установлен ли флюгер на новом столбе. Лесной материал на будку обещал выдать врач санитарного отряда Красного Креста на Мурмане г-н Попов.

Согласно присланной Ф. А. Рыжковым сметы постройка новой мачты и столба для дождемера не должна превышать 10 руб. Если будка, мачта флюгера и столб дождемера не заменены еще новыми, Обсерватория покорнейше просит Вас уведомить ее, когда может быть исполнено.

Будку необходимо построить во всем согласно описаниям и чертежам, помещенным в инструкции метеорологических станций: такую, какая построена в г. Александровске. Флюгер следует установить на более толстом и более высоком столбе, чтобы он находился выше строений становища, а дождемер отнести подальше от строений, на более открытое место.

Не откажите уведомить, каким путем удобнее всего пересылать вам плату за наблюдения. Ежемесячная высылка денег сопряжена с большими неудобствами, и в случае, если удобнее всего высылать деньги на Ваше имя по почте, то Обсерватория могла бы платить по погудиям и по третям.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Заведующий работами отделения А. Каминский*

* * *

*В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию
А. А. Каминскому*

Рапорт

При сем имею честь представить в ГФО книжку метеорологических наблюдений с отчетом за май месяц сего года.

При этом присовокупляю, что перестройка будки покуда не производилась ввиду того, что г-н врач Попов без разрешения г-на Архангельского губернатора отпустить потребного лесного материала на перестройку будки по сие время не может, а отпустит лишь тогда, когда переговорит с г-ном губернатором и получит от него на то раз-

решение, что должно быть в скором времени.

Затем покорнейше прошу Физическую Обсерваторию, что не найдете ли возможность выслать на Териберскую метеорологическую станцию новой таблицы для психометрических вычислений, так как в старой таблице, которая здесь находится, некоторые места так сильно запачканы, что в них весьма трудно разобрать цифры абсолютной и относительной влажности, кроме того, у некоторых листов совсем оторвались уголки с цифрами.

Июля 2 дня 1900 г.

Наблюдатель № 14 младший лекарский
ученик Становище Териберка Г. Н. Потехин

* * *

Главной Физической Обсерватории
Рапорт

При сем имею честь представить в ГФО отчет о израсходовании денег на постройку: новой метеорологической будки, дождемерного столба и столба-мачты для флюгера.

При этом присовокупляю, что тех денег 10 рублей, которые были присланы при отношении от 2-го июня с. г. за № 1653, на перестройку будки не достало ввиду того, что старая будка, как оказалось, вся сгнила и перестроить ее было нельзя, а за постройку новой будки, дождемерного столба и нового материала, грунтовку желтой краской, сrost мачты флюгера с деревом и окраску ее белилами, меньше 30 рублей из плотников никто не взялся. Поэтому к этим 10 рублям пришлось добавить еще своих двадцать.

Новая будка установлена немного дальше старой, на открытой и немного возвышенной местности, устроена так же, как и в Александровске, во всем согласно с описанием и чертежами, помещенными в инструкции метеорологической станции, то есть южная стенка и крыша вдвойне, а восточная, северная, западная – из жалюзи. Северная сторона вверху выше южной стороны. Клетка с приборами поставлена на высоте 11 футов над землею.

Дождемерный столб поставлен тоже согласно указанию, вдали от строений на более возвышенном месте, 8 футов вышиною от земли.

Мачта флюгера та же, старая, так как новой взять негде. Выкрашена и поставлена на том же месте.

Клетка с психометрическим инструментом из старой будки была перенесена в новую 20-го сентября по новому стилю в 7 часов утра. В то же время установлен был и новый волосной гигрометр, а старый гигрометр за № 492 при сем препровождается.

Декабря 13-го дня 1890 г.

Наблюдатель фельдшер
Г. Н. Потехин

* * *

Счет

Г-ну наблюдателю метеорологической станции Териберка-на-Мурмане Галактиону Никитовичу Потехину.

1. За устройство новой метеорологической будки из нового материала и грунтовку ее, за устройство нового дождемерного столба, вышиною 8 фут и грунтовку его и за сrost дерева для флюгера, постановку мачты и окраску ее белилами.

Всего 30 руб. серебром.

За работу деньги тридцать рублей получил сполна.

Мастер Степан Васильевич Шестаков

Свидетельствует своим подписом 2 октября 1900 года
полицейский Александровского уезда Крягин.

* * *

26 января 1901 г.

№ 303

Наблюдателю Териберской метеорологической станции

Г. Н. Потехину

Вследствие Вашего рапорта от 13 минувшего декабря за № 26 НГФО имеет честь препроводить при сем 20 рублей (двадцать) в упла-

ту за устройство новой термометрической будки, нового столба для дождемера и мачты для флюгера.

О получении этих денег Обсерватория просит ее уведомить.

Директор Обсерватории академик М. Рыкачев

Ученый секретарь Е. Гейнц

* * *

20 марта 1901 г.

№ 872

Наблюдателю метеорологической станции Г. Н. Потехину

НГФО покорнейше просит Вас не отказать, когда представится возможность, передать солнечные часы Флеше в Колу лекарскому помощнику Федору Федоровичу Шаткову для отправки на Ловозерскую станцию. При этом не откажите тщательно упаковать их, дабы они не были повреждены. На будущее время покорнейше просим Вас проверять свои часы по телеграфным. Если часы телеграфной станции показывают Санкт-Петербургское время, то для получения местного времени следует придавать 19 минут.

Заведующий работами отделения А. Каминский

* * *

1 июня 1901 г.

№ 1605

Г-ну наблюдателю Териберской метеорологической станции

Выражаю Вам свою признательность за высылку Ф. Ф. Шаткову в Колу часов Флеше для отправки на Ловозерскую станцию. Обсерватория имеет честь препроводить при сем 85 коп. – возврат израсходованных Вами на означенную пересылку. О получении этих денег не откажите уведомить Обсерваторию.

Директор Обсерватории академик М. Рыкачев

Ученый секретарь Е. Гейнц

* * *

14 августа 1901 г.

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Рапорт

Ввиду моей переместки из Териберки в колонию Печенгу Александровского уезда все принадлежащее имуществу метеорологической станции в Териберке я сдал вновь назначенному на мое место фельдшеру г-ну Кулей Ф. А. по описи, которую с его распиской и имею честь представить в ГФО.

Затем прошу покорнейше ГФО выслать мне следуемое содержание за производство наблюдений в течение мая, июня и июля месяцев сего 1901 г по адресу: становище Териберка Архангельской губернии, фельдшеру Галактиону Потехину, о чем честь имею и донести ГФО.

Бывший наблюдатель метеорологической станции в Териберке
фельшер Мурманско-Колонистской волости
Г. Н. Потехин

Наблюдатель Фотий Антонович Кулей
(С 1 августа 1901 по январь 1915 г.)

В Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт

Имею честь донести ГФО, что вместо Г. Потехина в Териберскую больницу Красного Креста назначен фельдшером я.

Все инструменты и принадлежности Териберской метеостанции Г. Потехин 1-го августа старого стиля сдал мне по описи, которая с моей распиской в приемке и будет представлена Г. Потехиным в ГФО.

Наблюдения мной начались с того же 1-го августа старого стиля.

Младший лекарский ученик
при Александровском уездном враче
Фотий Антонович Кулей

* * *

*В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт*

Имею честь покорнейше просить ГФО, не найдет ли возможность выслать для Териберской метеорологической станции фонарь с выпуклым стеклом, так как в темное время рассмотреть флюгер с простым фонарем очень трудно.

*22 ноября 1901 г.
№ 9*

*Наблюдать фельдшер
Ф. Кулей*

* * *

*26 января 1902 г.
№ 327*

*Г-ну заведующему метеорологической станцией в Териберке
Кулей Ф. А.*

НГФО имеет честь сообщить, что ею выслан 25 января по почте на Ваше имя ручной фонарь.

На препровождаемой при сем квитанции за № 10 Обсерватория покорнейше просит не отказать расписаться в получении фонаря. Квитанцию выслать обратно.

*Директор Обсерватории академик М. Рыкачев
Ученый секретарь Е. Гейнц*

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Вследствие предписания от 26 января сего года № 327 имею честь представить при сем ГФО квитанцию за № 40 в получении мною для Териберской станции ручного фонаря.

*14 февраля 1902 г.
№ 3*

*Наблюдатель фельдшер
Ф. Кулей
Териберка*

* * *

*В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт*

Честь имею донести ГФО, что по случаю мобилизации я как запасной нижний чин должен 14 сего августа выехать из Териберки, а поэтому метеорологическую станцию со всем имуществом передал в заведывание почтальону Териберского почтово-телеграфного отделения Афанасию Петровичу Видякину.

27 августа по новому стилю после утреннего наблюдения ртутный барометр перенесен в помещение, занимаемое г-ном Ви-дякиным А., и подвешен к стене у окна, выходящего на Е.

Деньги, следуемые за доставленные отчеты за июнь и июль месяцы, прошу выслать на имя моей жены Екатерины Андреевны Кулей, проживающей в г. Архангельске, в Больнице приказа Общественного призрения.

При этом присовокупляю, что до 27 августа нового стиля наблюдения производились мною, а потому часть следуемого вознаграждения за август месяц ГФО не найдет ли возможным уплатить мне.

Сдаточно-приемная опись имущества Териберской метеорологической станции при сем представляется.

Август 14-го дня 1904 г.
№ 11

Наблюдатель Ф. Кулей

* * *

*В Главную Физическую Обсерваторию
Рапорт*

Вследствие неожиданного выезда из села Териберка г-на Кулея и за ненахождением желающих взять на себя наблюдения по станции г-н Кулей предложил мне, на что я согласился и принял от него все имеющееся имущество на станции согласно описи, каковая г-ном Кулей в Главную Физическую Обсерваторию и представлена.

Наблюдения же мной начаты с 14 августа, о чем и имею донести.

Почтальон Афанасий Видякин

14 августа 1904 г.
с села Териберка

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Имею честь донести ГФО, что в военную службу не принят, а потому 3 сентября возвращаюсь из г. Архангельска к прежнему месту службы в становище Териберка, где по прибытии буду продолжать ведение метеорологических наблюдений.

Если ГФО деньги, следуемые мне за наблюдения за июнь и июль месяцы, по просьбе моей не выслала в г. Архангельск, то покорнейше прошу пересылку эту приостановить.

28 августа 1904 г.

Наблюдатель
Ф. Кулей

г. Архангельск

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Имею честь донести ГФО, что по случаю мобилизации я принят в военную службу, а потому на время моего отсутствия метеорологическую станцию в становище Териберка передал в заведывание жены моей Екатерины Андреевны Кулей.

Если деньги, следуемые мне за наблюдения с июня по ноябрь месяцы, не высланы, то покорнейше прошу ГФО переслать их на имя моей жены в становище Териберка.

6 января 1905 г.

Наблюдатель
Ф. Кулей

(ГФО: о высылке денег уже сделано представление.)

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Доношу ГФО, что 19 сего июня по старому стилю я возвратился в становище Териберка, принял от жены станцию и начал производить наблюдения.

Вознаграждение, следуемое за производство наблюдений с декабря 1904 года по май 1905 года, т. о. за 6 месяцев, прошу Обсерваторию выслать по получении сего.

25 июня 1905 г.
№ 1

Наблюдатель Ф. Кулей

* * *

12 января 1908 г.
№ 148
Териберка
Г-ну заведующему Ф. А. Кулей

НГФО покорнейше просит Вас сообщить ей, исправна ли северная сторона термометрической будки, что было Вами любезно обещано инспектору Н. А. Коростылеву при посещении им Вашей станции в прошлом году.

* * *

8 февраля 1908 г.
№ 474
Ф. А. Кулей в Териберке

Канцелярия НГФО имеет честь сообщить, что ею высланы 6 сего февраля по почте на Ваше имя карманные часы № 44452. Листок с поправками при сем прилагается.

На прилагаемой при сем квитанции за № 414 канцелярия покорнейше просит расписаться в получении часов и квитанцию выслать обратно.

Ученый секретарь Е. Гейнц

* * *

Выписка из журнала наблюдений за февраль 1908 г.

25 февраля по новому стилю северная сторона термометрической будки из сплошной переделана в жалюзи.

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Представляю при сем квитанцию за № 414 с распискою в ней в получении карманных часов № 44452. Сообщаю ГФО, что листка с поправками к часам как в пакете, так и в посылке не оказалось, а потому прошу Обсерваторию выслать таковой.

29 февраля 1908 г.

Наблюдатель
Ф. Кулей

* * *

(Сообщение напечатано на машинке)

10 июля 1912 г.

*Г-ну наблюдателю метеорологической станции в Териберке
Фотию Антоновичу Кулей*

Николаевская Главная Физическая Обсерватория поручила заведующему Отделением наблюдений и поверки инструментов Дмитрию Александровичу Смирнову летом настоящего года осмотреть Териберскую метеостанцию, проверить ее инструменты и дать Вам необходимые указания относительно обращения с приборами и производства наблюдений.

Доводя об этом до Вашего сведения, Обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать Д. А. Смирнову в возможном содействии к успешному выполнению возложенного на него поручения.

Метеорологическую станцию в Териберке положено в хозяйственном отношении передать в ведение Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, причем она будет пополнена новыми приборами и программа работ ее будет значительно расширена.

До 1 сентября, вероятно, во время посещения станции

Д. А. Смирновым вместе с представителем Отдела торговых портов выяснится, когда именно может состояться передачи и каие требования будут предъявляться к наблюдателю после передачи станции.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Заведующий работами в Отделе А. Каминский*

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

*Ввиду одиннадцатилетнего заведывания метеостанцией в стан-
вище Териберка имею честь просить ГФО, не признает ли она удосто-
ить меня званием члена-корреспондента ГФО.*

2 октября 1912 г.

Наблюдатель Ф. Кулей

* * *

Выписка из журнала наблюдений за октябрь 1912 г.

*7/20 октября установлена вместо старой мачты новая и постав-
лен флюгер с двумя указателями силы ветра. Высота флюгера от по-
верхности земли 10 м 60 см.*

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

*В 1901 году я был переведен в становище Териберка-на-Мурмане,
где и занял должность наблюдателя метеостанции.*

*Наблюдения мною производились до времени передачи метеороло-
гической станции Министерству торговли и промышленности, то
есть до августа месяца 1912 года, а с этого времени до августа меся-
ца 1913 года мною велись гидрометеорологические наблюдения на той
же станции.*

*Ввиду такого продолжительного заведывания метеорологической
станцией покорнейше прошу ГФО, не признает ли возможным сделать*

мне какое-либо поощрение за 12-летний труд на станции.

*По сему благоволите уведомить по адресу: Действующая армия,
14-я пешая Архангельская дружина, старшему фельдшеру
Ф. А. Кулей*

21 февраля 1915 г.

*Бывший наблюдатель Ф. Кулей
(ГФО: записан к денежной награде.)*

* * *

*Действующая армия,
14-я пешая Архангельская дружина,
старшему фельдшеру
Ф. А. Кулей
11 марта 1915 г.
на письмо от 21 февраля*

В установленный срок НГФО представила Вас к Высочайшей награде за производство наблюдений на метеорологической станции в Териберке. О результатах этого представления Вы будете своевременно уведомлены.

*Помощник Директора
Заведующий работами*

Наблюдатель А. Ушаков

14 января 1915 г.

Териберка

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

При сем препровождаю:

- 1) 12 книжек основных метеорологических наблюдений.*
- 2) 24 месячных таблиц мет. наблюдений.*
- 3) конверты.*
- 4) 1 пакет батиста.*

Одновременно с сим имею честь довести до сведения, что гидрометеорологическая станция в Териберке находится в настоящее время в ведении гидрометеорологической службы Отдела торговых портов и снабжение ее всем необходимым производится Центральной станцией в г. Архангельске.

Наблюдатель А. Ушаков

* * *

*Выписка из журнала наблюдений
Ноябрь 1916 г.*

Отсчеты по флюгеру производились при не вполне исправном его состоянии: слегка погнута легкая доска.

На этом записи обрываются.

ГЛАВА III

ДИРЕКТОР ГФО АКАДЕМИК М. А. РЫКАЧЕВ *

Состояние сети к 50-летию обсерватории

*Директор ГФО академик
М. А. Рыкачев (1840-1919 гг.)*

29 июля 1895 года в управление Главной физической обсерваторией временно вступил М. А. Рыкачев, а через год, после избрания его

---

* Д. Ф. Нездюрлов «Очерки истории развития метеорологических наблюдений в России».

академиком, он был назначен директором обсерватории. Михаил Александрович Рыкачев начал работать в ГФО еще в 1867 году в качестве помощника директора (тогда Л. М. Кемца) и оставался на этом посту во время директорства Вильда.

На нем лежало непосредственное руководство сетью метеорологических станций, он возглавлял обработку материалов наблюдений и подготовку к печати «Летописей ГФО», вел практически всю переписку обсерватории с учреждениями и отдельными лицами. Рыкачев предпринимал инспекционные поездки; руководил Отделением морской метеорологии, вел большую научную работу и опубликовал ряд трудов.

Почти с первых дней работы на посту директора ГФО Рыкачев взялся за окончательную разработку нового «Положения о ГФО», начатую еще при Вильде. Очень трудно было развивать дело дальше. Кредиты и штаты обсерватории были крайне ограничены, метеорологическая служба, как указывалось выше, была распылена по разным ведомствам и учреждениям, это мешало наладить единство работы всех станций.

Новое «Положение о ГФО» и штатное расписание были утверждены Государственным советом лишь в 1898 году. Штат обсерватории увеличился до 70 человек, а бюджет возрос до 103000 рублей. Годом раньше Рыкачеву удалось добиться постановления, по которому обсерватории предоставлялось 1400 рублей ежегодно на содержание метеорологических станций.

Для дальнейшего изучения климата, а также для расширения работ по предсказанию погоды требовалось прежде всего увеличить метеорологическую сеть. Однако и новые ассигнования на нужды сети оказались недостаточны. Как писал М. А. Рыкачев, обсерватория использовала эти средства только для того, чтобы «устанавливать новые станции для замены закрывшихся для пополнения особенно ощутительных пробелов сети станций». Но и это обсерватория могла делать лишь в первые годы после введения закона 1898 года, впоследствии же ГФО «могла открывать не более одной или двух станций в год; все остальные средства тратились на ремонт уже существующих станций или на пополнение оборудования станций других учреждений, для которых достаточны наблюдения лишь некоторых из элементов, входящих в программу станций II разряда».

Сеть станций II разряда состояла из 839 станций. Сеть станций

III разряда насчитывала около 1020 дождемерных пунктов и 1830 снегомерных. Наблюдения над грозами вела 1381 станция. Число пунктов, сообщавших о вскрытии и замерзании рек и водоемов, доходило до 2400.

Мы видим, что сеть метеорологических станций достигла к этому времени значительного развития. Но хотя государство несло крупные расходы на содержание метеорологической сети, отпуская на это средства тем или иным учреждениям, все же обеспеченность станций, в частности, оплата труда наблюдателей, была по-прежнему невелика.

В 1888 году число обеспеченных станций составляло около 24% от общего числа, в 1894 – около 80%, в 1904 – около 55%, а в 1912 году – около 66%. Такие колебания в обеспеченности станций находились в зависимости от внешних или внутренних событий. Так, рост числа обеспеченных станций в 1894 году объясняется тем, что к тому времени стала остро ощущаться необходимость изучения климатических условий России в целом и отдельных ее районов в связи с крупным недородом 1891 года, неурожаем 1893 года, а также постройкой Сибирской магистрали. К 1904 году нужда в получении климатических данных уменьшилась, так как считалось, что некоторые вопросы, такие, как, например, причины недородов, в какой-то степени уже освещены; строительство железных дорог приняло несколько меньший размах. К тому же началась война с Японией, кредиты на различные второстепенные нужды, к которым относили тогда и метеорологию, резко снизились.

Обеспеченность станций определяла их устойчивость. Лишь очень немногие станции работали непрерывно со дня своего основания. Так, в 1899 году насчитывалось всего 4 станции, начавших свою работу еще в XVIII веке и действовавшие свыше 100 лет; свыше 10 лет работало 13 станций, свыше 50 лет – 31 станция. Наиболее низкой была устойчивость станций III разряда: дождемерных, снегомерных, станций, наблюдавших над грозами, вскрытием и замерзанием рек и водоемов. К тому же они часто переносились с одного места на другое.

Таким образом, сеть метеорологических станций России еще нельзя было признать стабильной и достаточной для территории такого государства, как Российская Империя. Положение осложнялось тем, что трудно было строить сеть и руководить ею только из центра, не имея районных органов.

«НА ПОЛЬЗУ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ».

Федор Шатков - корреспондент обсерватории

Становище Териберка ...я пристрастился к станции.

Самой яркой фигурой во всей истории развития и становления гидрометслужбы на Кольском полуострове был фельдшер Федор Федорович Шатков, впоследствии ставший корреспондентом Главной физической обсерватории. Он проработал здесь наблюдателем тридцать лет, с 1893 года по 12 августа 1928 года, и оставил нам подробные, обширные рапорты и письма.

В марте 1893 года 28-летний фельдшер Федор Шатков со своей семьей прибыл в Териберку. Он принял от фельдшера Ивана Видякина местную больничку, а также и метеостанцию при этой же больничке и сразу приступил к работе.

«...При приемке станции, – сообщает он в ГФО в рапорте в апреле 1893 года, – оказалось: инструменты все в порядке, исключая флюгер, который мною принят с оторванным легким указателем силы ветра, поэтому сила ветра не особенно определена правильно и точно. Желательно было бы, кроме этого флюгера с двумя указателями (тяжелым и легким), иметь при Териберской станции уже указатель силы ветра – запасный, в случае повреждения первого, чтобы была возможность заменить запасным, так как здесь, на берегу моря, бывают часто сильные ветры и в особенности северный...»

Что верно, то верно – ветры здесь сильные, с открытого океана. В окно маленькой териберской гостиницы ветер рвется так, что того и смотри, стекла выдавит.

Именно из-за него, Федора Шаткова, я здесь, в этой неудобной комнате. Нынешний поселок, где я нахожусь, это – новая Териберка, а старая, где жили наши герои, – за рекой. Мне нужно туда.

Утро было ясным. Все: дома, деревья, скалы – утонуло в снегу. По

чьим-то следам я дошла до деревянной лестницы и спустилась на небольшую пристань. Здесь находилось несколько человек, терпеливо ожидавших катерка, который тарахтел на том берегу и, по всему было видно, не спешил обратно. «Не проще было бы построить мост, чтоб не отнимать у людей время на ожидание?» – подумалось мне. Но тут, очевидно, свое измерение времени. Пожив здесь немного, начинаешь понимать: времени – хоть отбавляй, спешить некуда.

Шел ледоход. Льдины сталкивались, хрустально позвякивали, крутились на месте, расходились и уносились в море.

Захожу в местную больницу. Никто не может сказать, где находилась старая больница. Много изменилось за столько лет, много воды утекло из Териберки-реки. На месте старых домов построили двухэтажные бараки и, как знак современности, – серийные бетонные пятиэтажки.

п. Териберка. Пристань. В ожидании катера

У самого берега реки стоят еще полуразрушенные строения с удивительной архитектурой: дома-крепости, дома-дворы с вместительными помещениями. Очевидно, это старинные купеческие дома с лавками. Даже сейчас в одном из них магазин «Мясо–рыба». Возможно, вот в эту купеческую лавку заходил и Федор Шатков.

Завалившийся огромный склад, старые лодки на берегу – свидетели той былой жизни, говорят об оживленной торговле рыбой, о бурном морском рыболовном промысле, о самобытной поморской жизни.

В рапорте Шаткова меня заинтересовала строка: «Когда я поступил на станцию, то купил в Норвегии в г. Варде столовые часы, по которым и произвожу наблюдения».

Значит, общение между соседними народами было делом обычным. Связь Териберки с миром была морской. Шатков упоминает рейсы административного парохода «Мурман», пароходов «Чижов» и «Ломоносов».

В делах и заботах пролетел первый год пребывания Шаткова в Териберке. Пришла весна 1894 года. По-прежнему белым-бело от снега, но в природе уже произошли перемены. Морозы ослабли, света стало больше, маняще заигрывает солнце. Хорошо и светло на душе. Именно в таком настроении Федор Федорович пишет рапорт в обсерваторию. Он решил остаться в Териберке и заниматься метеорологией. Вот отрывок из письма:

«Я в течение года состою наблюдателем Териберской метеорологической станции и ни разу не получил ни одного замечания по поводу наблюдений... поэтому покорнейше прошу ГФО, если я этого заслуживаю, то рекомендовать меня г-ну губернатору с хорошей стороны и просить его, чтобы меня оставил наблюдателем Териберской метеорологической станции и дальше. Или же, если я нужен в Коле, то пусть переведет, только с тем, чтобы мне передали тамошнюю метеорологическую станцию для наблюдений, так как я пристрастился к станции и хочу верой и правдой послужить для пользы».

Обсерватории не часто приходилось получать подобные рапорты. Интересы ГФО и Шаткова совпадали: для обсерватории важна и ценна была метеостанция в этом пункте. И просьбу Федора Шаткова удовлетворили.

Проскочило еще одно северное короткое лето 1895 года. За это время Федор Шатков успел разочароваться в «прелестях» териберской жизни. Предстоящая зима не радует его. Теперь всеми силами он стремится вырваться отсюда.

Вот письмо от 20 сентября 1895 года:

«...При всем моем желании служить на пользу науке, но только думаю, что на будущий год, если буду здоров, перееду в Колу, а то здесь у меня ужасно расстроилось здоровье от суровых климатических условий...»

Покорнейше прошу ГФО меня назначить наблюдателем тамошней метеостанции. По слухам я знаю, что наблюдатель Кольской станции Темнорусов не относится к делу как следует. А если можно, зачислить кандидатом».

И в ответ из Санкт-Петербурга он получает письмо, датированное 6 января 1896 года, следующего содержания:

«В ответ на отношение от 20 сентября минувшего года ГФО имеет сообщить, что она не имеет никакого основания подозревать г-на Темнорусова в небрежном отношении к наблюдениям и что Ваши предположения на этот счет ошибочны. При тщательном контроле его наблюдений в обсерватории не обнаружено крупных ошибок. Если же, к крайнему сожалению, г-н Темнорусов почему-либо откажется от заведования станцией в Коле, то обсерватория охотно воспользуется Вашим любезным предложением, при этом, однако, обсерватория считает своим долгом предупредить Вас, что в текущем году морским ведомством будет прекращена выдача суточных денег наблюдателям метеорологических станций, устроенных не при маяках, и, следовательно, так и наблюдателям станции в Коле и Териберке.

...Обсерватория покорнейше просит не прекращать наблюдения до окончательного выяснения дела, и надеется, что Вы и Ваш заместитель не откажете продолжать наблюдения в Териберке – в случае прекращения суточных – безвозмездно. Таким образом, принесете немалую пользу делу изучения климатических особенностей Севера России, еще далеко не достаточно исследованного».

Это письмо озадачило Федора Шаткова. Предложение наблюдать безвозмездно явно не устраивало его. Все романтические и патриотические порывы сдуло с него, как ветром. Подумать ему было о чем: он обстоятельно описывает свое житье-бытье в Териберке:

«...все завозное, все дорого, жалованье маленькое – весьма рад бы послужить и дальше науке, да не буду в состоянии содержаться по

прекращении выдачи суточных 15 рублей ежемесячно за наблюдения. В противном случае покорнейше прошу обсерваторию станцию закрыть с 30 июня сего года, так как здесь едва ли найдется такой человек, который бы стал наблюдать бесплатно, а я буду вынужден выехать с конца августа к постоянному месту службы и жительства в город Колу...

Навигация открывается, все бумаги на мое имя покорнейше прошу посылать не в г. Колу, а через Архангельск, на Архангело-Мурманское пароходное отделение, колония Териберка.

29 марта 1896 г.

Ф. Шатков»

Теперь пришла очередь думать обсерватории. Возможно, письмо Ф. Шаткова явилось серьезным аргументом в решении вопроса о суточных, так как плату за наблюдения все-таки не отменили.

До последнего дня своего пребывания в Териберке Шатков озабочен нуждами станции и заставляет ГФО раскошеливаться, что она делает в крайнем случае.

«Покорнейше прошу ГФО разрешить мне за счет обсерватории произвести ремонт дождемеров, которые распаялись, а вследствие этого текут, а также психрометрической будки. Последнюю нужно покрасить белой краской и крышу закрыть хорошей непромокаемой парусиной или толем (шведский картон, осмоленный и засыпанный песком), так как парусина, которой была закрыта будка, оторвана сильным ветром и унесена в море.

Труд на ремонт я беру на себя, то есть найду человека, который все сделает за известную плату».

Это был последний рапорт Шаткова из Териберки. Карандашом в ГФО на рапорте сделана приписка: «Териберка на Мурманском берегу. Весьма важная станция, поэтому придется уж согласиться заплатить за ремонт дождемера и будки».

«Но ввиду того, что Шатков скоро оставил должность, ремонт этот им не сделан», – сообщит следующий териберский наблюдатель лекарь Г. Рыжков.

89

89
На Троицком оу
гненья Свѣта
мѣсто

Sp. 66

Ванпроста.

Преставление ирину
 Гавриила Острожского
 одесвитинской церкви
 иже сии за сего
 одесвитинския време-
 нности исповедь до-
 зсудили, которые
 распались, одесви-
 тинские оттого мону-
 а таковы и некро-
 мистическая книга,
 миссаль ирину
 похороны иже
 красной и красной
 закрои ирину
 некромологическая на

92

Я уезжала из Териберки рано утром. Автобус звенел ребячьими голосами. Дети отправлялись в Мурманск на экскурсию... Прощай, Териберка!

В заключение своего повествования о Ф. Ф. Шаткове как о наблюдателе Териберской метеостанции отмечу, что осенью 1896 года обсерватория получит от него рапорт следующего содержания:

5 сентября 1896 г.

*От наблюдателя Териберской метеорологической станции
Ф. Шаткова*

Рапорт

При сем честь имею в ГФО предоставить приемно-сдаточную ведомость имущества Териберской метеорологической станции, сданную мною вновь назначенному Господином Архангельским губернатором, с моего согласия, младшему лекарскому ученику Филиппу Афанасьевичу Рыжкову 6 числа сентября по новому стилю.

Покорнейше прошу Обсерваторию деньги за метеорологические наблюдения по это число, то есть 6 сентября, выслать мне в Колу. А следующие деньги и бумаги после сего срока высылать Рыжкову.

О чем имею честь донести ГФО, я наблюдателем состоял на Териберской станции с 25 мая 1893 года по 25 августа 1896 года и за все это время ни разу не было ни одного замечания, поэтому покорнейше прошу ГФО возможным за аккуратное ведение и вычисление метеорологических наблюдений наградить меня аттестатом или каким-нибудь видом, который мог бы служить на будущее с тем видом, для занятия места наблюдателя на какую-либо другую метеорологическую станцию или чем-нибудь другим.

*Наблюдатель
Федор Шатков*

Отчего же не удовлетворить просьбу усердного исправного наблюдателя. И в октябре Федор Шатков, уже в Коле, получает пакет с аттестатом.

7 октября 1896 г.

№ 2776

Г-ну старшему лекарскому ученику Ф. Ф. Шаткову
в город Колу

По поводу отношения от 5 сентября с. г. за № 26 ГФО имеет честь препроводить при сем аттестат за № 2775 о Ваших трудах на пользу метеорологии.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Ученый секретарь Р. Бергман*

Аттестат

Старший лекарский ученик Федор Федорович Шатков состоял наблюдателем метеорологической станции 2 разряда 1 класса в становище Териберка на Мурманской берегу с 25 марта 1893 года по август 1896 года включительно. Наблюдения его, как вполне благонадежные, печатались полностью в Летописях Главной Физической Обсерватории, в удостоверение чего и выдать от Обсерватории означенный Аттестат за надлежащею подписью и с приложением казенной печати.

Так завершился териберский период жизни Ф. Шаткова. Он первый из всех наблюдателей додумался иметь аттестат. Теперь с аттестатом в кармане он зорко следит за ходом событий на Кольской метеорологической станции, ждет своего часа. И этот час пришел. Летом 1898 года учитель приходской школы Темнорусов выезжает из Колы.

Лекарь Федор Шатков – наблюдатель Кольской метеостанции

В августе 1896 года Федор Федорович Шатков оставляет Териберку и прибывает в Колу. Год он исполняет только обязанности фельдшера. Но желание заведовать Кольской метеостанцией не оставляет его. Летом 1898 года Петербургская обсерватория удовлетворяет просьбу предприимчивого и расторопного наблюдателя.

Шатков, не теряя времени, завладевает Кольской метеостанцией и уже хозяйничает на ней, оповестив обсерваторию. И той ничего не остается, как дать согласие. И слава Богу! – лучшего наблюдателя и не сыскать. Возможно, в стремлении заниматься метеорологией сыграла свою роль и материальная заинтересованность, но нельзя сбросить со счетов и то обстоятельство, что эта работа была ему по душе, по его словам – он пристрастился к ней. Возможно, сыграла роль былая престижность этой науки. Так или иначе, но с той поры судьба Шаткова стала судьбой метеостанции.

Забегаю вперед, скажу, что в 1915 году, выйдя в отставку по медицинской службе, Федор Федорович не оставил метеорологическую службу и работал без перерывов до 12 августа 1928 года.

Как у всякого человека, были у него свои слабости. Читая его корреспонденцию, рапорты, я испытывала двойственное чувство – он ничего не делает за «так», за «спасибо», – это человек честлюбивый, тщеславный, где-то властный, но вместе с тем видятся его трудолюбие, неутомимость, энергичность, дальновидность. Для обсерватории он был находкой, подарком. По долгу медицинской службы ему приходилось разъезжать по Кольскому району. Он бывал и в Ловозере, и в Имандре.

О своих впечатлениях, наблюдениях сообщал в Петербург, что было весьма ценно для обсерватории и упрощало ее работу. Инспекция метеостанций была слабым местом обсерватории. Инспектора не могли попасть в Лапландию даже за летний сезон, так нелегко и непросто было со средствами передвижения и необустроенными дорогами.

Река Кола

На Кольскую метеостанцию Шатков пришел, имея опыт, знания, навыки в производстве метеорологических наблюдений, поэтому рапортов, касающихся качества наблюдений, немного. В основном в переписке с обсерваторией он выступает как ее корреспондент. Он является связующим звеном между метеостанциями: сообщает о работе других метеостанций, о неполадках, о заботах наблюдателей...

За работу Шатков взялся рьяно. Его сообщение в Санкт-Петербург о состоянии метеорологической будки в Коле, о ее устройстве и расположении вызвало в обсерватории если не панику, то крайнюю озабоченность и беспокойство. Обсерватория решает, что необходимо послать на Север инспектора и разобраться на месте.

«По Вашему сообщению, – пишут из обсерватории, – ртутный барометр и aneroid вверенной вам станции 31 июля 1898 года были перенесены в Кольскую больницу. Ввиду этого обсерватория покорнейше просит вас сообщить, насколько ниже или выше прежнего своего положения барометр поставлен в больнице? Далее вы сообщаете, что стены психрометрической будки в Коле забраны сплошными досками, а не в виде жалюзи, как это рекомендует инструкция. Не найдете ли возможность сообщить обсерватории, когда стенки были переделаны упомянутым образом?»

Понимаю, что подобные подробности мало интересны широкому кругу читателей и понятны лишь специалистам, но они необходимы.

Лето 1899 года. В Колу прибывает инспектор Антон Антонович Каминский и поселяется у Шаткова. Это лето стало знаменательным. 24 июня произошло важное событие на Кольском полуострове – открытие города Александровска в Екатерининской гавани (ныне город Полярный). Здесь же состоялось событие и меньшего значения – создание метеорологической станции. Создали ее Каминский и Шатков вместе.

Кстати сказать, к этому времени в Петербургской обсерватории тоже произошли изменения. В 1894 году скончался царь Александр III и на престол вступил последний русский царь Николай II. В 1896 году по традиции в Москве состоялась его коронация. В его честь ГФО стала называться Николаевской.

Но вернемся к нашим героям. Близкое, тесное знакомство Шаткова с Каминским имело для Шаткова, а также и для нас, потомков, важное значение. Это был тот самый Антон Антонович Каминский, который совершил невероятное – прошел пешком по тундре с барометром от Колы до Имандры. О жизни и деятельности этого человека рассказано в книге Д. Ф. Нездюрова «А. А. Каминский – выдающийся русский метеоролог-геофизик».

Почему это знакомство имеет важное значение для нас, объясню. С этого года Федор Шатков обращается не к безликой далекой обсерватории, а к конкретному лицу, человеку, с которым его связывают приятно проведенные часы досуга и труда. И из его корреспонденций мы познаем, как и чем жили люди того времени.

Вот письмо Шаткова от 9 ноября 1899 года:

«Премногодобрейший и многоуважаемый Антон Антонович!

Уважаемый, Ваше письмо от 19 октября этого года я получил и очень, очень благодарен за те сообщения, какие оказались в Вашем любезном письме. Спешу ответить на Ваши вопросы...»

И далее он отвечает на производственные вопросы. Потом Шатков описывает жизнь в Александровске:

«В Александровске чиновники живут скверно – между собой ссорятся. Есть нечего, все привозят из Колы, и втридорога. В квартирах холодно, и вообще жизнь скверная. Многие в будущее лето Александровск бросят и думают все бежать...»

Кстати, сам Шатков также собирался жить в Александровске, так как этот город стал уездным, но вернулся назад, в Колу.

В мае 1900 года Федор Федорович побывал на метеостанциях «Имандра» и «Ловозерск». В письмах он подробно описывает их состояние, на правах старого знакомого делится впечатлениями.

Затем напоминает о приятном времяпрепровождении: «...Поля с Паней вспоминают о вас». Очевидно, эти приятные воспоминания позволяют запросить кое-что:

«...А нельзя ли, многоуважаемый Антон Антонович, за труды по наблюдению на станции в течение 5-6 лет и за устройство новой будки мне дать как коллежскому регистратору «Святого Станислава III степени»? А если этого нельзя, то золотую медаль, так как я серебряную имею, и если и этого нельзя, то «Корреспондента ГФО» с при сем присвоенного знака для ношения на сюртуке, ценою у ювелиров 30 рублей. Но желательно было бы для поощрения «Станислава». Дали же священнику в Поное отцу Николаю Шмакову (бывшему наблюдателю Ловозерской станции) орден Святой Анны II степени.

Надеюсь, что все устроите, что можно, а я знаю, что при этом государе все можно. Он очень добрый и любит поощрять службу...»

Таков Шатков. Золотые медали и ордена ему подавай! Ну, есть слабость у человека – пусть потешится. Главное – дело. Он теперь – глаза, уши, руки, голова обсерватории. Мурманский край стал ближе и понятнее благодаря его пространственным сообщениям. Шатков стал связующим звеном между метеостанциями своего поднадзорного по медицинской службе округа. Там подскажет, там поможет, там научит.

А время летит. Все меняется. Грядут перемены и на Кольской метеостанции. Их приносит ветер из столицы, из Санкт-Петербурга. 10 июля 1912 года:

«Николаевская ГФО поручила заведующему отделением наблюдений и поверки инструментов Дмитрию Александровичу Смирнову летом настоящего года осмотреть Кольскую метеорологическую станцию, проверив ее инструменты, и дать вам необходимые указания относительно обращения с приборами и производства наблюдений.

Доводя об этом до Вашего сведения, обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать Д. А. Смирнову в возможном

содействии к успешному выполнению возложенного на него поручения. Метеорологическую станцию в Коле предположительно в хозяйственном отношении передать в ведение Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности, причем она будет пополнена новыми приборами и программа работ ее будет значительно расширена...»

Этот документ – последний по Кольской метеостанции в архивной папке. Но неожиданно в ловозерской переписке я обнаружила еще одно письмо Шаткова в обсерваторию. Это была важная находка. Прочитав его, я простила наблюдателю все его слабости и прегрешения. Этим письмом я и заканчиваю рассказ об истории Кольской метеостанции и ее наблюдателе Федоре Федоровиче Шаткове.

«В Николаевскую Главную Физическую обсерваторию.

...При этом осмеливаюсь донести НГФО до сведения, что я года через два-три намерен выйти в отставку со службы и поселиться в таком месте, где нет метеостанции, где мне было бы желательно устроить новую метеостанцию и продолжать наблюдения дальше бесплатно, если только буду в состоянии наблюдать, так как мне в это время будет около 50 лет от роду ...производить наблюдения, которые я намерен продолжать дальше на свободе, так как к такому труду за 20 лет наблюдений я пристрастился и желаю продолжать дальше».

Вот так скоротечно время. Кажется, еще совсем недавно, в Териберке, ему было 28 лет, и уже – пятьдесят. Обсерватория не откажет своему верному и преданному корреспонденту. Но вскоре ей станет не до Шаткова. Октябрьская революция грянет и сметет всех и все. А Шатков так и останется на своем месте, переживет все перемены, ревизии и инспекции. И проработает все на той же Кольской метеостанции уже при советской власти еще десять лет. Служил верой и правдой. На пользу науке и Отечеству.

В фондах Мурманской гидрометслужбы я отыскала таблицы, заполнению рукой Федора Федоровича Шаткова. Я узнала его размашистый, напористый подчерк. Последний раз он заполнил лист 12 августа 1928 года.

Создание Александровской гидрометеорологической станции В городе Александровске

**ГМС «Полярное» (Александровская) – открыта 8 августа 1898 г.
В 1913 г. из города Александрова-на-Мурмане перенесена на Екатерининский остров.
В 1930 г. – Александровская метеостанция переименована в «Полярное».**

Каталог гидрометеорологических станций МУГМС

...Федор Шатков стоял рядом с фотографом и также ждал появления процессии.

По окончании заутрени под звон колокола из богато убранной церкви Николы Чудотворца вышли люди с крестным ходом. Над толпой плыли иконы, хоругви. Впереди процессии шествовал, махая кадилом, уже немолодой тучный священник. На его голове возвышался, словно башня, клобук, забранный черной тканью, ниспадающей почти до земли. Рядом, но, чуть отступая, шли остальные служители церкви. Процессия двигалась по узкой каменистой дороге Екатерининского острова, приближаясь к Федору Шаткову.

День был по-летнему ясный и солнечный. Даже черные одежды монахов не нарушали праздничности. Шествующие шли размеренно, не спеша, словно наслаждаясь редким погожим днем 24 июля 1899 года.

Торжественная церемония открытия города Александровска состоялась. Пели особые молитвы, освящалась вода, на четыре стороны читалось Евангелие. После чего священник благословлял крестом всех присутствующих, кропил их святой водой. Рядом сутился фотограф. Федору было заметно, как он волновался. Еще бы! На церемонии открытия присутствовали дядя царя Николая II Великий князь Владимир, губернские чиновники, русские и иностранные газетчики, гости из Норвегии.

Скопировано с плана
в городском правлении (с кальки)
План города Александровска
1916 г.

Направление на новое
место метеостанции
на острове Екатерининском

Екатерининская
Гавань

Биологическая
станция

Железнодорожная
станция

времштан

гора
Екатерининская

Церковь

Дом управления

Больница

Метеорологическая станция

Дома чиновников (город)

Большая возвышенность

Н Гавань
1916 г.

радиостанция

--- водопровод
--- железная дорога

Процессия приближалась. Свежий морской ветер донес густой бас священника. Запахло горячим воском. В вышине над сопками плыл звон...

Я стою перед стендами, рассматриваю фотографии, читаю надписи. Сюда в Дом пионеров города Полярного, в эту комнату-музей, где собраны материалы по истории города, меня привели поиски материалов по становлению и развитию гидрометеорологии на Мурмане.

Федор Федорович Шатков, наблюдатель Кольской метеостанции, приехал сюда по делам своей медицинской, а также и метеорологической службы. Он первый наблюдатель Александровской метеостанции. Тогда, по моим подсчетам, ему было 33 года.

Материалов по истории Александровской метеостанции в Мурманском государственном архиве оказалось немного. И только из некоторых писем Шаткова, его переписки с Главной физической обсерваторией можно узнать о прошедших событиях далекого прошлого.

«31 декабря 1898 года

Кола, Архангельской губернии

Рапорт

Мне желательно знать, после перевода в июле месяце 1899 года администрации из Колы во вновь строящийся город в Екатерининской гавани за 45 верст от Колы, будет ли Кольская метеорологическая станция закрыта и инструменты ея перенесены в Екатерининскую гавань или там, то есть в Екатерининской гавани, будет открыта другая метеостанция и в то же время будет ли функционировать Кольская? Если будет Кольская перенесена в гавань, то прошу ГФО и там, то есть в Екатерининской гавани, поручить мне производство метеорологических наблюдений. А в Коле к этому времени подготовлю для наблюдений на станции хорошего человека, которому с разрешения ГФО и сдам станцию. Надеюсь, что Обсерваторию не затруднит дать мне на этот рапорт ответ. Желательно было бы остаться здесь для продолжения наблюдений на станции, но только не знаю, оставит ли начальство.

*Наблюдатель Кольской метеорологической станции
Ф. Шатков»*

*Обсерватория, учитывая просьбу Шаткова, с ответом не замед-
лила.*

*«Санкт-Петербург,
15 января 1899 г. № 171*

*Господину наблюдателю метеорологической станции в Коле
Ф. Ф. Шаткову*

Кольская метеорологическая станция будет сохранена и после перевода администрации в Екатерининскую гавань, если только в Коле можно будет найти надежное лицо, которому могло бы быть поручено производство наблюдений. Обсерватория будет хлопотать об учреждении станции также и в Екатерининской гавани, но будет ли назначено вознаграждение наблюдателям этой станции и в каком именно размере, пока неизвестно.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Зав. работами отделения А. Каминский»*

Учреждение метеостанции по времени совпадает с открытием города Александровска, поэтому мне невольно приходится касаться и истории развития города.

Итак, город Кола перестал быть уездным, административным городом. Это произошло потому, что Кола по своему географическому положению, находясь в 70 верстах от океана, оказалась в стороне от мест наибольшего развития торгово-промышленной жизни края.

С открытием города Александровска Кола сделалась заштатным городом. Жизнь в ней замерла, и экономическое развитие приостановилось на длительное время.

Почему для нового города-порта была выбрана Екатерининская гавань?

Вот что пишет по этому поводу Борис Романов, автор книги «Причалы мужества»:

«Вопрос о торговом порте на Мурмане поднимался еще во второй половине прошлого века, когда в июне 1870 года начальник Архангельской губернии Качалов вошел в министерство финансов с представлением о необходимости для развития торговли, промыслов, мореплавания и вообще «улучшения Архангельской губернии», устроить на Мурманском берегу коммерческий порт и указал место этого порта – остров Кильдин.

Предложение об устройстве Кильдинского порта встретило возражения министерства внутренних дел. Были названы еще три места: бухта Озерко, Печенгский залив и Екатерининская гавань.

Но дело не получило тогда дальнейшего движения. Дело «получило движение», когда в 1892 году министром финансов был назначен С. Ю. Витте.

В 1894 году он выполнял поручение Александра III (противника забираемых «в случае войны и суровой зимы балтийских портов») сделать выбор места для главной военно-морской базы российского флота. Витте созвал комиссию для обследования Мурманского побережья и через Великий Устюг и Архангельск прибыл в Кольский залив. Наиболее удобным пунктом для порта на Мурмане Витте признал Екатерининскую гавань. Для того чтобы эта гавань могла действительно быть главной военно-морской базой России, Витте предложил создать двухколейный железнодорожный путь к ней от Петербурга. Очень интересное предложение. Но вмешался его величество случай.

Александр III, уезжая в Ялту, взял с собой доклад Витте, а в Ялте неожиданно умер. Новый царь Николай II приказал строить порт в Либаве. Что же касается Екатерининской гавани, то ею разрешено было заняться лишь для централизации обслуживания рыболовных промыслов и улучшения управления и надзора ими».

Но пора вернуться к нашему герою.

Пришла весна, и Федор Шатков собирается посетить Екатерининскую гавань.

«25 апреля 1899 г.

Кола Архангельской губернии

...При этом честь имею донести Главной Физической обсерватории, что в середине июня месяца с. г., мне, по всей вероятности, придется переехать на некоторое время в Екатерининскую гавань, за 45 верст от Колы.

В отсутствие мое до возвращения в Колу наблюдения будет производить чиновничья дочь Аполлинария Терентьева, которая мною для производства наблюдений хорошо подготовлена, и к тому же считаю не лишним сообщить обсерватории, что 2-жа Терентьева – очень ревностная и старательная девица, о которой смело могу сказать, в точности исполнит предписанное инструкцией, а с возвращением из Екатерининской гавани, я опять вступлю в отправление метеорологических наблюдений.

Надеюсь, что ГФО против этого замещения иметь ничего не будет.

Если в Екатерининской гавани будет метеостанция, то прошу ГФО поручить в летнее время этого года устройство и наблюдения на ней назначить мне, а потом я найду подходящего человека и подготовлю его для дальнейших наблюдений.

Наблюдатель метеорологической станции
старший лекарский ученик
Ф. Ф. Шатков».

В архиве есть план города Александровска. Метеорологическая станция находилась возле больнички, так же, как и в Териберке и Печенге, и наблюдения производили фельдшеры или, как их тогда называли, лекарские помощники.

Из переписки Шаткова с обсерваторией можно предположить, что в это же самое время из Санкт-Петербурга от Главной физической обсерватории на торжество в Александровск приехал инспектор Антон Антонович Каминский. И этим же рейсом прибыл груз: метеорологические приборы, книжки, таблицы. Эти приборы Каминский вместе с Шатовым установили возле больницы. И Федор Федорович начал производить наблюдения. Здесь, в Александровске, они и познакомились.

В Колу Ф. Ф. Шатков вернулся уже осенью. А на смену ему в Александровск прибывает из Териберки фельдшер Филипп Рыжков, опытный метеоролог.

Выписка из отношения наблюдателя метеорологической станции Ф. А. Рыжкова от 25 ноября 1899 года за № 6 «Перемещение из Териберки»:

«Отбыл в Александровск по распоряжению г-на архангельского губернатора, а на мое место в Териберку командирован фельдшер Потехин, который и принял териберскую метеостанцию и будет производить на ней наблюдения».

Ф. А. Рыжков производил наблюдения до сентября 1913 года.

Вот, пожалуй, и все, чем располагала я относительно истории открытия Александровской метеостанции. И поэтому, когда у меня появилась возможность побывать в Полярном (так стал называться Александровск с 1931 года), я немедленно ею воспользовалась.

За окном автобуса – панорама Кольского залива. Причудливы его изгибы, замысловатая изрезанность левого берега, заманчивы тихие уютные бухты. Залив то исчезал за сопками, то вновь появлялся, совершенно новый и незнакомый.

С нетерпением ждала я встречи с городом. Какой он, бывший Александровск? Как живут здесь люди? У меня имелось одно любопытное письмо Ф. Шаткова к А. А. Каминскому. После торжественного открытия города Каминский сразу же выехал в Санкт-Петербург.

Шаткову пришлось целое лето находиться в городе, наблюдать жизнь Александровска. И вот что он сообщил в своем письме.

«Кола Архангельской губернии

19 октября 1899 г.

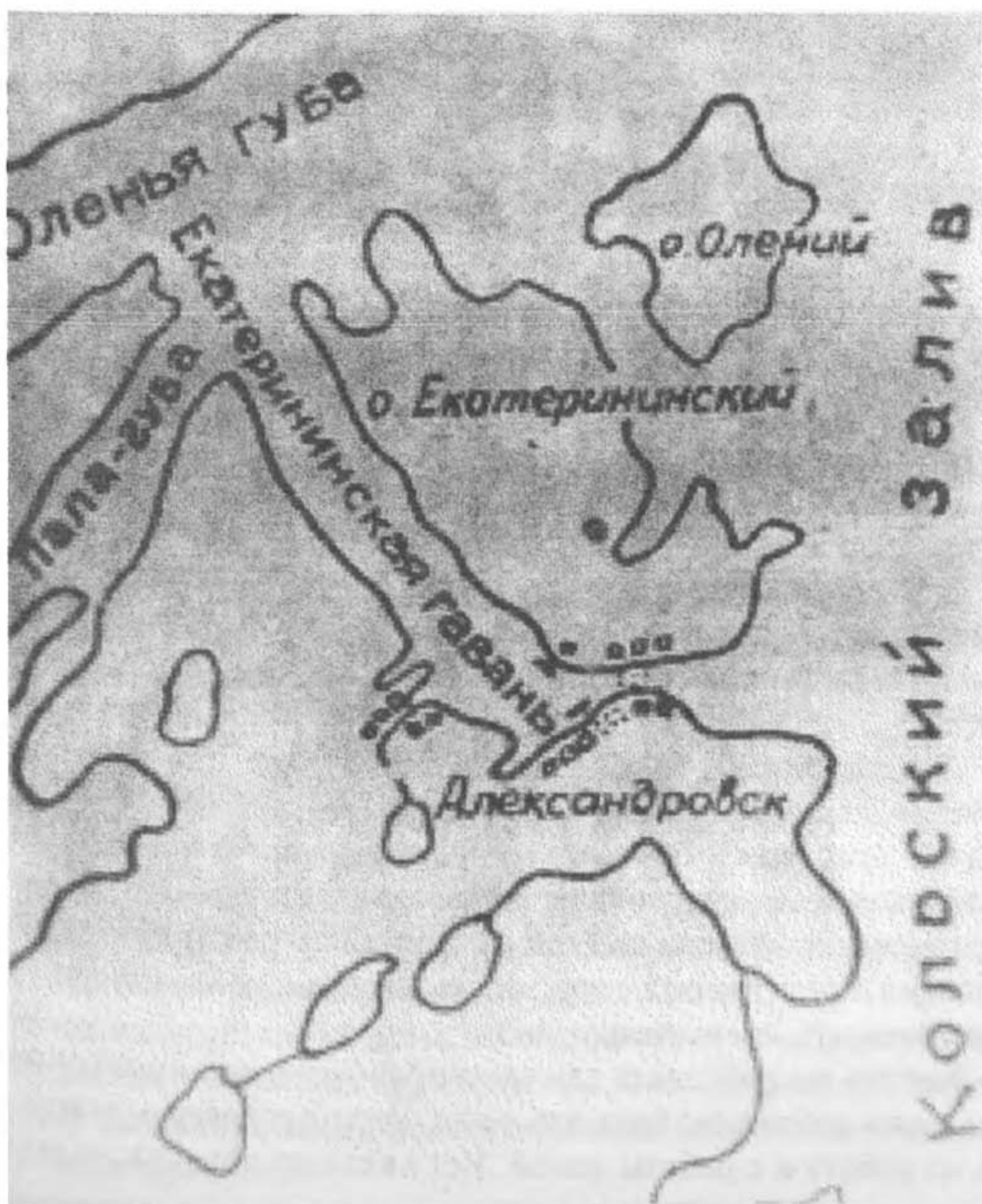
В Александровске чиновники живут скверно: между собой ссорятся, есть нечего, все привозят из Колы, и втридорога. В квартирах холодно, и вообще жизнь самая скверная. Многие в будущее лето Александровск бросят и думают все бежать. Даже станции для возки почты в Александровск и обратно из чиновников никто не взял, ни за какие деньги.

До сих пор ходил пароход «Мурман», а теперь ввиду холодов и льду

ходить перестал. Вот проклятый город-то! Я думаю, что он недолго просуществует.

Вознаграждение за Александровск – станцию – я получил лично от Л. Л. Брейдфуса, 2-на начальника экспедиции, по 10 рублей аккуратно. Желаем здоровья вам многоуважаемый Антон Антонович и всего лучшего. Жду писем и фотографий. Семья вам кланяется.

Готовый к услугам
Ф. Шатков»

Карта города Александровска (ныне Полярный)

Но несмотря на такой удручающий прогноз Шаткова, город выжил. В лихую военную годину выстоял, с моря и с воздуха бил фашистов.

И еще одно обстоятельство волновало меня. Писатель В. Каверин для встречи героев своего романа «Два капитана» выбрал именно город Полярный, и романтическое описание его надолго осталось в памяти. Потому с волнением я ждала встречи с городом, о котором много слышала и читала.

Подъезжая к Полярному, постаралась не заметить свалки перед самым городом. Настроена я была доброжелательно, поэтому кривые, узкие, разбитые дороги отнесла за счет весны. Весной северные города выглядят особенно неряшливо – весь хлам вылезает из-под снега, дороги затапливает, размывает. Ну и что же, что дома серые, обшарпанные, одна краска лезет из-под другой. Это север: ветер, осадки. Высящиеся на вершине сопки многоэтажные дома придавали городу однообразие, унылость. Взгляду не на чем остановиться, нет своего, особенного, если не считать своеобразием города множество мужчин в черных шинелях.

И лишь когда спустилась на пристань, передо мной неожиданно возникло прекрасное циркульное здание, построенное при Константи́не Ивановиче Душенове. С неугасимой любовью, теплом и гордостью называют полярники это имя – первого командующего Северным флотом. Я была приятно удивлена. Вот то особенное неповторимое, что делает город Полярный особенным. Здание словно приподнялось на сопке. Будто огромная светлая птица распахнула свои крылья, готовая вот-вот взлететь. И только черные зияющие провалы окон нарушали его красоту, гармонию и стройность. Уже много лет здание находится на ремонте.

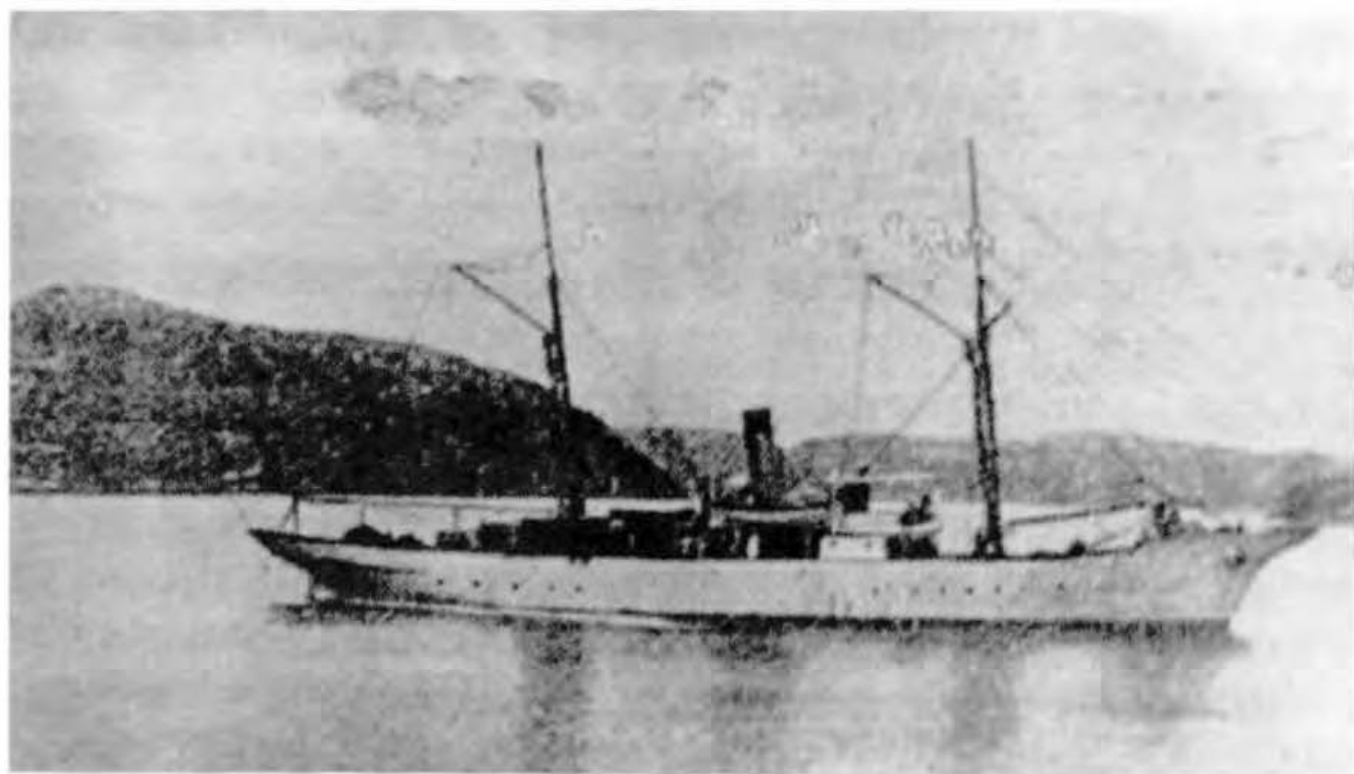
- Семь лет точно, – шутят полярники.

Как же любил Душенов этот город, его жителей, как он желал, чтоб город был красивым и светлым и чтобы жители его не чувствовали себя обделенными, обиженными из-за отдаленности и суровости края!

На катере прибыла я на Екатерининский остров, где находится метеостанция. Когда пришла сюда, начальник станции Александра Михайловна удивилась моему появлению.

- Как это вы добрались так удачно? Вчера мужчины-строители не могли к нам добраться. Ведь это у нас целая проблема – вовремя попасть на работу и с работы домой. Нет никакого порядка, ни системы, ни расписания этих катеров.

Научно-исследовательское судно «Андрей Первозванный»

Стоя у топящейся печи и отогреваясь горячим чаем, я слушала печальный монолог начальника. У меня не было цели заниматься проблемами станции, города и критиковать местную власть. Но вот пришлось сразу же вникать в эти проблемы.

- Кстати, – продолжала Александра Михайловна, – уже с 1983 года на метеостанции нет нормальной телефонной связи. И важные метеосводки уходят с опозданием.

Александра Михайловна Запивахина – человек уважаемый, серьезный, ответственный. На метеостанции работает с 1961 года. Правнучка новгородского рабочего-революционера, после событий 1905 года сосланного царской охранкой сюда, на север. Здесь, в Александровске, прижился сам, и его потомство.

- Помню, в детстве жили мы за проливом Прейма. Город тогда здесь, на острове, был. Во время отлива земля обнажалась, и мы переходили туда и обратно, и никаких проблем не было. А потом...

Значит, и обшарпанные дома, и бездорожье, и многолетний ремонт дома Душенова – все это не случайность, а закономерность. Значит, по-прежнему чиновники «ссорятся» и никто не хочет ничего делать по благоустройству города.

Мне припомнились строки из «Двух капитанов»:

«Вспоминая зиму 1943/44 года в Полярном, я вижу, что это была, едва ли не самая счастливая семейная зима в нашей жизни. Это может показаться странным, если представить себе, что почти через день я летал на бомбежку германских судов. Но одно летать, не зная, что с Катей, и совершенно другое, зная, что она в Полярном, жива и здорова и что на днях я увижу ее разливающей чай за столом...»

И сейчас Сани уходят в походы, и в Полярном остаются их Кати с детьми. Разве Саням все равно, каково их семьям в этом далеком городе со множеством проблем?

...Вот и состоялись мои встречи с городом на берегу Кольского залива: с Александровском – по архивным документам, с Полярным – во время поездки туда. Закончить рассказ о них хочу там же, где и начала, – в Доме пионеров. Уважением проникаешься к ребятам, которые уже продолжительное время по крохам собирают историю своего города. Им не только собирать прошлое, но и писать самим будущее города. Прекрасного города – о каком мечтал Душенов, каким желают видеть его сами полярники.

День за днем (письма без комментариев)

После отъезда Ф. Ф. Шаткова из Александровска в Колу по выпискам из журнала наблюдений становится ясно, что на метеостанции работали сначала Ф. А. Рыжков, а за ним – В. С. Бриллиантов.

* * *

Выписка из таблицы наблюдений
за февраль 1913 г.

18-го февраля максимальный термометр разбит.

***

29 мая 1914 г.

Г-ну наблюдателю гидрометеорологической станции
г. Александровска Архангельской губернии Ф. А. Рыжкову.

*НГФО препровождает при сем табличку поправки к максимальному
термометру № 61617 метеорологической станции.*

***

*Выписка из журнала наблюдений
за май 1914 г.*

*9/26 мая во время утреннего наблюдения оказался поврежден от
неизвестной причины (поломан) резервуар с ртутью (максимальный
термометр № 72386 (6689), а посему был заменен новым № 72387
(6680).*

*24 мая во время второго срочного наблюдения поставлен в будку
самопишущий прибор – термограф, прибывший из починки.*

Наблюдатель В. С. Бриллиантов

***

*Выписка из журнала наблюдений
за июнь 1914 г.*

*30 июня будка с термометрами перенесена на новое место,
и 2-е наблюдение в этот день проводилось на новом месте.*

***

*Выписка из журнала наблюдений
за январь 1915 г.*

*22-го числа, пятница. Оправа психрометра № 229 заменена опра-
вой № 223, между вторым и третьим сроком, термометры те же. От-
счеты по флюгеру Вильда из-за не вполне вертикального положения
стержня его по-прежнему остаются не вполне точными.*

Александровск (порт)

Выписка из журнала наблюдений
за февраль 1915 г.

1-го февраля в 7 часов поставлено дождемерное ведро № 63220.

1-го февраля в 9 часов поставлено дождемерное ведро № 63219.

* * *

1915 г. 5 августа

НГФО препровождает при сем инструкцию метеорологических станций 2 разряда.

Александровск (порт). Северный Ледовитый океан

Выписка из таблицы наблюдений
за ноябрь 1915 г.

2-го сего месяца перед третьим сроком обнаружилась порча пружинки у психрометра Асмана.

8-го числа прибор Асмана исправлен.

Александровск (порт)

Выписка из журнала метеорологических наблюдений
за март 1916 г.

8-го сего месяца флюгер и мачта сняты согласно приказанию начальника охраны Северного Ледовитого океана. При падении столба и вместе с ним флюгера флюгер сломался. Акт № 33.

* * *

Выписка из журнала метеорологических наблюдений
за июнь 1916 г.

В книжку в графу «флюгер» в скобках записывалась округленная до целых скорость ветра по ручному анемометру.

***

*Выписка из таблицы метеорологических наблюдений
за август 1916 г.*

*11-го сего месяца сменен после первого наблюдения электрический
анемометр и во второй срок производились наблюдения.*

*14-го сего месяца после первого отсчета сменен максимальный
термометр № 72387 (Мюллер. 6690) и заменен таким же за
№ 82357 (Мюллер. 8483).*

***

*Выписка из журнала наблюдений
за ноябрь 1916 г.*

*3-го сего месяца сменен психрометр Асмана за № 223 после
1-го наблюдения и заменен психрометром № оправы 907, сухой термо-
метр № 99069 (Мюллер. 17660), смоченный термометр остался преж-
ний, а именно № 78072 (2144).*

Создание Ловозерской метеостанции «ВЕСЬМА ВАЖНАЯ МЕТЕОСТАНЦИЯ»

ГМС «Ловозеро» – открыта 12 марта 1899 г.

Был перерыв в наблюдениях 1913-1922 гг.

Наблюдения возобновились в 1922 г.

С 1922 по 1927 г. станция находилась на правом берегу реки Вирмы.

30 июля 1927 г. станция перенесена на левый берег реки. На территории аэропорта создана АМСГ – авиационная метеостанция гражданская «Ловозеро».

28 октября 1975 г. наблюдения перенесены на площадку.

С 1 января 1980 г. наблюдения перенесены на новую площадку в пос. Ловозеро.

Каталог гидрометеорологических станций МУГМС

Быть или не быть

Быть или не быть Ловозерской метеостанции – этот вопрос неоднократно вставал перед Главной физической обсерваторией. Неоднократно метеорологические инструменты складывались и убирались на хранение, как говорится – «до лучших времен».

Сравнивая историю создания Ловозерской метеостанции с уже действовавшими станциями, Кольской и Териберской, о которых я рассказывала, надо отметить, что в Ловозере становление проходило гораздо сложнее. Если Северный морской путь к 1894 году был освоен, побережье Мурмана более-менее обжито, то этого нельзя было сказать о центральной части Кольского полуострова, где находился погост Ловозеро.

Отдаленность от побережья, отсутствие дорог, особенно летом, с одной стороны, а с другой – отсутствие в Ловозере постоянного населения затрудняло создание метеостанции. Вопрос о метеостанции в Ловозере созрел пять лет.

Если на Кольской метеостанции первым метеорологом был шкипер Аполлон Хохлов, на Териберской – лекари: доктор Гулевич и его помощники, то на Ловозерской метеостанции первым наблюдателем становится священник Николай Николаевич Шмаков. С ним устанавливает связь обсерватория и обговаривает условия создания метеостанции.

Обратимся к документам. Первый из них датирован 26 января 1894 года за № 315:

*«Священнику Ловозерского прихода
отцу Николаю Николаевичу Шмакову.*

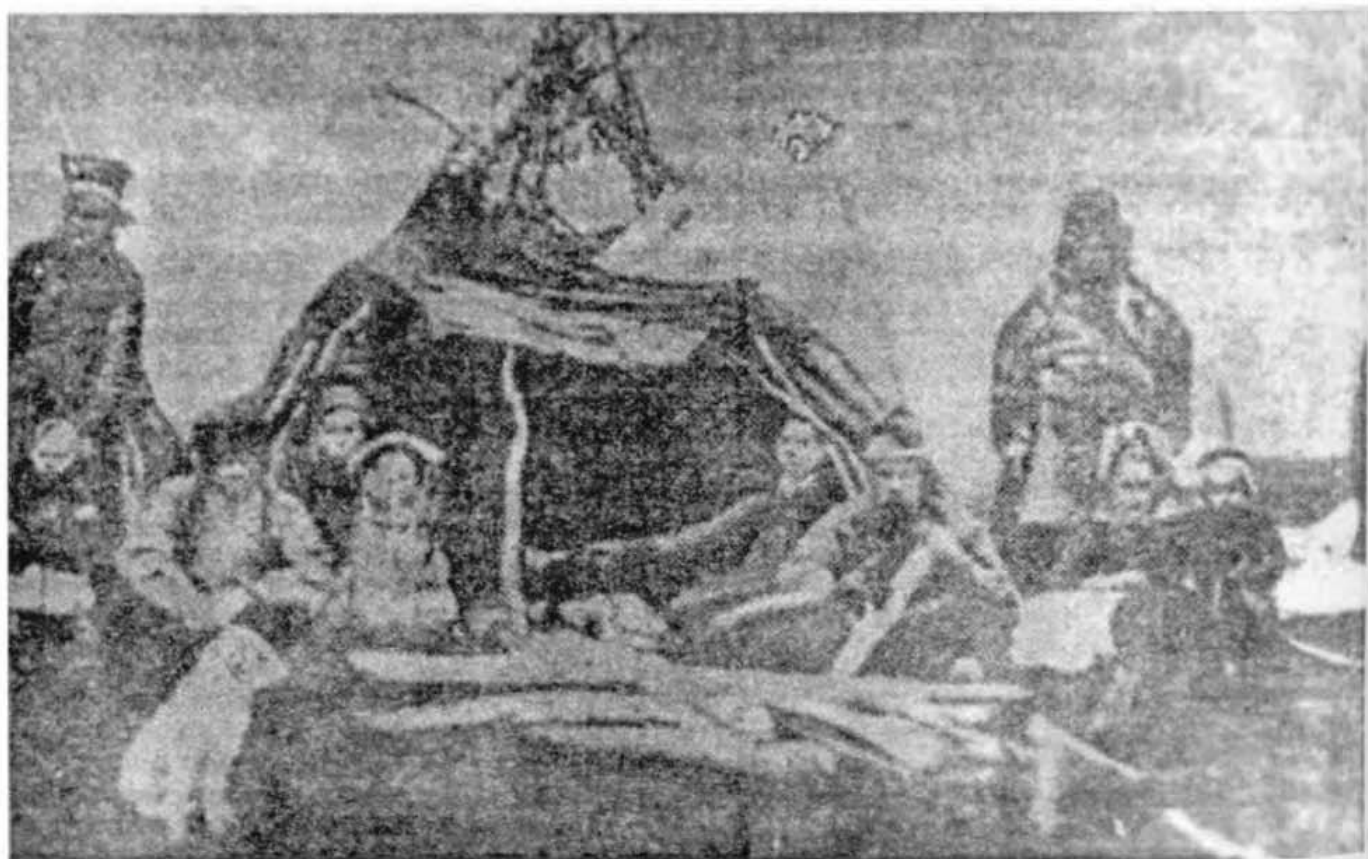
Главная физическая обсерватория весьма Вам благодарна за изъявленную отношением от 21 сентября минувшего года готовность проводить метеорологические наблюдения в селении Ловозерском и в становище Рында и могла бы выслать вам необходимые для устройства станции инструменты, но лишь с условием, чтобы эти инструменты оставались все время в одном селении. Так как вы большую часть года будете проводить в становище Рында, то желательно было бы устроить станцию именно в этом становище.

*Директор обсерватории Г. Вильд
Физик А. Каминский»*

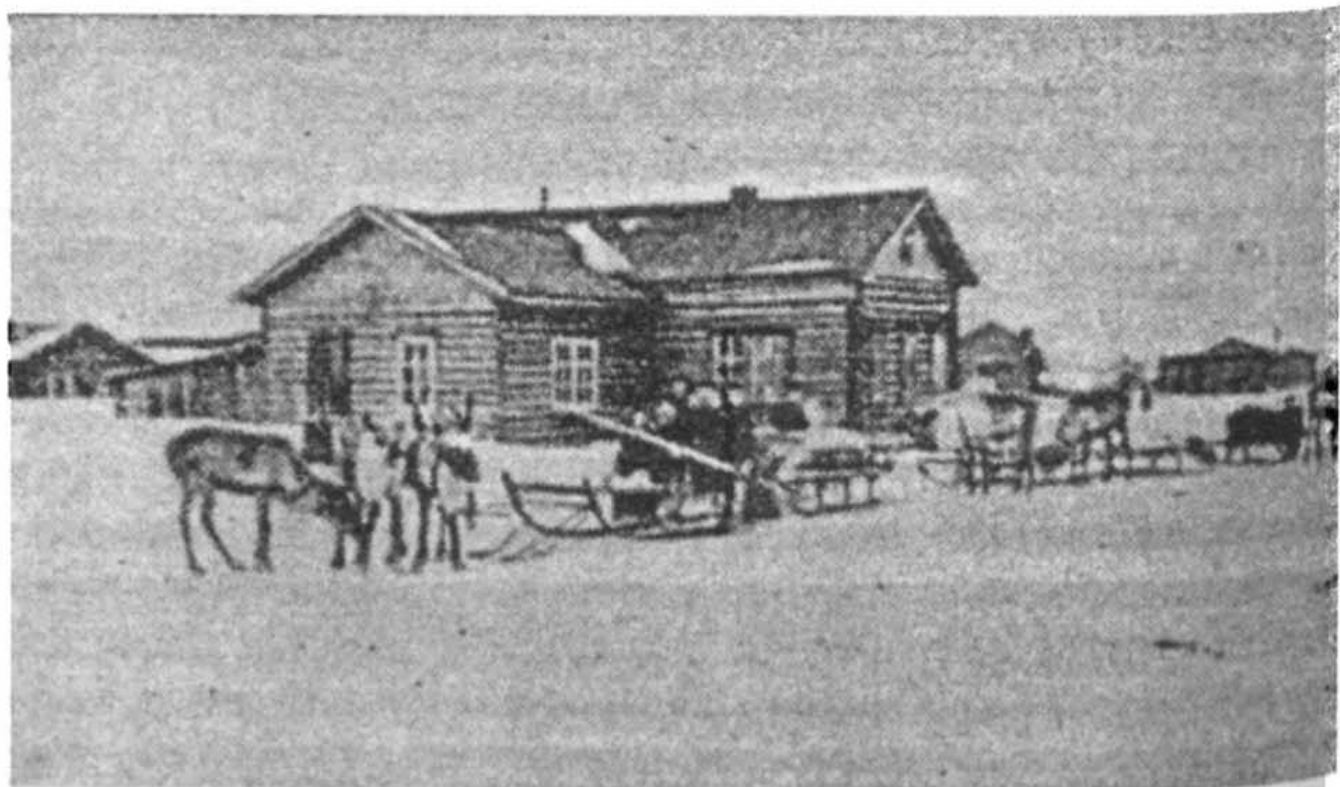
Становище Рында находилось на восточном побережье Мурман, на реке Рында, которая протекает между реками Вороньей и Харловкой. Сюда перекочевывали ловозерские и вороненские саамы на летнее время.

20 февраля 1894 года священник Николай Шмаков ответил на письмо:

«Имею честь уведомить, что в становище Рында живут постоянно жители, зиму и лето. Колонисты, которые никуда не отлучаются. Так что им вполне можно сдать инструменты на хранение. Между колонистами становища Рында есть грамотные, которые, так думаю, могут даже приняться производить метеорологические наблюдения в зимние месяцы, если Главная физическая обсерватория им за труд, хотя малость, найдет возможным заплатить. Я со своей стороны согласен делать наблюдения, когда будут высланы инструменты».

Ловозеро. Кувакса – летнее жилище саамской семьи

Саамский погост Ловозеро

Согласись обсерватория заплатить «хотя малость», вопрос был бы исчерпан и появилась бы новая метеостанция в становище Рында. Но обсерватория сама все дело свела на нет. Оно уперлось в финансирование: «...хорошо, если помощники согласятся производить наблюдения без вознаграждения...»

Хроническое безденежье этой службы, очевидно, заставляет обсерваторию ставить такие условия, но бесплатно никто не согласился наблюдать, о чем и сообщает священник Шмаков. И одновременно он делает обсерватории важное по своим последствиям предложение:

«Если ГФО согласна выслать приборы в два места: первое – в становище Рында и второе – в лопарский погост Ловозеро, находящийся от моря в 200 верстах, в середине Лапландского полуострова, то я согласен проводить метеорологические наблюдения в обоих местах: летом – в Рынде, зимой – в Ловозере».

Благодаря Н. Н. Шмакову не обрывается связь с ГФО и, главное, в поле зрения обсерватории попадает погост Ловозеро.

Три года ГФО «переваривает» это сообщение, а может, и забыло бы, как вдруг неожиданно получает письмо из Ловозера, в котором учитель Иван Иванов предлагает свои услуги...

«Честь имею предложить Физической обсерватории свое согласие на то, что мне очень желательно было бы делать метеорологические наблюдения в Ловозерско-Лопарском погосте, который находится в центре Кольского полуострова... Труд мой за метеорологические наблюдения, оценивая по 25 рублей в месяц, – 300 рублей в год. Конечно, ГФО покажется довольно странным то, что я прошу такую сумму за труды, иной и за эту сумму не согласится делать метеорологические наблюдения, потому что лопари, живущие в этом погосте, с апреля по декабрь месяц включительно не живут в погосте, а кочуют в одиночку по тундре и лесам со своими оленями, поэтому и зимний погост Ловозерский остается совсем пустой и никем не обитаем, вследствие чего, если какой человек остается, то, значит, лишается возможности видеть людей с апреля и до декабря».

Смелое, грамотное, деловое письмо учителя снова заставляет обратить внимание на Ловозеро. Учитель Иван Иванов попал в самую точку – обсерватория очень желала иметь метеостанцию в центре Кольского полуострова, так как по побережью уже было несколько, а вот в центре – ни одной. Но не тут-то было. Тощий кошелек службы опять диктует свое, сдерживает замыслы...

Но не суждено было учителю стать первым наблюдателем Ловозерской метеостанции. Обсерватория не приняла его предложение.

Письмо пришло за подписью академика Рыкачева, из чего следовало, что директором обсерватории стал Михаил Рыкачев, приемник Генриха Вильда, ушедшего в отставку.

Учителю было отказано, но, очевидно, мысль о создании метеостанции в Ловозере не дает покоя ГФО. Обсерватория обращается вновь за помощью к отцу Николаю Шмакову. Вот ответное письмо его в Санкт-Петербург:

«...сим честь имею донести ГФО, что метеорологические наблюдения в Ловозерско-Лапландском погосте производиться круглый год не могут по той причине, что жители погоста, а равно и соседних погостов, кочующие лопари, и народ неграмотный, кому возможно было бы поручить таковые наблюдения в мое отсутствие на летнее время, нет. Все уезжают к разным озерам для промысла рыб и живут там до зимнего пути. В летние месяцы возможно нанять опытного человека, но не дешевле 15 рублей в месяц, а остальное время я согласен производить наблюдения. Деревянную будку для установки термометров по приложенным чертежам возможно устроить и которая будет стоить 10 или 15 рублей».

Обсерватории очень важно иметь в Ловозере станцию. Однако она ставит и свои условия: «непрерывные, круглогодичные наблюдения».

Создание Ловозерской метеостанции понемногу, но движется. Отец Н. Шмаков в письме от 16 ноября 1898 года сообщает, что термометрическая будка в Ловозерско-Лапландском приходе построена. Инструменты для метеорологических наблюдений получены в целости, «...только нет инструкций, книжек для записи наблюдений и разных бланков, коих прошу выслать». А также предупредил, что «на лето заместителя в виду не имеется». Приложил счет о расходе денег за постройку

термометрической будки и за провоз инструментов от становища Рында до Ловозера. Отец Николай Шмаков занят установкой приборов. Он охотно отдавался этому занятию.

Наступил новый, 1899-й год. И вот, наконец, обсерватория получает долгожданное известие:

«Честь имею донести Главной Физической обсерватории, что метеорологические наблюдения при Ловозерско-Лапландской станции начаты с 12 марта сего, 1899 г.»

Эту дату можно считать днем рождения Ловозерской метеорологической станции.

Однако с радостной вестью на ГФО обрушивается и масса проблем, которые не обещают безоблачного существования станции.

«...Но, – продолжает свое сообщение священник, – первое – при получении инструкции, книжек для записи и бланков не было приложено табличек с поправками, которые следует придавать инструментам, а потому поправки некоторых инструментов не будут вноситься в столбцы книжек до получения таковых таблиц. Второе – при постановке флюгера на шест стальная шпилька и ось сломались о самый утолщенный железный шест, другие принадлежности все целы. Хотя шпилька и укреплена, но она уже короче, и потому железная труба нелегко вращается около оси, особенно при слабых ветрах. В это время ветер определяется по компасу».

Далее Н. Н. Шмаков делает важное сообщение для ГФО:

«По отъезду моему в командировку с апреля по ноябрь заместитель в наблюдениях приглашен с платою по 15 рублей в месяц, если он не в состоянии будет вычислить наблюдения и привести их в исправленные величины, то (оригинал) книжки, таблицы будут представлены таковыми. Не подаст ли это повода к сомнению в ненадежности станции и будет ли заместитель в наблюдениях вознагражден платою за эти месяцы?»

Больше сведущих людей в этом деле не могу приискать. Нет же-

лающих остаться на 6-7 месяцев в Лапландии, быть оторванными путями сообщения от всего. Месячной отчетности представлять будет невозможно. С мая и до ноября пути сообщения в это время прекращаются...»

И тут священник делает ГФО предложение, которое там возьмут во внимание и воспользуются им:

«...В 130 верстах на запад проходит телеграф из г. Колы и есть телеграфная станция, где служащие живут круглый год, не уезжая. Не будет ли более удобно находить ГФО перевести Ловозерскую метеорологическую станцию на одну из этих телеграфных станций в середине Лапландского полуострова, где есть пути сообщения и наблюдения будут производиться более развитыми людьми, чем мой заместитель?»

Пять лет прошло с начала переписки (с 26 января 1894 по 2 марта 1899 года), прежде чем открылась Ловозерская метеостанция. И хотя на ней установлен пока только флюгер и термометрическая будка, главное дело сделано – есть еще одна станция. Хотя положение ее остается по-прежнему шатким.

«Его преподобию священнику Ловозерского прихода отцу Николаю Шмакову...»

26 апреля 1899 года Главная физическая обсерватория получила письмо от отца Николая Шмакова:

«...Считаю своим долгом заявить ГФО, что приисканный мною заместитель на летние месяцы, с мая по ноябрь, отказался вовсе наблюдать, других же лиц по случаю наступающей распутицы приискать невозможно, а потому наблюдения метеорологической станции с мая и по ноябрь будут прекращены. Инструменты из будки будут убраны

на это время и уложены в нежилую комнату».

Итак, инструменты убраны на хранение, станция, как сейчас говорят, законсервирована, и насколько – неизвестно. И обсерватория решила отправить на Север, на Кольский полуостров, инспектора – заведующего отделением работ Антона Антоновича Каминского, который должен разобраться на месте – что и как. О чем руководство ГФО и уведомляет Николая Шмакова:

«...Железный шест к флюгеру будет выслан в Ловозерск летом. К тому времени, когда эту станцию посетит командированный из обсерватории надворный советник Антон Антонович Каминский, флюгер может быть установлен господином Каминским. Господину Каминскому будет также поручено обсудить на месте вопрос о том, следует ли оставить станцию в Ловозерске и не будет ли лучше, как вы полагаете, перевести на один из телеграфных постов в случае, если там найдутся желающие заняться наблюдением.

Обсерватория будет Вам весьма благодарна, если в возможно скором времени сообщите ей, каким путем и каким способом удобнее всего можно летом попасть в Ловозерск, имея при себе барометр и другие инструменты, и сколько времени потребуется на путешествие от Мурмана до Ловозерска и обратно».

«В исполнение вашего отношения, – пишет Шмаков, – честь имею донести физической обсерватории, что летом попасть в Ловозерск весьма трудно, так как погост Ловозерск отстоит от Мурманска в 200 верстах, дорог никаких нет, исключая летнего пути, пешком, по тракту из г. Колы до погоста Раз-Наволоок 115 верст, а оттуда уже брать проводников-лапландцев до Ловозерска, 95 верст, и идти надо по тундре или же отправиться прямо до Ловозерска, дороги нет, и хода будет по тундре 200 верст. В становище Рында проводников можно найти – лопарей, которые за вознаграждение согласятся идти до Ловозерска и обратно».

А тогда, казалось, судьба Ловозерской метеостанции предрешена. От отчаяния А. А. Каминский решил махнуть рукой на Ловозерск и дает

письменно распоряжение священнику Шмакову, чтобы тот все инструменты отправил на вновь открывшуюся метеорологическую станцию «Имандра».

Озадаченный и удрученный (было хоть какое-то занятие, оживление в Ловозерске) отец Н. Шмаков делает попытку сохранить метеостанцию. Он пишет:

«Согласно письму командированного господина Каминского о переводе Ловозерской станции на вновь открытую станцию «Имандра», имею честь донести ГФО, что доставить инструменты в настоящее время на вновь открытую станцию «Имандра» за 100 верст от Ловозера будет невозможно до ноября, до установления зимнего пути, так как выдать их некому и переноска по летнему пути весьма затруднительна. В ноябре же инструменты будут доставлены...»

Перелистывая ветхие, с обесцвеченными временем буквами письма, читаю, как приключенческий роман с запутанным сюжетом. Казалось бы, судьба станции решена, все! И тут снова вмешивается воля человека. Далее в письме отец Шмаков делает предложение, которое меняет решение обсерватории, заставляет иначе взглянуть на дело, что спасает станцию от забвения:

«Осмелюсь предложить ГФО, не найдет ли она возможность выслать на станцию «Имандра» новых инструментов, а инструменты на Ловозерской станции оставить, и я по приезде в Ловозеро в ноябре сего года займусь наблюдениями и постараюсь, не смогу ли приискать заместителя».

Вернувшийся в ноябре в Ловозеро отец Николай Шмаков установил в будке термометры и возобновил наблюдения. Однако обсерватория напоминает ему о заместителе, «чтоб не было в наблюдениях перерыва, иначе наблюдения не имеют важного значения и к тому же не будет и платы за наблюдения».

Николай Николаевич Шмаков понимал, что в его интересах найти заместителя на лето, ибо и ему не будет платы за его работу. Поэтому он нашел себе замену, о чем поспешил уведомить обсерваторию.

Кстати, я обратила внимание на одну особенность – на имена и от-

чества моих героев: Николай Николаевич Шмаков, Федор Федорович Шатков, Антон Антонович Каминский, Иван Иванович Артеев... Очевидно, тогда велось старшего сына называть именем отца.

Из дальнейших посланий Шмакова в Санкт-Петербург известно, что заместителями его были учительница церковно-приходской школы Елизавета Догадкина и приучающийся к наблюдениям заместитель на летние месяцы крестьянин, молодой зырянин Иван Артеев.

Дело улажено, метеостанция работает. И теперь обсерватория все внимание уделяет качеству наблюдений, регулярности отчетов, соблюдению инструкций.

Так, благодаря заботам и хлопотам отца Н. Н. Шмакова станция продолжит свое существование.

Река Сергевань. Ловозерская ГМС

въ становащъ Рында, то ^{исполн} желательного
бы было устроить станцію въ этой
становищъ. Въ виду сказаннаго Обсер-
ваторія покорнейше проситъ не от-
казатъ удовлетворить ее, оставивъ на
въ становищъ Рында ^{въ подобнъ хитрости} не ~~думая~~ кто
либо, кому можно бы было сдать на
храненіе а ~~на~~ ~~днание~~ ~~время~~ ~~инстру-~~
менты метеорологической станціи.

Директоръ Обсерваторіи: ~~Генералъ~~ Г. Виллоде.
Рында А. А. Миллеръ.

Письмо 1890 года. ГФО интересуется возможностью
установления метеостанции в Рынде, сохранением метеорологических
инструментов там

Во извѣстную Физическую Обсерваторію
попеченіе Метеорологических станцій II разряда.

Всехуменника Ловозерско-Лапланд-
ского прихода, Архангельской Епар-
х. Кольского уезда, Николая Шмакова.

Quinn, J. R. ✓

Вспомогательный Вашего отношения отъ 21 Мая сего года
г. 1814, сими к сему шито донести Главной Физической
Обсерватории, что метеорологическiя наблюденья въ Ново-
преславль Валаандскаго погоста производится кружи-
и свои несутся, по той причине, что жители погоста
и равны и состояния погосте съ козюками слепари, и карды
неграмотны, кому возможно-и похитить таковыя наблю-
дены въ свое отсутствіи; на снѣжки врсенъ все утѣраю-
хъ различны орудія для промисла рыбы и животъ тѣхъ
и утѣраю пути. Притомъ довозрохъ на это врсенъ,
съ 1-го стѣны и въ 15-й стѣнѣ, ежегодно командировуется на
восточную сторону съ Меркантикаго сѣвера въ стѣ. Диндъ.
Вѣтреныя снѣжкиныя снѣжкиныя снѣжкиныя (снѣжкиныя) съ
довозрохъ погосте нѣтъ никакихъ, и погосте
пунать на снѣжкиныя нѣтъ нѣтъ 210. вѣр. куда возможно по
пастъ только нѣтъ. Та снѣжкиныя снѣжкиныя возможно
на снѣжкиныя снѣжкиныя, но не снѣжкиныя 15. вѣр. снѣжкиныя,
и снѣжкиныя врсенъ и снѣжкиныя производить на снѣжкиныя
Деревянныя бѣрухъ для установки Меркантикаго, по про-
снѣжкиныя снѣжкиныя, возможно устроить и снѣжкиныя
и снѣжкиныя 10 или 15 рубль.

10¹⁴ и 10¹⁵ 1898 года

Plum. minor et *lotus* hinc et inde in montibus et in rupibus. *Spider* communis.

1. In April or May, before the leaves are out.

Письмо священника Ловозерско-Лапландского прихода
Н. Н. Шмакова в ГФО об устройстве метеобудки
1898 год, 10 июня.

1874.
N 215

Священнику Ловозерского прихода
Кольского уезда, отцу Николаю
Николаевичу Шмакову |

Гласная Финляндская Обсерватория весьма
Вам благодарна за изъявленное из
отношения отъ 21 Сентября минув-
шаго года готовность производить
метеорологическія наблюденья въ селеніяхъ
Ловозерского и въ становищахъ
Рында ~~не мажется~~ и могла бы
выслать Вамъ необходимые для
устройства станція
этого инструмента, ~~если~~ но ~~лишь~~
съ условіемъ, чтобы эти инстру-
менты оставались все время въ
одномъ селеніи; Такъ какъ Вы бол-
шую часть года будете проводить

ГФО благодарит священника Ловозерского прихода Кольского уезда отца
Николая Николаевича Шмакова
за готовность производить метеорологические

В. Гаврило Физической Обсерватории

К. Д. М. У.

б. К

Заведующему Ловозерской
Метеорологической
Станции.

Сильно желая лично представить Главной
Физической Обсерватории wyniki наблюдений
за февраль месяц. Таблица метеоро-
логических наблюдений этого месяца по
итогам ноября.

Учительница Ловозерской Церковно-
приходской Школы Елизавета Догадкина.

17
февраля.
1901 года.

ф. м. у.

Ч. М. Б.

Сопроводительная записка к метеорологическим материалам наблюдателя
Ловозерской метеостанции учительницы ловозерской церковно-приходской
школы Елизаветы Догадкиной. 17 февраля 1901 г.

Я ниже подписавшихся Грестыльминов
Иванов Иванъ Артемовъ принимаю все
метеорологическую аппаратуру отъ
друзей моихъ Елизаветы Трофимовны До-
гадкиной для наблюдений, по возмощи
метеорологической станции
целости Сохранности 1901 года 18 апреля
Иванъ Ивановичъ Артемовъ,

Письмо от Ивана Ивановича Артеева, наблюдателя Ловозерской метео-
станции, которую он принял
от Е. Догадкиной, о чем и сообщает. 18 апреля 1901 г.

Наблюдатель Ловозерской метеорологической станции крестьянин Иван Артеев

Непросто складывалась дальнейшая судьба Ловозерской метеостанции, и неоднократно возникал вопрос, быть ей или не быть.

Следующим наблюдателем после отца Николая Шмакова стал крестьянин Иван Иванович Артеев. По национальности он был зырянником (коми). Время работы на метеостанции Ивана Артеева охватывает период с марта 1900 года по август 1902 года.

Что же происходило во время его деятельности? Из переписки наблюдателей с Главной физической обсерваторией прослеживается дальнейшее развитие событий.

Производство наблюдений Нежелательные «отлучки»

Итак, 1900 год. Ловозерская метеостанция действует: приборы установлены, метеорологические наблюдения проводятся. Наблюдает священник Шмаков. Письма, приходящие из далекого Ловозерска от наблюдателя в Санкт-Петербургскую обсерваторию озадачивали, ставили перед обсерваторией новые проблемы, которые надо было незамедлительно решать.

В письме от 14 февраля 1900 года отец Николай Шмаков, пишет в обсерваторию:

«...Наблюдения над снежным покровом и метелями за январь месяц сего 1900 года не представляются, так как я почти все время находился в отлучке по приходу...»

Конечно, эти отлучки священника весьма огорчали обсерваторию.

Особенностью метеорологической науки является единообразие наблюдений, их срочность, то есть все метеорологические наблюдения должны производиться точно по срокам, в одно и то же время. Например, в 9 часов утра все метеорологи на всех метеостанциях в разных

точках земного шара отсчитывают температуру воздуха, давление, влажность, силу и направление ветра. А у отца Шмакова в это время служба – заутреня или обедня. Это первая неприятность, особенность и непереносимость метеорологической науки. А вторая – это непрерывность наблюдений: длинный, постоянный ряд данных, многолетний период наблюдений, на который можно было бы опереться, анализируя метеоявления, погоду в данной точке, составлять прогноз погоды. И грош цена наблюдениям, не имеющим этих двух свойств.

Но Ловозерская метеостанция была крайне необходимой. Она находилась в центре Кольского полуострова. Ее метеоданные были очень важны и ценны для обсерватории. И главная трудность состояла в том, что в Ловозере не было постоянного наблюдателя. Все население на летние месяцы покидало погост Ловозеро, люди уходили на север, в становище Рында, вслед за оленями. Таковы были традиции и особенности кочевой жизни. С ними уходил и священник отец Николай Шмаков. И станция оставалась без наблюдений, а инструменты – без присмотра. В селе никто не оставался, кто мог бы быть наблюдателем.

«...Я приискал заместителя себе...»

В Санкт-Петербурге облегченно вздохнули, получив письмо из Ловозерска, в котором отец Николай Шмаков сообщает о том, что он «приискал заместителя себе». Это означало, что наблюдения будут производиться постоянно – и зимой и летом, и инструменты не надо будет складывать и убирать. Отец Николай Шмаков писал:

«...с сим имею честь донести ГФО, что заместителя на летние месяцы я приискал с платою по 15 рублей в месяц. Он согласен производить наблюдения с 19 января и заниматься круглый год...»

Отец Николай Шмаков снял тяжелый груз с плеч обсерватории. Метеорологические данные Ловозерской метеостанции были важны и ценны, и закрывать, терять эту станцию было нежелательно.

Читая письма из Санкт-Петербурга, можно отметить, что обсерватория, обращаясь к наблюдателям, неустанно разъясняет, как правильно пользоваться приборами или инструментами, как правильно отсчиты-

вать метеовеличины и верно заносить их в таблицы. В то время метеостанции уже были оснащены всеми необходимыми инструментами для полного объема производства наблюдений и оставалось добиться качества наблюдений.

В одном из писем обсерватория указывает на недочеты, наставляет отца Николая Шмакова:

«...В журнале наблюдений за январь Вами не приняты во внимание указания Обсерватории относительно наблюдений над температурой. Ввиду этого Обсерватория считает необходимым еще раз просить Вас обратить внимание на следующее: когда термометры показывают ниже «0» градусов, то есть «мороз», необходимо ставить в книжке перед числом градусов знак «-» – «минус». Например, -4,5 град, означает 4,5 градуса мороза. Если же показания термометра выше «0» градусов, то никакого знака перед числом градусов не ставится...»

Даже вот такие, казалось бы, мелочи, необходимо было разъяснять наблюдателям, которые были, что называется, «люди со стороны», без специальной профессиональной подготовки.

Особенно сложным прибором для наблюдателя почему-то оказался минимальный термометр. Обсерватория объясняет, как им правильно пользоваться:

«...При наблюдениях по минимальному термометру следует отмечать: 1. Показания того конца штифтика, который более удален от вилки. Этот отсчет записывается в графе, озаглавленной «штифтик». 2. Показания конца столбика спирта.

Затем после каждого наблюдения вилку минимального термометра немного приподнимают и держат прибор в таком положении до тех пор, пока штифтик не дойдет до конца столбика спирта в трубке.

Заведующий работами А. А. Каминский»

Вот так терпеливо, но, к сожалению, заочно приходилось обучать обсерватории всех своих наблюдателей производству наблюдений, растить первое поколение метеорологов на Кольском полуострове.

В письме от 17 марта отец Шмаков сообщает обсерватории:

«...с марта месяца сего года будет производить наблюдения приисканный мною заместитель, крестьянин Иван Иванович Артеев, который согласен остаться в Ловозере до декабря месяца, с вознаграждением за труд, а потому покорнейше прошу Главную Физическую обсерваторию известить будут ли удовлетворять его записи в наблюдении. За февраль месяц наблюдения производит уже он с моей помощью. Заведование метеорологической станцией мною передано Артееву...»

Получив это сообщение, обсерватория была удовлетворена, что так удачно сложились обстоятельства и Ловозерская метеостанция не осталась без наблюдений:

«В Ловозерск

*Его преподобию священнику Ловозерского прихода
отцу Николаю Шмакову*

НГФО весьма благодарна за приискание заместителя, который согласился производить наблюдения, когда прямые Ваши обязанности Вам этого не позволяют...»

И тут же в письме, заботясь о качестве наблюдений, обсерватория напоминает Н. Н. Шмакову:

«Не откажите объяснить заместителю отмечать «мороз» знаком «-», а также подробнее разъясните употребление минимального термометра. И еще желательно, чтобы Вашим заместителем, который измеряет количество осадков, они записывались в книжках, согласно с инструкцией, а именно: необходимо отсчитывать число полных делений по измерительному стакану, не определяя долей одного деления, а также не отделяя последней цифры запятой. Например: отсчитанное число полных делений 23, записывать в книжке надо 23. Отсчет по стакану «б», следует записывать в книжке «б» и т. д. В таблицу же записи количества осадков переносятся из книжки, поделенными на 10».

Обсерватория, понимая возможные затруднения нового наблюдателя и принимая во внимание его неопытность, идет на уступки, берет на себя часть работы:

«...Обсерватория просит Вас объяснить Вашему заместителю, что вычисление месячных таблиц по полученным от него книжкам она примет на себя. Желательно только, чтобы книжки с наблюдениями высылались в обсерваторию регулярно и по истечении каждого месяца. Записные книжки для записывания наблюдений и конверты для пересылки их, при сем сопровождаются».

Письмо это датировано 25 марта 1900 года. 19 марта 1900 года Иван Артеев отправляет книжки с наблюдениями. Внизу его письма карандашом отмечено: наблюдения за январь, февраль, март 1900 года при просмотре их в обсерватории оказались в общем благонадежными, и подпись физика Р. Бергмана.

Первая поездка Ф. Ф. Шаткова в Ловозеро

И дело пошло. И все бы хорошо, но неожиданно обсерватория получает письмо от наблюдателя Кольской метеостанции Ф. Ф. Шаткова. Федор Шатков по делам медицинской службы побывал в Ловозере, посетил метеостанцию и нашел непорядки. Он пишет в обсерваторию:

«4–5 марта 1900 г. я был в Ловозерске. Тут будка очень высокая. Я думаю, до термометров будет 4,5–5 метров, лишь бы не более. Стенки совершенно глухие, не жалюзовые. Будка – на совершенно открытом месте. Дождемер тоже на высоком столбе, а флюгер только что установлен на новой мачте, а раньше был на здании. Я видел станцию, которой заведует отец Шмаков и приучается к наблюдениям молодой зырянин. Инструменты исправны, за исключением минимального термометра, который мне удалось исправить, опустив в горячую воду».

Вот таков Федор Федорович Шатков – неугомонный, все знает, все умеет. Необходимый для обсерватории человек. Он бывает там, куда у

обсерватории добраться нет возможности.

После этого сообщения Шаткова обсерватория незамедлительно отправляет от 27 мая 1900 года письмо в Ловозеро с просьбой:

*«Гражданину наблюдателю Ловозерской метеостанции
И. И. Артееву*

Письмом от 12 мая заведующий Кольской метеорологической станцией Ф. Ф. Шатков уведомил Николаевскую ГФО, что в марте месяце текущего года, он был на Ловозерской станции, где заметил, что боковые (восточная и западная) стенки термометрической будки глухие, состоящие из досок, тогда как по академической инструкции они должны быть из жалюзи. Ввиду сего, прилагаю при сем чертеж с описанием нормальной термометрической будки. Обсерватория покорнейше просит Вас уведомить ее, не окажется ли возможным переделать будку согласно упомянутому описанию, во сколько приблизительно обойдется такая переделка, прежде чем приняться за переделку, возможно экономно составленную. Соответствующую смету выслать в обсерваторию.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Заведующий работами в отделе Р. Бергман»*

Отправить письмо с рекомендациями – это единственное, пожалуй, что могла предпринять обсерватория, чтобы как-то повлиять на происходящее на Ловозерской метеостанции. Связь между обсерваторией и метеостанцией была тонка и слаба. Импульс, посылаемый обсерваторией в Ловозеро по мере движения затихал и терялся в непролазной тундре. Ни дорог, ни путей, почтовая связь – лишь зимой. О какой оперативности можно было говорить, если только 22 декабря 1900 года Иван Артеев смог отослать скопившиеся у него записные книжки с наблюдениями:

«...При сем имею честь представить записную книжку и таблицы за следующие месяцы: за май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь... В летнее время никак не мог послать Вам записных книжек. Хоть попутные и были, да ненадежные. А теперь можно послать с на-

дежным человеком. Я получил из Обсерватории 28 июля сего года два пакета, личные, на мое имя, и пакеты были распечатаны до моих рук, и я очень усомнился, а будка стоит по-прежнему...»

Вместе с наблюдениями обсерватория получает из Ловозерска следующую информацию, которая вновь заставила поволноваться:

«Выписка из журнала наблюдений 1900 г.

1 июня. Анероид № 12236(975) перенесен на расстояние 15 фут. от земли, 8 фут. от печки, 2,5 фут. от пола и 48(118)саженей от 3Ю3 стены будки.

12 ноября. Анероид перенесен на другой дом и находится на расстоянии 35 саженей от будки, 5 фут. от земли и 2,5 фут. от пола».

«Что происходит на Ловозерской станции? Где же находится анероид? Почему анероид переносят?» – задавались вопросами в обсерватории. И снова она была бессильна, не могла оперативно вмешаться и что-то изменить. Ей только остается писать и давать указания.

Письмо из обсерватории от 16 января 1901 года:

«Судя по Вашим замечаниям в записях, анероид два раза переносили, а именно 1 июня и 12 ноября 1900 года. Ввиду сего НГФО покорнейше просит Вас не отказать сообщить ей насколько выше или ниже этого же самого места он установлен с 12 ноября. При этом было бы желательно, если можно узнать, на каких высотах над уровнем ближайшей от метеорологической станции речки или озера находится анероид при каждом из трех означенных пунктов. За измерение этих высот, хотя бы приблизительно, и сообщение их Обсерватория будет Вам весьма благодарна».

Крестьянин Иван Артеев, конечно, немало был озадачен свалившейся на него проблемой. Он бы и рад был проделать эту мудреную работу, да не знал как. Тут уже требовались специальные знания и техническое образование. А что он, крестьянский сын, мог сделать? Но раз задача поставлена – надо выполнять. Забегая вперед, скажу, что он выполнил оба задания обсерватории: и будку поставил новую, и высоты

определил, правда, с помощью небезызвестного Федора Шаткова. А пока эти задачи откладываются на неопределенное время.

19 января 1901 года обсерватория получает письмо от священника отца Николая Шмакова, в котором он сообщает, что вновь занимается метеорологическими наблюдениями (с 18 декабря). То есть Иван Артеев отстранен от производства наблюдений. В этом письме отец Шмаков обвиняет Ивана Артеева в плохой работе, в том, что Артеев многих наблюдений не производил и записей не вел:

«...Не вел наблюдений над грозами и зарницами, над вскрытием и замерзанием рек и озер, над снежным покровом и метелями, хотя и были у него эти таблицы, – писал Шмаков. – Даже дождемер не всегда наблюдал и записи в книжку не всегда производил в указанные часы, поэтому сданные мною ему инструменты получил в целости обратно и наблюдениями с 1 января 1901 года по новому стилю буду заниматься лично, о чем и даю знать ГФО».

Следом за письмом Шмакова пришло письмо Ивана Артеева:

«При сем имею честь, прошу Ловозерской станцией летом заведовать, выслать книжек и таблиц, и я согласен будку поправлять и выслать объяснения. И уведомляю – от Ловозерской станции было послано семь месячных книжек. Прошу дать ответ и выслать жалование и выслать письмо Н. Шмакову, чтобы передал станцию И. И. Артееву. Покорнейше просим не оставить мою просьбу без внимания.

Иван Иванович Артеев».

Обсерватория не спешила вмешиваться в отношения между наблюдателями. Ей уже доводилось сталкиваться с подобными явлениями. В таких случаях она придерживалась правила «поживем – увидим» и выжидала, чем все закончится. Для нее главное, чтобы не прерывались наблюдения. Слава Богу, что у нее, там, в далекой Лапландии, есть верный помощник Федор Федорович Шатков, ее глаза и уши, на которого она может положиться.

Второе посещение Ф. Ф. Шаткова. Решение задач

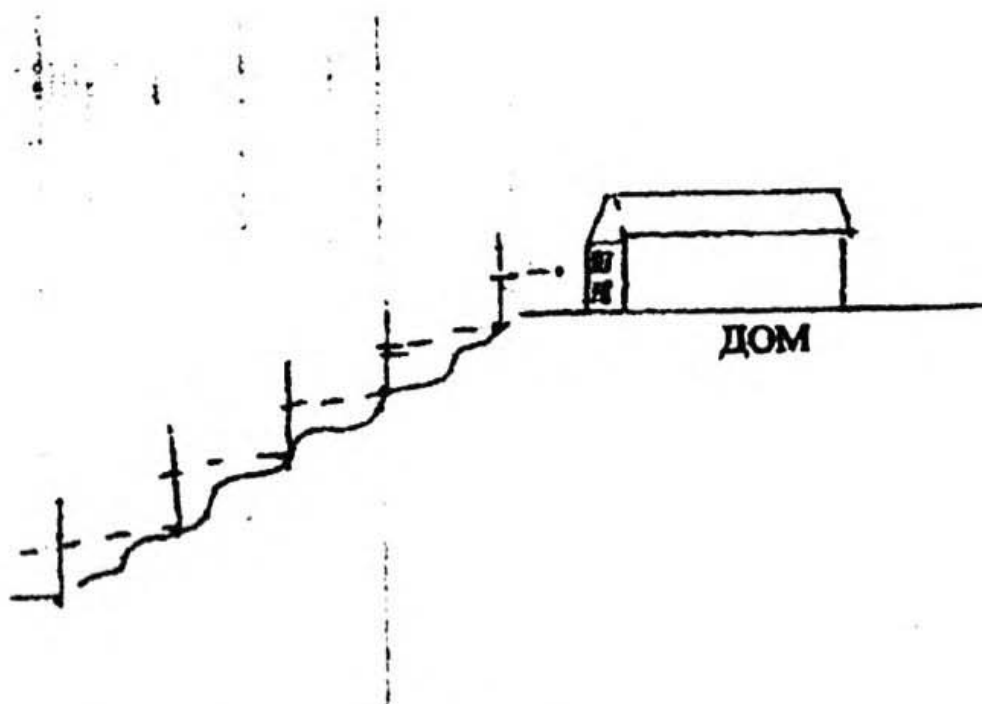
В феврале 1901 года Федор Федорович по делам лекарской службы вновь побывал на Ловозерской метеостанции. Там снова произошли изменения в составе наблюдателей. Священник отец Николай Шмаков совсем покинул село Ловозеро, перебрался в Поной и, уходя, будучи недовольным, по его словам, работой Артеева, оставил наблюдателем учительницу церковно-приходской школы Елизавету Догадкину.

Федор Федорович, осмотрев метеостанцию, обнаружил недочеты в производстве наблюдений, исправил их, чем оказал неоценимую помощь наблюдателям метеостанции, а значит, и обсерватории. Так он решил давнюю задачу, поставленную обсерваторией в письме от 16 января 1901 года: определить местонахождение барометра-анероида и на каких высотах над уровнем ближайшей от метеостанции речки или озера он находится. Вот за решение этих задач и принялся Шатков. К работе он привлек и Артеева. И, конечно, им помогала Елизавета Догадкина. Вот так описывает Шатков проделанную работу:

«...В бытность мою в Ловозерске, 20 февраля сего 1901 года, ко мне обратилась учительница Елизавета Догадкина, которая теперь, после отъезда священника Шмакова, заведует станцией. И также бывший наблюдатель и жилец Иван Артеев, с просьбой указать им способ, как определить высоту квартиры, где был помещен с 1 июня по 12 ноября минувшего 1900 года барометр-анероид над уровнем воды реки или озера.

Я это предложение их со своей стороны исполнил при помощи ватерпаса и спиртовым уровнем при содействии бывшего наблюдателя Артеева таким способом. Мы взяли сделали рейку длиной 125 см. и на ней постепенно устанавливали ватерпас, а потом на берегу отмечали палочкой точку, где указывала горизонтальная линия ватерпаса (см. рисунок).

При помощи ватерпаса таким путем найдено, что место, где был анероид-барометр с 1 июня по 12 ноября 1900 года над уровнем реки Вирма, протекающей мимо Ловозера, берущей начало из мелких озер и болот и впадающей в озеро Ловозеро, равно 6,5 метра.

Определение высоты над уровнем реки Вирма

После отъезда священника Шмакова, 4 февраля сего 1901 года anerоид-барометр из квартиры священника был снова перенесен в квартиру учительницы Догадкиной и установлен на столе далеко от печки. Высота над уровнем реки Вирма в ее квартире определена тем же способом, при помощи ватерпаса, и равна 4,5 метра. Мною показан способ приводить anerоид к нулю по табличке, приложенной к нему. Наблюдательница просит обсерваторию выслать ей книжек для дальнейшего производства наблюдений, так как книжек у нее в настоящее время имеется только три штуки, а в конце марта уже перестанут туда ездить — по случаю распутицы. Я со своей стороны и с согласия наблюдателей предлагаю свои услуги для доставления туда, то есть в Ловозерск, всякого рода корреспонденции, поэтому прошу обсерваторию адресовать так: в г. Колу Архангельской губернии, Федору Федоровичу Шаткову, для доставления в Ловозеро наблюдателю И. И. Артееву, так как наблюдателем с 1 апреля будет он, учительница же собирается выехать на родину. В Рынду прошу не адресовать, так как туда нет возможности пересылать зимой, а также летом.

Желательно было бы иметь таблицу облаков, а в Ловозерской станции и психрометрические таблицы.

*Наблюдатель Кольской метеостанции,
старший лекарский помощник
Ф. Ф. Шатков»*

25 февраля 1901 года

Так из письма Ф. Ф. Шаткова мы можем узнать, что происходило на Ловозерской метеостанции. А именно, что священник Шмаков выехал из Ловозерска и метеостанцию передал учительнице церковно-приходской школы Е. Догадкиной. Однако и учительница – человек временный на метеостанции, и она скоро выедет из Ловозерска на каникулы. И на метеостанции остается и снова наблюдает Иван Артеев, в чем обсерватория не возражает и охотно принимает его услуги.

Это письмо Шаткова в обсерватории было получено 5 апреля. Почти месяц шло оно от Колы до Санкт-Петербурга. Получив сообщение о проделанной работе на метеостанции обсерватория облегченно вздохнула: наконец-то была решена главная задача – приведение метеостанции к уровню моря, и теперь ее метеорологические величины можно соотносить с мировыми, что очень ценно и важно для метеорологической науки. И все это благодаря Федору Федоровичу, и обсерватория спешит поблагодарить своего помощника за его работу:

*«13 апреля 1901 года, в Колу
Шаткову Ф. Ф.*

НГФО весьма благодарна Вам за определение высоты в Ловозерске над рекой и за Вашу готовность пересылать корреспонденцию гражданину наблюдателю Ловозерской метеостанции».

В конце мая в обсерваторию пришла почта с письмом от Е. Догадкиной из Архангельска:

«Сим имею честь представить ГФО книжку наблюдений за апрель месяц, таблицы метеорологических наблюдений, листок наблюдений за снежным покровом и расписку И. И. Артеева. Наблюдениями, хотя и раньше начала заниматься, но считаю с 1 февраля по новому стилю и занималась до 1 мая, то есть три месяца. Потом передала все Ивану Ивановичу Артееву. Перерывов в наблюдениях у нас не было. Еще извещаю, что книжек для записи наблюдений осталось в Ловозерске три

штуки, а потому прошу ГФО выслать книжек сюда, в Архангельск, на мое имя, и я могу переслать с лопарями, которые будут здесь. Если же пошлете через Колу, то там не получают их до ноября. Если мне будет жалование за эти три месяца, то покорнейше прошу ГФО прислать сюда в Архангельск. Отчета ранее нельзя было послать, так как была распута и я недавно сюда приехала».

Письмо Догадкиной я привожу для того, чтобы показать каково было сообщение в то время, какова была связь между населенными пунктами.

Итак, на Ловозерской метеостанции наблюдатель – Иван Артеев. Минимальный термометр почему-то был закавыкой для всех наблюдателей Ловозерской станции. Шмакову было сделано замечание по этому поводу. Не обошел этого препятствия и Артеев, на что ему также указывает обсерватория:

«Из присланных Вами наблюдений видно, что Вы производите отсчеты минимального термометра по тому концу штифтика, который ближе к вилке термометра. Между тем, как следует записывать, то деление термометра, у которого находится конец штифтика, более удаленный от вилки.

*Заведующий работами
А. А. Каминский»*

11 сентября 1901 года

В ноябре И. Артеев получает почту: 10 записных книжек, 24 таблицы, инструкцию и отправляет свои книжки с записями наблюдений за август, сентябрь, октябрь.

Вскоре была выполнена и вторая, не менее важная задача обсерватории, поставленная перед Артеевым. 11 декабря 1901 года Иван Артеев сообщает:

«При сем имею честь известить в том, что на Ловозерской станции психрометрическая будка заменена новой, на той площадке, которая была раньше, и согласно вашему описанию. Термометры перенесены 7-го октября, и aneroid 12236(975) тоже перенесен на другую квартиру на высоте 550 см выше поверхности реки».

И в конце письма добавляет, обращаясь к обсерватории, как к человеку:

«Николаевская Главная Физическая обсерватория, извини, что худо пишу, потому что зырянин, то есть ижемич (из г. Ижмы).

1902 год».

Снова весна. Опять Федор Шатков побывал на Ловозерской метеостанции, о чем сообщил обсерватории:

«2 апреля 1902 года.

В Николаевскую Главную Физическую обсерваторию.

При сем имею честь обсерватории представить:

1. Расписку Ивана Ивановича Артеева в получении им от меня перевезенных с Териберки солнечных часов Флише № 23.

2. Расписку о получении 90 рублей за производство метеорологических наблюдений в 1901 году во второй половине – тоже И. И. Артеева.

3. Три фотографических снимка, сделанных мною в 1901-1902 гг. на метеорологической станции в Ловозере.

Взамен прежней будки Артеевым установлена новая по образцу НГФО, что видно на прилагаемой фотографии. Только у него сделана была сплошная, от низа до крыши в один ряд, сторона, которая обращена на юг, то я ему рекомендовал сделать с внутренней стороны другую, что он вскоре и выполнил. Лестница от будки совершенно отдельно. Работа Артееву стала в 20 рублей, каковые он и просит обсерваторию, не найдет ли она возможным ему возвратить».

Ну не молодец ли Шатков! Опять сделал обсерватории неоценимый подарок – прислал фотографию Ловозерской метеостанции, в том числе площадки и будки. К письму были приложены две расписки:

«Расписка

1902 года, февраля 10 дня

Я, нижеподписавшийся наблюдатель Ловозерской метеостанции Иван Иванович Артеев, сего числа получил от лекарского помощника Ф. Ф. Шаткова для Ловозерской станции солнечные часы Флеше № 23, принадлежащие НГФО, полученные от Териберской метеорологической станции.

И. И. Артеев»

«Расписка

1901 года, октября 10 дня

Я, нижеподписавшийся, сего числа получил с Ивана Ивановича Артеева двадцать рублей (20 рублей) за устройство метеорологической будки, установку флюгера на столбе и установку дождемера в селе Ловозерске Александровского уезда Архангельской губернии.

Иван Григорьевич Артеев¹».

В ответ обсерватория сообщает:

«10 апреля 1902 года.

Наблюдателю Артееву И. И.

НГФО имеет честь сообщить, что она вместе с сим просит правление Императорской Академии наук о высылке Вам через Ф. Ф. Шаткова двадцати рублей (20 рублей) в уплату за установку психрометрической будки, флюгера и дождемера. О получении сих денег не откажите уведомить правление Академии, направив это уведомление через обсерваторию».

Все денежные расходы и расчеты обсерватории оплачивало Правление Императорской Академии, и обсерватория отчитывалась перед академией.

---

¹ И.Г. Артеев - это отец И. И. Артеева.

Призывная повестка: «на отбывание воинской повинности»

Все складывалось замечательно на Ловозерской метеостанции. Производство наблюдений велось стабильно и более-менее качественно. На одном из писем Артеева карандашом помечено: за январь, февраль, март, апрель 1902 года наблюдения, произведенные И. И. Артеевым, получены в обсерватории и при просмотре их оказались благонадежными.

В июне в обсерваторию пришло письмо от Артеева с таким сообщением:

«27 мая 1902 года

Я буду в Ловозерской метеостанции производить наблюдения до конца июля 1902 года, потому что мне надо отсюда ехать за тысячу верст в Ижму, на отбывание воинской повинности, то есть на призыв, поэтому покорнейше прошу НГФО ваше распоряжение, как оставить станцию, то есть инструменты, а желающих произвести наблюдения нет...

И. И. Артеев»

Новость – как снег на голову. И снова перед обсерваторией встает вопрос о закрытии станции. Как ее спасти? Решение пришло само, откуда не ждали. Говорят, слухами земля полнится. Как, каким образом узнала о сложившейся ситуации Елизавета Догадкина, находящаяся в это время в Архангельске, у себя дома?

17 августа обсерватория получает от нее письмо из Архангельска:

«Имею честь уведомить НГФО, что Иван Иванович Артеев уже выехал из Ловозерска, и наблюдения станции некому было передать, поэтому он ее закрыл. В сентябре, 13 числа я еду на Мурман – учительницей в Ловозеро, так желала бы заняться наблюдениями, а потому прошу НГФО разрешить мне заниматься. Прошу отметить, адрес мой:

г. Архангельск, Елизавете Ерофеевне Догадкиной – ловозерской учительнице».

Обсерватория тут же ответила в письме от 22 августа, что она с благодарностью принимает любезное предложение заниматься производством наблюдений в Ловозерске.

«Судя по доставленным наблюдениям, – пишет заместитель директора обсерватории Эдуард Штеллинг, – до конца июля сего года наблюдения еще велись И. И. Артеевым, во всяком случае, было бы крайне желательно, чтобы наблюдения в Ловозере после отъезда Артеева не прерывались».

И хотя обсерватория не отказала Е. Догадкиной, согласилась с ее предложением, однако там понимали, что учительница – человек временный, только на учебное время. Для обсерватории было крайне важно, чтобы в работе станции не было перерывов, и, очевидно, были разосланы запросы по всевозможным адресам с целью найти постоянного наблюдателя. На этот запрос отозвался ее верный корреспондент Ф. Ф. Шатков:

*«12 сентября 1902 года
В НГФО*

Епархиаршим Архиереем последовало распоряжение об оставлении в Ловозерске постоянного священника, который мне знаком – отец Павел Розов, который берет на себя труд – наблюдение на Ловозерской станции круглый год, то есть не выезжая летом. Поэтому почтнейше прошу НГФО сделать распоряжение о том, чтобы отец Павел имел возможность принять для метеорологических работ станцию. Вся переписка может идти через меня, на что согласен священник Розов, а также и я».

На это сообщение обсерватория отвечает Шаткову:

«4 октября 1902 года

...еще в минувшем августе обсерватория приняла предложение учительницы Елизаветы Догадкиной заняться производством метеорологических наблюдений в Ловозере. А потому сейчас не может передать эту станцию другому лицу. В случае же, если гражданка Догадкина в будущем почему-то прекратит производство наблюдений в Ловозере, обсерватория с благодарностью примет любезное предложение означенного Вами лица. Во всяком случае было бы крайне желательно, чтобы метеорологические наблюдения не прерывались...»

Но несмотря на это желание обсерватории, три месяца (август, сентябрь, октябрь) выпали из ряда наблюдений, к ее большому сожалению.

Учительница Ловозерской церковно-приходской школы Елизавета Дорофеевна Догадкина - наблюдатель метеостанции

Если речь пошла об учительнице Е. Д. Догадкиной, то надо сказать несколько слов о создании школы в Ловозере.

В Ловозере первая школа открылась в ноябре 1890 года. В первый год на ее содержание было отпущено 26 рублей 80 копеек. Занятия, проходившие в причтовом доме, вел местный священник М. Почезерский. Сначала учились 8 мальчиков и 5 девочек. Но вскоре 1 мальчик и 3 девочки вынуждены были «по-бедности» бросить учение. В 1892 в связи с отъездом священника, школа распалась.

Через год за организацию школы в Ловозере взялся Архангельский комитет православного миссионерского общества. На должность учителя поступил ученик 1 класса духовной семинарии И. Иванов (мы о нем уже упоминали), которому назначили жалование 20 рублей в месяц. Кроме того, были отпущены деньги на устройство общежития для учащихся и на содержание школы. Комитет прислал учебные пособия и письменные принадлежности.

7 декабря 1893 г. занятия с детьми возобновились.

Школа помещалась в саамской тупе, имевшей площадь 9 квадрат-

ных метров и высоту 1,75 метра. Четверть классной комнаты занимала плохо сложенная печь. На ней висела доска, а вдоль стен стояли две грубо сколоченные парты. Никакой другой мебели в классе не было.

В 1895/96 учебном году занятия посещали 16 мальчиков (1 коми, 6 саамов, 2 ненца, остальные – русские) и 4 девочки (1 русская и 3 коми).

В марте 1896 г. во время пожара в церкви все школьное имущество сгорело.

Усилиями самих жителей Ловозера была организована школа грамоты, в которой всем предметам за 10 рублей учил местный псаломщик. Сначала он занимался с детьми в церковной сторожке, затем – в своей квартире.

11 февраля 1898 г. школа, наконец, получила дом, выстроенный для нее богатым оленеводом и торговцем Терентьевым. Новое школьное здание имело 90 квадратных метров площади и состояло из трех комнат (учебного класса, квартиры учителя и сторожки-кухни) и сеней, служивших раздевалкой для учащихся.

1 августа 1898 г. Ловозерская школа грамоты была преобразована в церковно-приходскую школу и поступила на бюджет Архангельского миссионерского комитета. Преподавание в школе взялась вести учительница Елизавета Дорофеевна Догадкина, окончившая женскую гимназию.

Учение начиналось поздней осенью, когда жители с озер и кочевий возвращались в зимний погост, в Ловозеро, и продолжалось до апреля, когда они снова уходили в тундру. Длительность учебного года колебалась от 94 до 115 дней.

Далее события на Ловозерской метеостанции развиваются так. Письмо Елизаветы Догадкиной переносит нас в зиму 1902 года. В письме от 12 декабря она сообщает, что представляет в НГФО книжку наблюдений и наблюдения за снежным покровом за ноябрь месяц.

«Таблицу не успела подсчитать всю, – сообщает она, – уведомляю Вас, что наблюдения над направлением ветра утром и вечером не совсем точно, так как сильным ветром еще в прошедшем году перевернуло флюгер и норд (север) стоит на восток и ВСВ. Я хочу перенести его на свою сторону, за реку, но просят 3 рубля за перенос и постановку,

как следует, а потому и прошу Вашего разрешения. Когда флюгер будет на нашей стороне, тогда из училища я смогу наблюдать, если случится перемена ветра днем при метелях или сильном ветре, а то ходить далеко и во время занятий неудобно».

В последних строчках ее письма была высказана мечта наблюдателей – определять ветер, не выходя из дома. Ее желание осуществится через пятьдесят лет. Сила и направление ветра сейчас определяется дистанционно при помощи автоматики, по прибору. Но на всякий случай, старина-флюгер неизменно стоит на метеоплощадке.

НГФО, желая уточнить ее просьбу, запрашивает о переносе флюгера:

«...Не откажите сообщить, действительно ли целесообразно будет перенести флюгер, как Вы предлагаете? – И напоминает, как верно определить стороны света: – Верной установки шеста флюгера для обозначения сторон света проще всего можно достигнуть, поворачивая его таким образом, чтобы в истекший полдень на указание Севера падала тень шеста флюгера».

Через некоторое время наблюдатель Е. Догадкина сообщает о происходящих на метеостанции перестановках:

«Уведомляю Вас, что aneroid и дождемер перенесены на другую сторону реки 31 октября по новому стилю. Флюгер также перенесен на другую сторону. Снят был 13 декабря 1902 года, а установлен 17 декабря. Установка его замедлилась тем, что ослаб винт около румба, так его закрепляли. Ветер в это время стоял все около ЮЗ и было совсем тихо. Еще первого и второго декабря в сухом и смоченном термометре ртуть была не видна, поэтому и не поставлена».

У обсерватории, образно выражаясь, голова пошла кругом: наблюдатели перетаскивают инструменты с места на место, каждый норовит к себе поближе: то инструменты на одном берегу реки, то на другом! Где флюгер, где будка, где барометр находятся? И чтобы разобраться в этой куролесице, она делает запрос наблюдательнице:

«Не откажите также прислать описание Ловозерской метеороло-

гической станции, составленное по возможности в виде ответов на проект прилагаемой программы описания...»

Кроме того, обсерватория была удручена тем, что наблюдатели неверно определяют минимальную температуру. Опять этот коварный штифтик, о который споткнулась также и Е. Догадкина. Однако обсерватория, неустанно наставляя, пишет:

«...судя по присланным Вами записям метеорологических наблюдений за ноябрь и декабрь прошлого 1902 года, Вы не всегда правильно отсчитываете показания минимального термометра. Согласно инструкции следует отмечать показания того конца штифтика, который более удален от резервуара термометра. Кроме того, после каждого наблюдения необходимо приводить штифтик в соприкосновение с поверхностью спирта, для чего достаточно слегка наклонить термометр, приподняв его резервуаром кверху».

Полученное в обсерватории письмо от наблюдательницы Догадкиной от 17 марта 1903 года, где она дает описание метеостанции, вероятно, внесло ясность о состоянии Ловозерской метеостанции. Елизавета Дорофеевна сообщает в нем, что выслала описание метеорологической станции, насколько возможно было ее описать. Далее она просит выслать книжек для записи, осталось только две книжки, и побыстрее, так как через месяц сообщение может прекратиться, и добавляет:

«... извиняюсь перед обсерваторией, – пишет она, – что конец штифтика записывала ближайший к резервуару, теперь записываю удаленный.

1903 год».

Письмо Ф. Ф. Шаткова в обсерваторию

А 26 марта на имя А. А. Каминского в обсерватории было получено письмо из Колы от Шаткова, в котором он обстоятельно описывает состояние дел на Ловозерской станции. Текст письма приводится полностью.

**«Премногодобрейший! Многоуважаемый Антон Антонович!
Здравствуйте!**

9 марта был в Ловозере. И нашел, что учительница Елизавета Ерофеевна Догадкина, которая наблюдает на местной метеостанции, около половины апреля месяца выедет в Архангельск до осени, а может быть, даже и совсем не будет в будущую зиму в Ловозере, поэтому я просил отца Павла Розова, чтобы он от Догадкиной принял для дальнейших наблюдений станцию, на что он дал мне согласие и заявил, что он вообще примет все меры к тому, чтобы станция не прекращала производство наблюдений.

Я научил Догадкину, как проверять часы по солнечным часам Флеше. Кроме того сообщаю, что на Ловозерской станции минимальный термометр был испорчен, который я и исправил, а именно была порча в следующем: столбик спирта был разорван в двух местах, и верхний конец в счет отсчетов не входил, а входила остальная часть спирта до пузыря, у которого находилась головка штифтика. Разница должна быть, исключая пузырь, 3 (три) градуса. При нормальном термометре штифтик не должен выходить из спирта, а тут было так. Так что за вычетом воздуха, спирта выше штифтика было около 2,5 или 3,0 градуса. Исправил я при помощи теплой воды и просил обходиться с этим термометром осторожно, так как это повторяется уже второй раз.

Первый раз почему-то был не в спирте штифтик, который я тоже исправил при помощи теплой воды, также и теперь взял стакан теплой воды и опустил резервуар термометра. Столбик спирта начал подниматься, а я стал прибавлять горячую воду, пока столбик спирта не поднялся до расширенного места. Как только спирт дошел до намеченного места, так сейчас же пузыри из спирта выскочили и спирт соединился в один столбик и термометр стал исправен. С ртутным показывает точно, что мне пришлось видеть с 9 по 11 марта включительно.

...Будка находится далеко от дома священника, он меня просит будку перенести, так как она сделана очень удобно для переноски, а именно: все жалюзовые стенки очень свободно вынимаются из своих

гнезд, также легко разбирается и двойная крыша будки, и я разрешил будку перенести перенести от дома Артеева к дому священника, и за переноску не понадобится ни одной копейки, так как отец Ивана Артеева, бывшего наблюдателя, обязался ее перенести бесплатно в конце мая, то есть когда растает снег, и дал мне подписку в этом. За то он взял старую будку себе в дело.

Если будку не перенести к дому священника, то он не берет на себя труд наблюдать, так как нужно ходить до будки две версты, а то и больше. В зимнюю пору, во время метелей даже не безопасно для собственной жизни. Да и, кроме того, дождемер и флюгер учительницы Догадкиной от дома Артеева перенесен к дому священника. Больше про Ловозерскую станцию сообщить ничего не могу.

Простите, Антон Антонович, что я плохо написал, тороплюсь, чтобы по зимнему пути это письмо дошло до Вас, а завтра идет как раз почта. Но не знаю, дойдет ли это письмо, так как слышно, что дорога начинает портиться. Семья моя здорова, вся Вам кланяется.

Ваш покорный слуга Ф. Шатков».

После этого письма стало ясно, где находятся инструменты. К этому письму прилагалась расписка И. Г. Артеева, отца Ивана Артеева.

«Подписка

1903 года, марта 3 дня

Я, нижеподписавшийся Иван Григорьевич Артеев, обязуюсь перенести на собственные средства метеорологическую будку от своего дома к дому священника и установить на месте бывшей ранее будки к концу мая месяца 1903 года, то есть когда только растает снег. За производство этой работы я не буду требовать платы как от Обсерватории, так равно и от священника отца Павла Розова, во владение которого перейдет будка. В чем и подписываюсь.

Крестьянин И. Г. Артеев».

А по неграмотности И. Г. Артеева и по его просьбе расписался крестьянин Константин Филиппов.

Итак, в 1903 году до 1 мая наблюдателем Ловозерской метеостанции была учительница церковно-приходской школы Елизавета Дорофеевна Догадкина.

С 1 мая 1903 года наблюдателем Ловозерской метеостанции станет Павла Никифоровна Чупрова.

Денежные дела

Это повествование касается священника отца Николая Шмакова и его отношений с Иваном Артеевым. На что, казалось бы, священник, должность обязывает блюсти христианские заповеди, но, как говорится, отца Николая Шмакова, «бес попутал».

Эта история началась так. В письме от 7 февраля 1900 года, отец Николай Шмаков пишет в обсерваторию, о том, что приискал заместителя вместо себя, Ивана Артеева. Но так как у Артеева не было возможности выезжать из Ловозера, его деньги в Коле или в Рынде получал священник Н. Шмаков и под расписку передавал для Артеева.

«17 июня 1900 г.

В Ловозерск, становище Рында

Священнику Н. Шмакову.

НГФО имеет честь сообщить, что согласно с просьбой приисканного Вами наблюдателя Ловозерской метеостанции Ивана Ивановича Артеева обсерватория одновременно с сим просит Правление Императорской Академии наук о высылке в становище Рынду на Ваше имя 45 рублей, следуемые в уплату за производство наблюдений в Ловозерске: в феврале, марте и апреле сего 1900 года. По получении этих денег Обсерватория покорнейше просит не отказать уведомить Правление Академии о получении Вами означенной суммы».

Надеясь на порядочность и благонадежность священника, и Артеев, и обсерватория доверились Шмакову как посреднику. И, действи-

тельно, вскоре Артеев получил эти 45 рублей.

А 6 февраля 1901 года обсерватория снова сообщает священнику в Ловозерск:

«НГФО получила от наблюдателя Ловозерской станции И. И. Артеева наблюдения с мая по декабрь 1900 г. включительно. НГФО обращается к Правлению Академии наук с просьбой о высылке на Ваше имя следуемых в уплату за эти наблюдения 105 рублей. Уведомляя Вас об этом, НГФО просит Вас выдать И. И. Артееву под расписку, следующее ему вознаграждение, и о получении не откажите уведомить Обсерваторию».

Обсерватория предупреждает и Артеева также письмом от 6 февраля 1901 года.

«НГФО имеет честь сообщить, что наблюдения Ловозерской метеостанции от 1 января до 30 ноября 1900 г. включительно, получены. Деньги (105 рублей) за наблюдения от мая до ноября включительно будут высланы Правлением Императорской Академии наук в Ловозерск на имя священника отца Николая Шмакова. Обратитесь к нему за получением следуемого Вам вознаграждения.

Директор Обсерватории М. Рыкачев»

16 марта 1901 года обсерватория получает письмо из Ловозера. Отец Шмаков сообщает:

«...С сим имею честь донести ГФО, что я из Ловозерского прихода Александровского уезда перевожусь в Понойский приход того же уезда. Заведывание метеорологической станцией передаю учительнице села Ловозеро Елизавете Дорофеевне Догадкиной. При сем прилагаю и желание ее заниматься таковыми наблюдениями.

Февраль первого дня.

Священник Шмаков».

Вот и подтверждение Е. Догадкиной:

«От заведующего Ловозерско-Лапландской метеостанции священника Николая Шмакова приняла все инструменты для наблюдений. Заниматься наблюдениями я буду до половины апреля, а во время отъезда на каникулы, если смогу, приищу желающего заниматься метеорологическими наблюдениями, тогда сдам термометры, барометр-анероид, о чем и уведомляю ГФО. В случае же если не найдется охотника заниматься, тогда придется закрыть станцию до осени».

Итак, Шмаков выезжает из Ловозерска. Станция переходит в руки Догадкиной. Непонятно, почему отец Шмаков отстранил Артеева от наблюдений. Шмаков почему-то невзлюбил Ивана Артеева. Проработав один месяц, он выезжает в Поной, передав станцию учительнице Догадкиной, а не Артееву.

Что произошло между ними? Какая кошка пробежала? Шмаков знал, что и Елизавета Дорофеевна в скором времени выедет из Ловозера. И зачем ей приискивать «охотника», если он тут, рядом, тем более уже имеющий опыт и навыки в метеонаблюдениях? Это Иван Артеев, который и желает наблюдать.

И, конечно, обсерватория обращается к Ивану Ивановичу Артееву с письмом от 20 марта 1901 года:

«Ф. Ф. Шатков сообщил ГФО, что Вы согласились делать метеорологические наблюдения в Ловозере, если заведование станцией будет передано Вам, так как гражданка Догадкина, принявшая станцию от священника Шмакова, в скором времени уедет из Ловозера, то обсерватория просит ее перед отъездом передать станцию Вам, не только до ее приезда, но и на все время, пока Ваши наблюдения будут хороши...»

Очевидно, Артеев запрашивал оплату за свои наблюдения, поэтому в конце письма обсерватория добавляет:

«...Деньги за Ваши наблюдения по ноябрь 1900 года высланы на имя отца Н. Шмакова, и, вероятно, получены им, а оплата за декабрь будет выслана на днях».

Обсерватория также ставит в известность о своем решении

Е. Догадкину и, чтобы она не отказала и не препятствовала Артееву, напоминает ей условия работы:

«Ввиду того, что вознаграждение за производство метеорологических наблюдений в Ловозерске выдается с тем условием, чтобы они производились круглый год без перерыва, НГФО не считает возможным согласиться, чтобы Ловозерская станция осталась в Вашем заведении, то есть закрыта. И в случае Вашего отъезда на каникулы не откажите передать станцию производившему ранее наблюдения И. И. Артееву, который будет заведовать ею до тех пор, пока его наблюдения будут признаваться обсерваторией удовлетворительными, а не только до Вашего возвращения.

Директор Обсерватории М. Рыкачев»

Поэтому Догадкина безоговорочно передала станцию Артееву.

Иван Артеев вновь запрашивает у обсерватории неполученные деньги:

«22 мая 1901 года.

Прошу выслать записные книжки. С мая месяца 1901 года я буду заниматься Ловозерской станцией. Ваше письмо № 867 получил 20 марта 1901 года, а жалование не получил, потому что отец Шмаков переведен в Поной. Прошу адресовать лично на мое имя в Кольское почтовое отделение. Прошу за 1900 год жалование выслать и адресовать на мое имя.

С почтением Ваш наблюдатель Иван Иванович Артеев».

В обсерватории были озадачены настойчивой просьбой Артеева о выплате жалования за 1900 год. Деньги уже были отправлены Артееву Ивану Ивановичу на имя Шмакова. Выходит, получив деньги, Шмаков выезжает в Поной, так и не отдав деньги Артееву. Неприглядная получается картина. Неужели не преодолел святой отец искушения и соблазна? Непонятно, на что рассчитывал отец Шмаков? О чем думал, на что надеялся, когда уезжал с деньгами Артеева?

Естественно, чтобы выяснить этот вопрос, обсерватория обратилась к отцу Шмакову в Поной, где он также состоял священником и имел приход:

«26 мая 1901 года... И. И. Артеев, производящий метеорологические наблюдения в Ловозерске в 1900 году с мая по ноябрь, доносит ГФО, что он не получил награждение за свой труд в течение этих месяцев. Между тем как плата за наблюдения в Ловозерске с мая по ноябрь 1900 года, в размере 105 рублей была выслана на Ваше имя в начале нынешнего года. Если эти деньги Вами получены, то Обсерватория покорнейше просит Вас не отказать переслать их И. И. Артееву, в противном же случае не откажите об этом уведомить Обсерваторию».

Не зная что произошло, где деньги потерялись, обсерватория на просьбу Артеева о выплате жалования могла сообщить ему лишь следующее:

«Артееву

5 июня 1901 года

Плату за наблюдения Ваши, с мая по ноябрь 1900 года, а именно 105 рублей, НГФО выслала по Вашей просьбе на имя священника отца Николая Шмакова. По получении Вашего письма Обсерватория обратилась к отцу Шмакову с просьбой поскорее переслать Вам эти деньги, если они им получены. Впредь оплата за наблюдения будет высылаться в Колу на Ваше имя».

14 августа 1901 года обсерватория получила письмо от священника Шмакова из Поноя. Вот как объясняет он причину своих действий:

«При отношении Императорской Академии наук Канцелярии от 14 февраля с. г. За № 498 на мое имя препровождено 105 рублей за метеорологические наблюдения в Ловозерско-Лапландском погосте Александровского уезда с мая по ноябрь месяц 1900 года, какие производил оставленный мною заместитель на летнее время Иван Иванович Артеев. Деньги 105 рублей мною получены были только 3 июня сего года,

переслать их в летнее время в Ловозеро нет никакой возможности, поэтому деньги мной переданы (для доставления Артееву) крестьянину того же погоста Якову Ивановичу Тереньеву не ранее как в ноябре месяце зимним путем.

*Священник понойского прихода Николай Шмаков
Август первого дня 1901 года».*

Он не пишет, где получил, какую сумму передал. По словам Шмакова выходит, что деньги он получил лишь 3 июня 1901 года. Так это или нет – неизвестно, главное для обсерватории, что деньги нашлись, которые она отправила в конце 1900 года. Даже при плохом почтовом сообщении это слишком большой срок – почти полгода. Даже если допустить, что Шмаков получил их 3 июня, то по правилам он должен был поставить в известность обсерваторию – сумма-то немалая для того времени, а он решил отмолчаться, отсидеться, притихнуть в непролазной тундре, до тех пор пока обсерватория не достала его.

Очевидно, Артеев у себя в Ловозере, узнав, что деньги у Шмакова, тоже думал, как их теперь заполучить, обратился к Федору Федоровичу Шаткову за советом и поведал ему свою грустную историю. Шатков посоветовал обратиться в обсерваторию, что тот и сделал:

«...прошу Вас советовать об этом. Деньги, которые мне Обсерватория выслала за наблюдения, а именно 105 рублей, эти деньги все еще у отца Шмакова, и не знаю куда обратиться».

Это письмо датировано уже 26 ноября 1901 года. Конец года.

Кольский наблюдатель Ф. Ф. Шатков, желая помочь Артееву, также обращается в обсерваторию, высказывая свое мнение (из этого же письма мы узнаем, что деньги для Артеева теперь получает Ф. Шатков):

«18 декабря 1901 года в НГФО

При сем честь имею Обсерватории представить для передачи в Канцелярию Правления Императорской Академии наук расписку в получении от меня наблюдателем Ловозерской станции И. И. Артеевым

30 рублей за произведенные им на Ловозерской станции метеорологические наблюдения в течение мая, июня месяцев 1901 года и письмо Артеева (приведенное выше) на мое имя, а я туда перешлю. Деньги мною доставлены Артееву так поздно по случаю распутицы».

И добавляет:

«А Шмаков эти деньги Артеева (105 рублей) получил до распутицы, и кроме того, он мог бы их послать летом с попутчиками как в Рынду, так и в Ловозеро...»

Мог бы, как говорят, да «бы» мешает. Теперь, как видим из последнего письма, деньги за Артеева в Коле получает Ф. Ф. Шатков.

Наступил 1902 год. Прошло почти два года, а «воз и ныне там» – Шмаков так еще и не передал Артееву 105 рублей.

Инспектор обсерватории Антон Антонович Каминский снова обратился в Поной к отцу Н. Шмакову с письмом от 15 января 1902 года за № 117 все с той же просьбой:

«Наблюдатель Ловозерской метеорологической станции И. И. Артеев не получил от Вас высланных для передачи ему 105 рублей за производство наблюдений в течении семи месяцев и просит Обсерваторию указать, каким образом он мог бы в возможно скором времени получить плату за свой труд и куда ему следует обратиться с соответствующим ходатайством. Так как Вы, по-видимому, все еще не находите случая переслать упомянутую сумму в Ловозерск, то Обсерватория, покорнейше просит Вас вернуть ей деньги, принадлежащие И. И. Артееву, – 105 рублей для отправки их по назначению».

И в то же время обсерватория запрашивает у Артеева:

«3 января 1902 г. № 295

В Ловозерск

Обсерватория покорнейше просит Вас сообщить ей, получили ли Вы уже от священника отца Шмакова 105 рублей за производство наблюдений с мая по ноябрь 1900 года?»

Обсерватория еще не хочет верить в плохое и надеется, что все обойдется, образуется.

А теперь немного отвлечемся от этой истории и обратим свое внимание на следующее явление, которое показывает, как не просто было получить заработанные деньги Артееву. Еще с этими деньгами не разобрались как следует, как Ф. Ф. Шатков своим сообщением вновь озадачивает обсерваторию: чуть снова не потеряли 15 рублей. Почтовое отделение находилось в Рынде и в Коле. Артеев не мог попасть ни в Рынду, ни в Колу, поэтому приходилось получать деньги через посредника. Обсерватория выслала деньги по старому адресу в Рынду в сумме 15 рублей, которые бы могли также затеряться, если бы не вездесущий Ф. Ф. Шатков, который побывал в Рынде.

13 февраля 1902 года в НГФО это письмо было получено:

«При сем представляю в НГФО повестку Отделения Мурманского пароходства на имя наблюдателя метеорологической станции И. И. Артеева, становище Рында. Деньги эти (15 рублей) Артеевым не получены, как видно по повестке. Артеевым мне написана доверенность на право получения из Кольской почтово-телеграфной конторы этих 15 рублей, но по справке в конторе этих денег не оказалось и неизвестно, где они находятся. То я обратился к начальнику конторы за ответом, куда я должен обратиться, чтобы разыскать этот пакет. Начальник мне посоветовал обратиться в Обсерваторию, чтобы она сделала запрос в Архангельском почтово-телеграфном округе, где пароход оставил этот пакет, и указать, куда его переслать. Еще раз прошу Обсерваторию – всю корреспонденцию, следующую в Ловозеро, адресовать на мое имя: Кола Архангельской губернии, Федору Федоровичу Шаткову, а я в свою очередь с первой оказией постараюсь переслать как деньги, посылки, так и простую корреспонденцию. Теперь прошу Обсерваторию навести справки, где находится этот пакет с 15 рублями? Надеюсь, что Обсерватория не откажет в моей просьбе.

*Наблюдатель Кольской метеорологической станции,
лекарский помощник Ф. Ф. Шатков
25 января 1902 года»*

Ниже этого текста карандашом сделана отметка, поставленная в обсерватории: упомянутые 15 рублей представляют жалование за декабрь 1901 год. Вторично высланы в марте или апреле 1901 года (по справке в канцелярии правления). Подпись – Р. Бергман.

Вот такая незадача. Трудно было Артееву получить своевременно деньги, так как у адресата было много разных посредников – и учреждений, и людей.

Эту почтовую повестку я провожу полностью как исторический бюрократический документ. Кроме всего прочего, из нее мы узнаем, какие праздники отмечали в то давнее время.

Лицевая сторона почтовой повестки

*«От Мурманского пароходного почтового отделения
Наблюдателю метеорологической станции Ивану Артееву, становя-
вище Рында.*

*По сей повестке денежный пакет на пятнадцать рублей
(15 руб.) доверяю получить медицинскому фельдшеру Ф. Ф. Шаткову,
в чем и подписуюсь.*

Наблюдатель метеорологической станции Иван Артеев

Декабрь 29 дня 1901 года.

*Собственноручную подпись Ивана Артеева удостоверяю: полицей-
ский ученик третьего участка первого стана Александровского уезда
А. Катков.*

29 декабря 1901 года»

Оборотная сторона повестки

Почтовое утверждение (печать) пакета за № 930 на 15 рублей.

*Выдача корреспонденции не производится в дни Тезоименитства
Государя Императора и Государыни Императрицы, в день обрезания Го-
сподня, в день Богоявления Господня, в первый и второй дни праздника*

Святой Пасхи, в день Святой Троицы и в день празднества Рождества Христова.

В дни: Сретения Господня, Благовещения пресвятыя Богородицы, в третий день Святой Пасхи, Вознесения Господня, Преображения Господня, Успения Пресвятыя Богородицы, Воздвижения честного и животворящего креста Господня, Введения во храм пресвятыя Богородицы, во второй день праздника Рождества Христова и во все воскресные дни – выдача корреспонденции с 12 до 2 часов дня. Во все же остальные дни года – с 8 часов утра до 2 часов по полудни.

Являющийся за получением корреспонденции должен: или предъявить билет, установленный для получения корреспонденции, или свой вид на жительство, или предъявить по повестке надлежащее удостоверение в том, что он действительно, то самое лицо, которому повестка адресована. Удостоверение это должно исходить от местного правительственного или должностного лица: полиции, нотариуса, мирового судьи, земского начальника, начальства служащего Волостного правления и прочие с приложением присвоенной им по закону печати (сургучной или мастичной, с ясными оттисками) или от лица, известного почтово-телеграфному чиновнику, выдающему корреспонденцию.

Доверенности на повестках должны быть засвидетельствованы тем же порядком, как и указанные выше удостоверения, на повестках личности адресата. Выдача корреспонденции предъявителям к повестке производится под расписку в книге. Неграмотный получатель обязан или пригласить стороннее грамотное лицо (не почтово-телеграфного ведомства), расписаться за него или представить на повестке удостоверение местного правительственного или общественного учреждения или должностного лица (не почтово-телеграфного ведомства) с приложением присвоенной им по закону печати, что он неграмотен и действительно то самое лицо, которому повестка адресована, в каковом случае корреспонденция выдается без расписки.

Заведующий Отделением
Июня 2 дня 1901 года.

(витиеватая подпись)

Да, пожалуй, раньше чиновники были еще мудреней, чем сейчас: принеси им справку, что ты неграмотный. Но, очевидно, настырный Шатков эти 15 рублей в конце концов получил и передал Артееву.

Вернемся опять к тем 105 рублям, которые Артеев не получил от Шмакова до сих пор. Шмаков понимает, что теперь ему не отвертится от обсерватории, а отдавать не хочется и надо как-то оправдаться за содеянное. Он начинает мудрить, пытается запутать обсерваторию.

27 марта 1902 года обсерватория получила от него письмо. Было, конечно, любопытно, что еще он придумал, сидя в далеком глухом Поное. Надо сказать, что учитывая прежние заслуги Шмакова, обсерватория очень тактично, вежливо обращается к нему, не желая хоть как-то задеть достоинство священника. Ведь за услуги, оказанные обсерватории, Шмаков получил серебряный орден Станислава, который не давал покоя Ф. Шаткову: тот спал и видел этот орден. Шаткова отметили лишь званием «Корреспондент Обсерватории», а он хотел иметь орден. Правда, позднее ему все-таки присвоят этот орден и сообщат о присвоении, но получил Шатков его или нет, так и останется неизвестно. В письмах это событие нигде не оговаривается.

Наверное, в обсерватории ждали с нетерпением весточки от Шмакова и дождались наконец. Он уже пришел в себя и придумал свою версию:

«Отвечаю, согласно отношения НГФО от 15 января сего 1902 года за № 147 о возвращении 105 рублей, следуемых для передачи И. И. Артееву за метеорологические наблюдения в Лапландском погосте Ловозеро Александровского уезда Архангельской губернии.

При сем имею честь представить в Николаевскую ГФО 45 рублей (сорок пять рублей) и расписку в 60 рублях, данную мною в получении сих денег, для передачи И. Артееву крестьянином Яковом Ивановичем Терентьевым от 8 июля 1901 года. Имею честь заявить, что при передаче Артееву были удержаны 45 рублей за проведенные наблюдения лично мною в погосте Ловозеро до переезда в село Поной за декабрь 1900 года, январь и февраль 1901 года. И за эти три месяца как следуемое вознаграждение мне, то я дал И. И. Артееву расписку на получение таковых 45 рублей, когда они будут высланы. Кто получил за эти месяцы вознаграждение, мне неизвестно. Наблюдения же при Ловозерской станции производились мною до 9 февраля 1901 года, до

переезда в село Поной, и станция тогда была сдана мною учительнице Ловозерской церковно-приходской школы Елизавете Догадкиной».

Тут же в письме находилась расписка Якова Терентьева.

«Расписка

Следуемые деньги Ивану Ивановичу Артееву за наблюдения 1900 года получены мной от священника отца Николая Шмакова для передачи Артееву 60 рублей (шестидесяти рублей), о чем и даю расписку.

*Крестьянин Яков Иванович Терентьев
8 июля 1901 года».*

В обсерватории, конечно, подняли счета, квитанции, посмотрели, и на этом письме Шмакова стоит подпись: «45 рублей получил 12 марта 1902 года. Бергман».

Но какой же святой батюшка, право, сочинитель: сначала он писал, что отдал Терентьеву все деньги для передачи Артееву, теперь уже 60 рублей. И почему-то позволил себе распоряжаться чужими деньгами, отсчитывать себе от артеевских денег. Если тебе обсерватория что-то должна пиши ей, проси у нее. И потом почему-то отсчитал себе 45 рублей? Начал он наблюдать с 19 декабря 1900 года и закончил 9 февраля 1901 года. Даже по грубой прикидке, по датам писем, набирается всего лишь два месяца с натяжкой, а это 30 рублей, а не 45. Мудрец этот Шмаков, однако! Но, помня его заслуги, его участие в становлении Ловозерской метеостанции, обсерватория, понимая человеческие слабости, простит отца Николая Шмакова.

Однако на этом история не заканчивается. Обсерватория снова обращается к Артееву в Ловозеро с вопросом и просьбой сообщить ей, получал ли он от Терентьева 60 рублей и кто наблюдал в декабре 1900 года и в январе 1901 года – обсерватория желает все-таки прояснить эту ситуацию. И вот что она выяснила:

Из журнала наблюдений Ловозерской станции.

2 апреля 1902 года.

За январь и февраль 1901 года – священник Шмаков.

С марта по декабрь 1900 года – И. И. Артеев.

За январь 1901 года – Е. Д. Дозадкина.

С мая по декабрь 1901 года – И. И. Артеев.

Из этой выписки видно, что Н. Шмаков наблюдал всего лишь один месяц, а с артеевской суммы присчитал себе за три месяца. Но и с этим разобрались, выяснили. Однако от Артеева ни слуху ни духу – получил ли он деньги от Терентьева или нет?

Обсерватория снова запрашивает у Артеева в письме от 3 апреля 1902 года:

«НГФО покорнейше просит Вас сообщить ей, получены ли Вами от крестьянина Ловозерского погоста Якова Терентьева 60 рублей, переданные ему под расписку от 8 июля 1901 года священником Шмаковым для передачи следуемых Вам за наблюдения в 1900 году с мая по ноябрь включительно...»

Письмом от 27 мая 1902 года Иван Артеев сообщил, что не получил 105 рублей. Через месяц 26 июня 1902 года обсерватория сообщила Артееву в Ловозеро:

«Что касается до 105 рублей, следуемых Вам еще за 1900 год, то Обсерватория уже просила Вас отношением от 3 апреля за № 1107 сообщить ей, получены ли Вами от крестьянина Ловозерского погоста Якова Терентьева 60 рублей, переданные ему под расписку, которая хранится в Обсерватории, священником Н. Шмаковым. Остальные 45 рублей, в счет упомянутых 105 рублей, Обсерватория высылает Вам при сем, с покорнейшей просьбой уведомить ее о получении денег.

*За директора Обсерватории Э. Штеллинг
За ученого секретаря М. Г. Городенский
Прилагается 45 рублей (деньгами)».*

Эти сорок пять рублей Иван Артеев получил уже в августе.

Я, нижеподписавшийся, сего числа получил от гражданина лекар-ского помощника Шаткова Ф. Ф. 45 рублей (сорок пять рублей), при-сланные при отношении Николаевской Главной Физической обсервато-рии за № 2005 на имя Артеева и на имя Шаткова за № 2006.

*Наблюдатель станции Иван Иванович Артеев
1902 года август 5 дня»*

Но так и осталось загадкой – получил ли Артеев 60 рублей от Терен-тьева или нет. В архиве нет писем, проливающих свет на это обстоя-тельство. Вот такая история с деньгами.

Заканчивая рассказ о ловозерском наблюдателе Иване Ивановиче Артееве, остается сказать следующее. Из предыдущего рассказа мы уже знаем, что его забрали в воинскую повинность. Он еще наблюдал пол-ностью июнь, июль и 8 дней августа 1902 года, до последних дней свое-го пребывания в Ловозере. Конечно, в обсерватории сожалели, что все так сложилось – не на кого станцию передать и надо закрывать. Но что тут поделаешь?

Обсерватория на известие об уходе Артеева лишь ответила:

«В ответ на Ваше письмо от 1 мая сего года НГФО имеет честь покорнейше просить Вас сохранить инструменты вверенной Вам станции на время Вашей отлучки, в таком месте, чтобы Вы могли по возвращении найти их в полной исправности...»

Последнее письмо И. Артеева датировано 21 февраля 1903 года уже из Кронштадта. Он писал в обсерваторию:

«Прошу покорно уведомить, получили ли наблюдения от Ловозер-ской метеостанции за июнь, июль 1902 года? Уведомляю мой адрес: в город Кронштадт, учебный Артиллерийский отряд 7-й роты 4-го взвода, Ивану Артееву.

Известный Вам бывший Ловозерской станции наблюдатель Иван Артеев»

Письмо в обсерватории было получено 26 марта 1903 года. Впереди были большие перемены в судьбе российского государства. Через два года начнется война с Японией, так что Ивану Артееву придется задержаться на военной службе еще на один год, а когда вернется – это будет уже другой человек – «из красных».

По скупым строкам нашего летописца Ф. Ф. Шаткова, из его письма от 11 мая 1904 года в обсерваторию, мы узнаем:

«...Спешу Вам сообщить кой что из Лапландии. Хорошего в Коле ничего нет, все по-старому.

Орден, с которым Вы меня поздравили, мною еще не получен по сие время. Наверное, у Вас в Санкт-Петербурге много новостей, так как там каждый день получают телеграммы с Дальнего Востока, которые приносят разные тревожные вести...»

В 1905 году произошла Февральская революция в Санкт-Петербурге, страна раскололась на два лагеря – «красных и белых». Многие солдаты вернулись домой, вернулся и Иван Артеев.

И снова мы узнаем из письма Ф. Шаткова в обсерваторию от 28 февраля 1908 года:

«В Ловозерск возвратился из военной службы бывший наблюдатель И. И. Артеев, который большую часть службы провел в тюрьмах за флотские беспорядки в Кронштадте и других местах. И намеревается снова просить у Обсерватории станцию, которой он ранее заведовал.

Желательно было бы, чтобы станцией заведовала Чупрова, так как Артеев вообще из красных, то я думаю он в Ловозерске долго не просуществует, и станция, чтобы не осталась без наблюдателя, в особенности в летнее время, куда и с оказией какой-либо, почта доставляется 1-2 раза за лето».

Вот так бывает: достаточно одного чьего-то слова или мнения, и события, судьба человека или станции идут иным путем. Кто знает, прав или неправ оказался Ф. Шатков. Одно ему оправдание: он хотел, как лучше. Не стал Иван Артеев наблюдателем Ловозерской станции. А как

развивались события на Ловозерской станции после отъезда Ивана Ивановича на службу, кто стал следующим наблюдателем на этой станции – это уже другой рассказ, другая история, не менее интересная и поучительная.

Р. С. Хочу подчеркнуть одно маленькое обстоятельство. Наверное, читатель обратил внимание на имена героев: Федор Федорович Шатков, Николай Николаевич Шмаков, Иван Иванович Артеев. И это неслучайно. В те времена было принято первенцам, старшим сыновьям давать имя отца. Вот и получались имя и отчество одинаковые.

Павла Чупрова – наблюдатель Ловозерской метеостанции с 1 мая 1903 по 22 июня 1913 года

Выбор и назначение

Итак, заканчивая рассказ о ловозерском наблюдателе И. И. Артееве, я остановилась на том, что наблюдателя призвали в армию и в августе 1902 года он выехал из Ловозерска на службу, закрыв станцию. Елизавета Догадкина, учительница церковно-приходской школы, вернувшись в Ловозеро, вновь открыла станцию, установив приборы и инструменты, начала наблюдения с ноября месяца. К сожалению, три месяца – август, сентябрь, октябрь – были пропущены.

Ф. Ф. Шатков предложил обсерватории кандидатуру нового священника Павла Розова, прибывшего в Ловозеро вместо прежнего отца Н. Шмакова. Однако события идут порой своим, независимым от воли человека чередом. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Так и оказалось на этот раз, и получилось не совсем так, как думали Ф. Ф. Шатков и обсерватория.

Прошла суровая северная зима. На дворе весна 1903 года. Учительница Е. Догадкина, как всегда в это время, собирается на каникулы домой, в Архангельск. Священник отец Павел Розов, взявшийся было за производство наблюдений, отказался от этого занятия, решив, что не сможет совмещать церковные служебные дела с метеорологическими, и, очевидно, посоветовавшись с Елизаветой Догадкиной, на кого оставить метеостанцию, они предложили заниматься наблюдениями прихо-

жанке Павле Никифоровне Чупровой. Та согласилась.

Из письма Е. Догадкиной в обсерваторию:

«Уведомляю Вас, что с 1 мая по новому стилю наблюдения на метеорологической станции передала Павле Никифоровне Чупровой, русской женщине. Заведовать над исправностью ее будет местный священник отец Павел Розов, так как сам он отказался от наблюдений за неимением утром свободного времени.

Мой адрес: город Архангельск, Театральная улица, дом Догадкина. Е. Догадкиной.

1 мая 1903 года»

Павла Никифоровна Чупрова... Кто такая? Что можно о ней сказать? Лишь по крупицам, из писем, имеется возможность что-то узнать, как и о Иване Артееве, о Елизавете Догадкиной, о Федоре Шаткове. Поэтому я внимательно вчитываюсь в строки писем, единственный проводник, соединяющий прошлое с настоящим.

Павла Чупрова, русская женщина, оказалась еще и грамотной, умеющей писать. И вскоре обсерватория получила от нее письмо от 1 мая 1903 года:

«Я, нижеподписавшаяся Павла Никифоровна Чупрова, приняла метеорологическую станцию с термометрами, гигрометры, aneroid – в исправности от учительницы Елизаветы Догадкиной и обязуюсь производить наблюдения исправно и присылать отчет летом при первой возможности, а зимой ежемесячно».

«Я теперь понавыкла...»

Следующее письмо П. Н. Чупровой датировано уже 10 сентября 1903 года:

«В НГФО

Уведомляю Вас о том, что в мае месяце наблюдения с 16-го числа до 22-го было прервано по случаю болезни. Сама ходить не смогла, а заменить здесь совершенно некем, поэтому прошу у Вас прощения.

Л.Н/НЗ
Л.Г.О.В.

1.11.2019 1905 г.

102

Я, нижеподписавшаяся Павла
Никифоровна Чупрова, приняла
Ловозерскую метеорологическую станцию со
техническим оборудованием. Акты
в соответствии с Уставом.
Самостоятельно и без
присутствия наблюдателей
и персонала станции, а также
и других заинтересованных
лиц. Павла Никифорова
Чупрова.

С. С. С.

С. С. С.
Ч. П.

Письмо от Павлы Никифоровны Чупровой о том, что она приняла
Ловозерскую метеорологическую станцию от Е. Догадкиной.

1 мая 1905 г.

Еще осмеливаюсь просить НГФО, если найдет возможными мои наблюдения, то покорнейше прошу не откажите мне в этом занятии. Я теперь понавыкла, но пока еще не могу делать таблицы поправок. Понавыкну еще и, наверное, буду делать. Если найдете возможным, не отказать моей просьбе, то я находиться всегда могла бы в Ловозере. Будка по сие время еще находится на старом месте. Наверное, в этом месяце, в следующем перенесут. Еще уведомляю, что таблицы наблюдений над снежным покровом не было совсем, поэтому я осмеливаюсь написать сама. Еще всепокорнейше прошу, не откажите моей просьбе».

Снова надо обучать

Обсерватория, конечно, согласна. Ей выбирать не приходится, не из кого. Рады, что хоть нашлась в Ловозере грамотная женщина, согласившаяся наблюдать, но подстраховать ее работу нужно. Выход у обсерватории один – учить неустанно, терпеливо обучать азам метеорологии своих наблюдателей, пришедших, как говорится, со стороны. И обсерватория обращается к отцу Павлу Розову с просьбой помочь П. Н. Чупровой разобраться в инструкции, показать, как правильно надо обращаться с инструментами, с приборами, научить правильно делать по приборам отчеты.

«8 октября 1903 года

Священнику отцу Павлу Розову в Ловозерск

Ф. Ф. Шатков и Е. Д. Догадкина сообщили Обсерватории, что Вы любезно согласились взять на себя общее наблюдение за метеорологической станцией в Ловозерске и заботу о том, чтобы в деятельности станции не было перерывов. Обсерватория выражает Вам за это глубокую признательность и обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в руководстве новой наблюдательницы метеорологической станции в Ловозерске П. Н. Чупровой и в необходимом разъяснении инструкции, которую Обсерватория Вам при сем прилагает.

В особенности следует обратить внимание П. Н. Чупровой на наблюдение психрометра, и с наступлением теплого времени года ука-

зять ей, как обращаться с этим прибором. В течение всего прошлого лета термометр, обтянутый батистом, не смачивался. Впрочем, возможно, что шарик этого термометра и не был обтянут батистом.

Кроме того, осадки наблюдательницей записываются не всегда и не всегда в одних и тех же единицах, а именно в долях миллиметра, и то отделяется запятой, то нет. Было бы крайне желательно, чтобы в записных книжках всегда отмечалось лишь число делений измерительного стакана, без запятой. В отметках облачности встречаются записи иногда дробные числа, между тем облачность следует отмечать лишь в целых числах от 0 до 10.

Быть может, и в дальнейших наблюдениях П. Н. Чупрова встретит какие-либо затруднения, в этих случаях не откажите ей в своих указаниях, за которые Обсерватория будет Вам весьма признательна.

Заведующий Отделом работ А. А. Каминский»

Ловозерская наблюдательница делала типичные для новичка ошибки. Ей было тоже нелегко: не у кого спросить, никто не поможет. Обсерватория, как говорится, хотела сделать лучше, а получилось, как всегда, несуразно. Священник отец Павел Розов, воспользовавшись письмом обсерватории, вместо того, чтобы помогать, обучать, наставлять, стал шантажировать Чупрову, ставить в зависимость от него, принуждать работать на свою семью. Поэтому между отцом Павлом и Чупровой возник конфликт, добрые отношения не сложились.

Ф. Ф. Шатков – наставник П. Н. Чупровой

Чем бы все закончилось, неизвестно, благо, заботу о ней и ее обучении взял на себя кольский наблюдатель Ф. Ф. Шатков, побывавший по своим служебным медицинским делам в Ловозере. Вот как он описывает создавшуюся ситуацию в своем письме в обсерваторию:

*«Город Кола Архангельской губернии
10 декабря 1903 года*

Любезное ваше письмо от 8 сентября получил 8 декабря, только в то время, когда возвратился из Ловозерска, где я был 6 и 7 декабря для оказания помощи заболевшему ижемицу-зырянину, и потому 2-жу Павлу Никифоровну Чупрову обучать, как следует правильно вести метеорологические наблюдения не удалось, хотя у наблюдательницы 2-жи Чупровой я был и долго с ней беседовал на тему метеорологических наблюдений и спрашивал, не нуждается ли она в каких-либо разъяснениях и нет ли из Обсерватории каких-либо замечаний. Она сказала, что из Обсерватории замечаний никаких нет, а так все ей показала и рассказала бывшая наблюдательница 2-жа Догадкина.

Очень жаль, что ваше письмо от 8 сентября 1903 года мною получено так поздно, и где оно валялось, когда в сентябре до конца месяца ходил пароход, да и кроме того еще в октябре было из Архангельска две почты с просьбой корреспонденции: одна в начале, а другая около половины месяца на пароходе экспедиции «Св. Андрей Первозванный».

Если бы я эту просьбу получил, то бы своевременно Вашу просьбу исполнил, а теперь придется подождать до начала февраля месяца, тогда я проеду и пройду с ней всю инструкцию...»

И далее он описывает положение дел на метеостанции:

«...Будка психрометрическая от дома Артеева перенесена к дому священника, где уже находится и дождемер и флюгер. В новую будку установлены инструменты. Наблюдательница П. Н. Чупрова – по отзывам учительницы и священника, и его жены, и других зырян – очень хорошая женщина и отличной нравственностью и очень заботливая о наблюдениях.

Вполне уверен я, что она окажет хорошие услуги своими наблюдениями науке и Обсерватории. А если теперь и вкрались эти недоразумения, то они при первой же поездке моей в Ловозеро будут устранены. Относительно священника Павла Розова я узнал, что образ жизни ведет не особенно трезвый и все время, как вступила Павла Чупровой наблюдательницей, он и его жена не бывали вблизи будки. А когда за-

болела и пропустила несколько дней без наблюдений Чупрова, то все время советовали ей заполнить пробелы цифрами, якобы наблюдения в эти сроки сделаны, а сами не хотели со времени болезни ея сходить на будку и записать температуру и aneroid, что, я думаю, не составляет большого труда для кого угодно, когда же Обсерватория его утвердила заведующим станцией по просьбе моей и Догадкиной, то он, отец Павел Розов, стал эксплуатировать трудом 2-жи Чупровой и угрожать ей, если 2-жа Чупрова не пойдет к нему в кухарки за самую ничтожную плату, чтобы та, то есть Чупрова, не могла сказать, что бесплатно.

Наконец в это лето мне отец благочинный говорит, что отец Павел Розов будет командирован на лето на Мурман, и, кроме того, мне лично сам отец Павел говорит, что он поедет на родину, на все лето, в гости – поэтому для Ловозера – самая подходящая наблюдательница 2-жа Павла Никифоровна Чупрова, которую я спрашивал, долго ли она здесь будет жить и наблюдать метеорологические наблюдения, то она мне сказала, что она тут поселилась до самой смерти и что она занимается портняжным трудом, а наблюдения у ней являются побочным занятием и мало отнимают времени, но она желала бы их иметь всегда. И со своей стороны, я хотел просить бы Вас, многоуважаемый Антон Антонович, отца Павла совсем удалить из заведующих, а всецело передать это дело в руки 2-жи Чупровой, которая имеет тут и мужа и троих деток. Надеюсь, что мою просьбу исполните.

Сегодня получил из Архангельска телеграмму, что мне пожалован орден Святого Станислава. Почты и письма из Архангельска еще до сих пор не ходят, а Ваша, то есть из Питера, пришла первая, 8 числа декабря.

Нет в этом году морозов, все еще тепло. Семья моя, слава Богу, здорова и Вам кланяется. Старший сын мой, Пантелеймон, уже учится в Архангельске, в приготовительном классе, в старшем отделении гимназии.

Приезжайте многодобрейший Антон Антонович сюда на Мурман, и, если поедете, то приезжайте в первых числах июня, чтобы застать меня дома, а то я думаю съездить на родину, в Шенкурский уезд Архангельской губернии, месяца на два. Если я уеду, а вы в отсутствие мое приедете, то мне будет очень жаль Вас не видеть. Желаем всего лучшего и здоровья.

Ребятишки, жена и я кланяемся и ждем к себе.

Относительно Чупровой и отца Павла, я написал сухую правду.

Ваш покорный слуга Ф. Шатков»

Вот такое письмо, из которого нам стало известно, что Павла Чупрова – женщина хорошая, отличной нравственностью, замужняя, имеет троих детей и занимается портняжным делом. Прояснились и ее отношения с отцом Павлом Розовым. Обсерватория понимает, что это сугубо личная оценка ситуации Ф. Шаткова, и выжидает, чем все это закончится. Ей ни к чему эти страсти, лишь бы наблюдения были качественные и без перерывов.

А на дворе снова весна, 11 мая 1904 года.

Ф. Ф. Шатков как старший лекарь Александровского уезда куда входило и Ловозеро, снова побывал в этом селе по своим медицинским делам и вновь посетил Ловозерскую метеостанцию. Вот как он описывает эту поездку А. А. Каминскому:

«Премногодобрейший и уважаемый Антон Антонович!

Наконец распута прошла. Спешу сообщить вам кой-что из Лапландии, а именно: был я в конце февраля и начале марта в Ловозере и всему тамошнюю наблюдательницу познакомил, а также увозил для поправки ведро дождемера, у которого оказался сломанный носок. И сейчас же отослал обратно, как только поправил.

Вот что, Антон Антонович, в Ловозере испорчен флюгер, а именно сломан был еще при священнике Шмакове стержень, на котором держится ось флюгера при спуске мачты. И взамен станционного стержня отец Николай Шмаков вывинтил один из штифтиков, которые показывают страны света и его завинтил на место стержня. При сильном ветре этот штифтик согнулся, и теперь флюгер не действует. Поэтому покорнейше просил бы вас, Антон Антонович, для Ловозера послать другой флюгер, а то в настоящее время наблюдения ведутся при помощи простой флюгарки, а сила ветра определяется на глазомер.

А остальные инструменты устроены как следует и целы.

Хорошего в Коле ничего еще нет, все – по-старому. Орден, с которым Вы меня поздравили, мною еще не получен, по сие время.

Я раньше писал Вам, что поеду, и просил, что, если кто приедет сюда, чтобы здесь меня застали, а теперь я решил: в отпуск не ездить, так как я хотел поехать к старухе-матери, а мать моя в декабре 1903 года умерла, по этому случаю я не поеду и буду все лето дома.

Желаю всего лучшего и здоровья. Семья моя вам кланяется и ждет летом в гости к нам, старший сын уже учится в Архангельской гимназии, учится в 1 разряде.

Ваш покорный слуга Шатков

П. С. Жалование наблюдательницы П. Н. Чупровой прошу перевести на меня, она меня об этом просила, а я ей пошлю».

Текущие дела

Итак, на Ловозерской метеостанции сломан флюгер и деньги наблюдательницы П. Н. Чупровой получает в Коле Федор Шатков.

В июне приходит ответ из обсерватории:

«П. Н. Чупровой в Ловозерск

Николаевская Главная Физическая обсерватория имеет честь сообщить, что ею высланы 9 июня сего года по почте на Ваше имя ось флюгера Вильда и длинный штифт (указатель сторон света). О получении высланного благоволите уведомить».

Так, день за днем в делах и заботах проходит 1904 год. Наступил 1905 год. В письме от 31 января 1905 года обсерватория напоминает П. Н. Чупровой о высланном флюгере и просит уведомить о его получении. Очевидно, наблюдательница до сей поры не сообщила о получении флюгера:

«НФГО покорнейше просит Вас не отказывать сообщить ей, установлены ли Вами высланные на Ваше имя по почте 9 июня 1904 года ось для флюгера и длинный штифт, указатель сторон света? Если да, то когда именно? А также сообщите, как долго Вы производили наблюдения над ветром при помощи флюгарки по личному ощущению, как это сообщает Ф. Шатков в письме своем от 11 мая 1904 г. Шатков также сообщил Обсерватории, что он увозил на исправление одно дождемерное ведро. Не можете ли Вы сообщить Обсерватории, хотя бы приблизительно, когда именно Вы получили его обратно и стали пользоваться двумя дождемерными ведрами. За исполнение настоящей просьбы Обсерватория будет Вам очень благодарна».

Павла Чупрова отвечает на это:

«На бумагу Обсерватории от 31 января с. г. за № 411 честь имею донести Обсерватории, что мною около 25 декабря 1904 г. получена ось для флюгера Вильда и длинный штифт, который до сих пор не установлен по случаю глубокого промерзания земли, что в настоящее время установить не представляется возможным до мая месяца. В мае месяце, как только установлю, то сей час же донесу.

Наблюдения по флюгеру делаются и по настоящее время со старой установкой, которая дает приблизительно верные показания. Дождемерное ведро мною получено вскоре после отвоза Шатковым, не более как через трое суток, после того, как он, Шатков, увез в Тулозеро к чиновнику Войцихоцкому для запайки. По получении ведра, сейчас же мною начаты наблюдения над осадками по двум ведрам.

*Павла Чупрова
29 марта 1905 г. село Ловозеро».*

И уже в письме от 19 июля 1905 года Павла Чупрова сообщает обсерватории, что флюгер переменяли:

«Честь имею предоставить в Отделение метеорологических станций 11-го разряда книжку наблюдений и наблюдений над снежным по-

кровом за май месяц. Уведомляю Вас, что флюгер переменили, новый установили 30-го мая. Пока теперь показывает точно. За установку нового флюгера я заплатила 2 рубля. Столб укрепили крепче, чем был».

Обсерватория дает наблюдательнице новое задание – прислать новое описание станции:

«3 августа 1905 г.

*Г-же наблюдательнице метеорологической станции
в Ловозерске П. Н. Чупровой*

В записной книжке метеорологических наблюдений за май месяц с. г. Вы сообщили, что анероид перенесен за реку и установлен в верхнем этаже. Не откажите в дополнении к этому сообщить также, не произошло ли перемены в установке других приборов: перенесена ли будка, поправили ли флюгер и т. п.? Описание новой установки приборов благоволите прислать по возможности в виде ответов на вопросы прилагаемого циркуляра».

Обсерватории надо разобраться, где расположены инструменты в данный момент. Наблюдатели несколько раз переносили приборы: то за реку к дому Артеева, то к дому священника. И зимой, в письме от 19 декабря, обсерватория получает описание:

«Честь имею представить в Отделение метеорологических станций 2-го разряда книжки наблюдений за июль и август месяцы и таблицу наблюдений над грозами. Честь имею ответить по возможности на вопросы местоположения станции в Ловозере.

Будка не перенесена – на старом месте, помещена на окраине, установлена согласно инструкции на гладком месте. Около будки растения – тонкий белый мох, мелкие березки. Строений больших нет, земля – песок. Вблизи речка Вирма впадает в южную сторону озера Ловозеро. Расстояние от берега до будки 34 печатных сажени и 1 аршин. Леса, болото кругом, но только не близко, и озеро тоже не близко. Есть гора в южной стороне, отсюда считают приблизительно 15

верст расстояние. Очень большая, так что по сие время солнце только чуть показывается в полдень из-за горы.

Инструменты в будке установлены совершенно по инструкции в цинковой клетке. Будка краской не покрашена никакой. Флюгер установлен на старой мачте, которая была ранее, только лучше укреплен. Освещения на флюгере нет никакого, и раньше тоже не было. Вечером или хотя утром в темное время очень трудно посмотреть, то я и раньше Догадкина, смотря на огонь. Например: откроем фонарь или же, когда тихо, зажжем спичку, и следим, с которой стороны ветер, но, наверное, так точно не может быть. Не худо бы, если флюгер был освещен.

Дождемер тоже на старом месте, установлен на столбе, совершенно на чистом месте: растений и строений близко нет.

Часы здесь проверить очень трудно, почтовых сообщений бывают только зимой. Очень редко, если случится один раз в неделю, а то иногда и в месяц один раз – из Колы как бывают попутчики. Время я только могу проверить по солнцу в полдень, когда бывает ясная погода, или по флюгеровой тени. Хотя и есть здесь солнечные часы, но я с ними не знакома, а также ранее и Догадкина тоже проверяла по тени в полдень.

Барометр-анероид помещается в своем футляре. Футляр закрывается на два крючка. Помещение комнаты – квадратные 8 аршин. Окнами на Запад и Север, в ней же – печка. Барометр помещается на шкафчике в углу – 1 аршин вершины. Окно близко, расстояние от барометра до окна – 2 аршина. Шкалы освещены хорошо, барометр находится в прежнем положении.

Павла Чупрова»

Удовлетворило ли обсерваторию это описание? Вряд ли, но хоть что-то прояснилось.

Далее в письме Павла Чупрова пишет о себе:

«Еще уведомляю Обсерваторию, отец Павел Розов притесняет ме-

ня, говорит, что я неверно наблюдаю и не одновременно хожу в будку. Но я хожу по одним часам в показанное мне время. Прошу вас, не откажите меня от наблюдений здешней станции, так как я имею четверых детей и муж вот уже второй год на вторичной службе. Я не получаю никакого пособия, безо всяких средств, в таком удаленном месте, без всякого средства и занятий должна умереть с голоду вместе с детьми. Покорнейше прошу простить меня, что я осмеливаюсь написать».

Что тут скажешь? Обсерватория могла бы ответить, что она не благотворительное заведение, чтоб обеспечивать ее семью. Для обсерватории главное – работа на совесть, по инструкции, без ошибок, и она будет довольна, будет оплачивать труд.

Хотя, надо сказать, время в России было тревожное, напряженное. Россия находилась в состоянии войны с Японией. Обсерватории тоже было трудно. Деньги отрывались на военные нужды. Финансирование обсерватории уменьшилось. Она едва держалась, умудряясь функционировать, едва сводила концы с концами, оплачивая труд наблюдателей.

В каждом письме Павла Чупрова напоминала о выплате жалования. В письме от 23 марта 1906 года обсерватория сообщает ей:

*«Заведующей Ловозерской метеорологической станции
Чупровой П. Н.*

В ответ на письмо Ваше от 24 февраля канцелярия Обсерватории имеет честь сообщить, что в январе сего года 2-м директором Обсерватории сделано представление в Правлении Академии наук о переводе Вам через Ф. Ф. Шаткова 105 рублей за наблюдения с 1 мая по 1 декабря 1905 года.

В настоящее время эти деньги, по всей вероятности, уже получены Вами.

Ученый секретарь Гейнц»

Несостоявшаяся инспекция

Пока наблюдения Чупровой были благонадежны, обсерватория мирилась с ее ошибками, оплошностями, и работа ее оплачивалась. Но когда пошла явная «клипа», обсерватория предупредила Чупрову об отстранении ее от наблюдений. В конце концов обсерватория, изыскав средства, решилась на серьезный шаг: отправить инспектора на Мурман, посетить свои метеостанции, в том числе и Ловозерскую, определить: что и как... О чем она и уведомила П. Н. Чупрову:

«НГФО поручила инспектору метеорологических станций надворному советнику Николаю Аркадьевичу Коростылеву летом настоящего года осмотреть Ловозерскую станцию, проверить ее инструменты и дать Вам какие Вы пожелаете указания относительно производства наблюдений и обращения с приборами.

Доводя об этом до Вашего сведения, Обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбою не отказать Н. А. Коростылеву в возможности с Вашей стороны в содействии к успешному выполнению возложенного на него поручения.

*Директор Обсерватории академик М. Рыкачев
Заведующий работами в Отделении А. Каминский
28 мая 1907 г.»*

Из следующего письма, от 21 июня 1907 года, следует, что обсерватория решила направить на Мурман, в Лапландию, своего инспектора с двойной целью: посмотреть метеостанцию и привезти чашечный барометр:

«Канцелярия НГФО имеет честь сообщить, что ею передан 8 сего июня Н. А. Коростылеву для доставления Вам чашечный барометр № 43084».

Но оказалось, что не так просто добраться до Ловозера. Инспектор Н. А. Коростылев застрял в Архангельске. Вот письмо его к заместителю директора обсерватории Эдуарду Штеллингу из Архангельска:

«Архангельск
23 августа 1907 г.

Глубокоуважаемый Эдуард Васильевич!

Не найдете ли Вы возможным разрешить встретившееся мне затруднение по доставке барометра в Ловозерск. Обращаюсь к Вам, так как, по моим расчетам, ни директора, ни Каминского в настоящее время в Петербурге нет. Оказывается, что я попасть в Ловозерск не могу, так как летом к Ловозерску сообщения не существует. Туда можно проехать только зимой на санях, когда замерзнут болота, из Териберки или Колы. Ввиду того, я предлагаю оставить барометр в Коле у наблюдателя и поручить ему зимой доставить в Ловозеро барометр. Кольский наблюдатель, по-моему, может справиться с этим делом.

И вот я попросил бы, Эдуард Васильевич, Вас сообщить мне в Архангельск, Соломбала, до востребования, решение обсерватории по этому вопросу, по возможности до сентября, когда я выйду из Архангельска на место. С осмотром станции на маяках придется задержаться значительно более, чем я рассчитывал. Дело в том, что пароход Дирекции маяков «Соломбала», на котором я должен осматривать, неожиданно, 28 июля, отправился в Норвегию за углем для «Алмаза», на котором здесь плавал Дубасов, и вместо 7 августа, когда его ждали обратно, вернулся только 18 августа. Теперь же ремонтируется и выйдет только 1 сентября. Из-за этого я потерял и потеряю много времени в Архангельске. Так, что мне придется вернуться в Петербург, вероятно, в последних числах сентября, а не 15-го, до которого значится моя командировка.

Осмотр станции здесь идет медленно, почти на каждую станцию выходит неделя. Вследствие только сокращения и уменьшения рейсов пароходов в Архангельске в общей сложности я сижу почти месяц.

Примите уверения в глубоком уважении к Вам, Эдуард Васильевич.

Искренне преданный Вам Н. А. Коростылев»

1907 год. Конечно, война оставила свой след в жизни России. Из письма Н. А. Коростылева узнаем, что уменьшилось число рейсов паро-

ходов, за углем приходится обращаться к Норвегии. Трудно создавалась сеть метеорологических станций, трудно было связаться с ними.

Ответ из Петербурга пришел незамедлительно:

«Многоуважаемый Николай Аркадьевич!

В ответ на Ваше письмо от 23 августа имею честь сообщить, что я переговорил с Антоном Антоновичем относительно сделанных Вами предложений, и мы пришли к заключению, что со стороны Обсерватории препятствий нет к тому, чтобы Вы условились с наблюдателем в Коле относительно доставки барометра в Ловозерск. По отзыву А. А. Каминского, наблюдатель в Коле может справиться с этой задачей.

Глубоко сожалею, что обстоятельства Вас задержали так долго в Архангельске. Желаю Вам удачной поездки по маякам.

Примите уверения в совершенном личном почтении и преданности.

*Санкт-Петербург
27 августа 1907 г.*

Эдуард Штеллинг»

Так и не дождалась Павла Чупрова инспектора из обсерватории. Да и о какой оперативности могла идти речь, если только 29 декабря 1907 года обсерватория получила книжки записей метеорологических наблюдений за апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь.

«...Спешу уведомить, – пишет Чупрова, – что я по сие время еще не получила по уведомлению Вами чашечного барометра. И вот уже год нет книжек для отсчетов. Эти книжки, которые я посылаю теперь, мне прислал два раза Ф. Ф. Шатков. Ранее отчетов посылать не могла, потому что попутчиков прошлое лето не было – не с кем было пересылать...»

Установка барометра

И наконец 28 февраля 1908 года обсерватория получает долгожданное сообщение от Ф. Ф. Шаткова о том, что барометр на месте и

даже установлен им.

«По поручению Обсерватории от 14 января 1908 года за № 163 имею честь донести, что чашечный барометр № 43085 мною 10 февраля в целости и сохранности доставлен в Ловозерск и сдан под расписку № 142 Павле Никифоровне Чупровой, каковую при сем представляю. При этом доношу, что барометр мною установлен в квартире собственного дома госпожи Чупровой на стене, обращенной к Е (западу), вблизи окна и далеко от печки.

Лучи солнца на барометр падать не могут, а также и тепло от печки, и тем неравномерно нагревать ртуть барометра и находящегося при нем термометра. Перевозка барометра была при температуре: выехав из Колы -5 град., а через двое суток до -12 град. Расстояние между Колой и Ловозерском 152 версты, почти безо всякой дороги, и езда на оленях.

...В Ловозерск возвратился из военной службы бывший наблюдатель И. И. Артеев, который большую часть службы провел в тюрьмах за флотские беспорядки в Кронштадте и других местах и намеревается снова просить у Обсерватории станцию, которой он ранее заведовал.

Желательно было бы, что бы станцією заведовала Чупрова, так как Артеев вообще из красных, то я думаю он в Ловозерске долго не просуществует, и станция чтобы не осталась без наблюдателя, в особенности в летнее время, куда и с оказией какой-либо почта доставляется 1-2 раза в лето. Надеюсь, что Обсерватория и эту последнюю мою просьбу удовлетворит...»

Не могла обсерватория отказать этой просьбе Шаткова. Ведь он столько раз ее выручал, помогал Чупрова осталась на своем месте.

Претензии обсерватории к работе Чупровой

Сначала наблюдения Чупровой удовлетворяли обсерваторию, она мирилась с некоторыми ошибками наблюдательницы. Но в последнее время обсерватория не на шутку была обеспокоена работой Чупровой. Она обращается к Шаткову:

«5 марта 1908 г.

НФГО обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать, когда Вам случится быть в Ловозерске, обратите внимание наблюдательницы Ловозерской метеостанции П. Н. Чупровой на то, что ее наблюдения за 1907 год не вполне надежны и в них встречается много сомнительных или совершенно неверных величин. Можно думать, что П. Н. Чупрова поручает нередко наблюдения лицам, к ним неподготовленным или неаккуратно ведет их.

Не откажите также указать наблюдательнице на необходимость во избежание ошибки при переписке заносить показания приборов непосредственно в черновых книжках наблюдений, что наблюдательница, по-видимому, также не делает.

За доставку ртутного барометра в Ловозерск Обсерватория выражает Вам (живейшую) признательность.

Заведующий работами в Отделении А. Каминский»

Обсерватория обращается и к Чупровой в Ловозеро, пытаясь обратить ее внимание на качество работы:

«7 марта 1908 года

№ 841

В записях Ваших наблюдений за 1907 год, а также и раньше, встречается много ненадежных отметок, которыми совершенно невозможно пользоваться, что лишает наблюдения научной ценности. Может быть, Вы поручаете делать наблюдения людям неподготовленным или не всегда наблюдаете в установленные сроки, т. е. в 7 утра, 1 час дня, 9 часов вечера. Наконец, возможно, что наблюдения вами переписываются с ошибками. На будущее время за такие записи, какие Вы прислали в прошлом году, Обсерватория не может вам платить. Просим наблюдать аккуратно в 7 часов утра, 1 час дня, и 9 часов вечера и присылать нам черновые записи, а не копии.

Заведующий работами в отделении А. Каминский»

Осенью обсерватория получает из Ловозеро сообщение, из которого узнает, что на Ловозерской метеостанции снова произошло перемещение. Снова все приборы переносятся от дома священника к дому наблюдательницы Чупровой:

«Ловозерск

Выпуска из журнала за октябрь 1908 г.

Будка перенесена. Установлена 16 октября с. г. в 10 саженях от собственного дома, 19 саженях от берега речки Вирмы до будки. На окраине погоста, или деревни. Растения около будки: мелкая береза, под будкой – белый мох, строений близко нет. Дождемер тоже перенесен, установлен от будки 5 сажен расстояние, флюгер тоже. Наблюдения не прерывались».

Площадки еще нет. Приборы установлены произвольно, кто во что горазд. Может, действительно, далеко было ходить на площадку, может, угроза лишения платы подействовала на Чупрову, но обсерватория отмечает, что наблюдения, с февраля по октябрь включительно получены 13 декабря и оказались хорошими, качественными, можно уплатить.

Горячее участие в жизни Чупровой принимает Ф. Ф. Шатков. Так, в своем письме в обсерваторию он описывает жизнь населения в Ловозерске:

«6 апреля 1909 года

В НФГО

При сем представляю расписку П. Н. Чупровой в получении от меня 135 рублей. Покорнейше прошу Обсерваторию расписку эту передать в Канцелярию Императорской Академии наук.

Наблюдательница Ловозерской метеорологической станции Александровского уезда просит Обсерваторию сделать распоряжение об открытии кредита и о переводе денег на мое имя за ноябрь и декабрь 1908 г. и январь и февраль 1909 г., так как за Чупрову мне пришлось здесь местному торговцу поручиться в отпуске ей в кредит на пятьдесят рублей провизии, каковые деньги я за Чупрову внести обязан из

этих 60 рублей, когда они будут высланы.

Надеюсь, что Обсерватория ассигнование не задержит. Ловозерск от Колы в 165 верстах, в местности в летнее время совершенно бездорожной. Туда только провизии можно завести зимой, а летом в Ловозере и купить-то нечего, негде, так как лавки, хотя бы мелочной, и той нет.

23 марта 1909 г.

город Кола Архангельской губернии

Шатков Ф. Ф.

Работа П. Чупровой не удовлетворяет обсерваторию

В письме от 1 ноября 1910 года за № 3942 обсерватория снова поднимает вопрос о плохом наблюдении Чупровой и опять предупреждает, что не будет оплачивать ее наблюдения:

«Наблюдения вашей станции за 1909 г. после произведенной ПГФО обработки их оказались настолько неудовлетворительными, что ими нельзя воспользоваться для соответствующего тома «Летописей».

Все записи ведены крайне небрежно и полны недоразумений и ошибок. Обсерватория считает своим долгом предупредить Вас, что если наблюдения Ловозерской метеорологической станции не будут вестись с должной аккуратностью, обсерватория будет вынуждена прекратить уплату Вам денежного вознаграждения.

Директор Обсерватории Академик М. Рыкачев

За заведующего работами в Отделении М. Городенский»

Однако, видать, все обошлось и следующее письмо датируется уже 5 января 1911 года. В нем Чупрова просит выслать деньги:

«Еще осмеливаюсь обратиться в обсерваторию с покорною прось-

бой, если найдете возможным, благоволите выслать следующие деньги за производство мною здешней Ловозерской станцией пораньше, до распуты, пока можно достать провизию по хорошей дороге. Хотя бы в конце февраля или начале марта, так как в распуту очень трудно бывает оленям, еле могут доходить обратно с возами. Если найдете возможным, сделайте милость.

П. Н. Чупрова»

Резолюция: «Уплачено по 1 марта 1901 г. Можно уплатить условное вознаграждение П. Н. Чупровой с марта по ноябрь 1910 г. включительно. 9 месяцев по 15 рублей: 135 рублей.

М. Городецкий»

В письме от 3 февраля 1911 года П. Чупрова заверяет обсерваторию:

«Осмеливаюсь просить прощения о сделанных мною недоразумениях и ошибок. Обязуюсь отнюдь не отлучаться от станции и не заменяться никем посторонним. 27 июля 1912 г. после вечернего наблюдения, я стала доставать смоченный термометр № 12200(4020), чтобы переменить батист в воду, но задела о край клетки и выломала часть стекла, шарик целый. Я установила его сейчас же, и пользовалась все время до сих пор, но не могу знать, могут ли быть полезны наблюдения смоченного термометра, прошу сообщить, можно ли вписывать по этому термометру наблюдения?»

Ответ из обсерватории пришел в письме от 3 января уже 1913 года:

«Г-же П. Н. Чупровой в Ловозерск

Канцелярия НГФО имеет честь сообщить, что ею выслан 20-го декабря 1912 года по почте на Ваше имя ртутный психрометрический термометр № 75106(5850). Листок с поправками при сем прилагается. На прилагаемой при сем квитанции № 541 Канцелярия покорнейше

просит расписаться в получении термометра и квитанцию прислать обратно.

Ученый секретарь Е. Гейнц»

Увольнение П. Чупровой. 1913 год

Весной в обсерватории получили телеграмму из Колы:

«26 марта 1913 года. В НГФО. Высланы ли деньги Чупровой? Сколько? Ф. Шатков».

И в обсерватории приняли решение – уволить П. Чупрову. Обсерватория обращается к Ф. Ф. Шаткову в Колу и телеграфирует:

«Для Чупровой высылается 165 рублей. Предложите ей прекратить наблюдение. 27 марта 1913 г. Обсерватория».

Даже несмотря на желание сохранить метеостанцию, обсерватория пошла на крайние меры и отписала П. Чупровой, чтобы та прекратила наблюдение:

«4 апреля 1913 г.

№ 817

в Ловозеро П. Чупровой

НГФО переводит на имя Ф. Ф. Шаткова в Колу для передачи Вам 165 рублей за производство метеорологических наблюдений в Ловозере с марта 1912 г. по январь с. г. включительно.

Вместе с тем Обсерватория покорнейше просит Вас прекратить наблюдение, выслать ей накопившиеся наблюдения с февраля, записи – за них будет уплачено особо, убрать инструменты и сохранить их, пока в Ловозеро не придет кто-либо из служащих Обсерватории, которому Вы сдадите все имущество станции.

*За директора Обсерватории Э. Штеллинг
За заведующего работами в Отделении М. Городненский»*

Пожалуй, это был первый случай, когда обсерватория сама приняла решение уволить наблюдательницу. Но не дождавшись ответа от Чупровой, которая продолжала делать наблюдения, обсерватория вновь обращается к Шаткову с просьбой объяснить с Чупровой.

«Кола Архангельской губернии

№ 1880

8 апреля 1913 г.

*Г-ну наблюдателю гидрометеорологической станции в Коле
Ф. Ф. Шаткову*

Высылая Вам 165 рублей для передачи П. Н. Чупровой за производство метеорологических наблюдений в Ловозеро с марта 1912 г. по январь 1913 г., НГФО одновременно обращается к г-же Чупровой с просьбой прекратить дальнейшие наблюдения и выслать ей имеющиеся еще у нее записи. Инструменты же сохранить до получения от Обсерватории дальнейших указаний.

Вместе с тем Обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбой не отказать сообщить, кого в Ловозере можно было бы просить о принятии от г-жи Чупровой и надежном сохранении инструментов, пока не представится случай воспользоваться ими для возобновления наблюдений в Ловозере или каком-нибудь другом пункте.

За исполнение этой просьбы Обсерватория будет весьма признательна Вам».

На что вскоре пришел ответ:

«В НГФО

Из Колы от 2 мая 1913 г.

от Шаткова Ф. Ф.

*Имею честь донести в НГФО, что мною сделано предложение от-
ношением от 29 марта с. г. за № 24 наблюдательнице Ловозерской*

метеостанции П. Н. Чупровой, чтобы она по получении этой бумаги от ее мужа Степана Чупрова, с которым послана бумага, прекратила метеорологические наблюдения на Ловозерской станции. Инструменты, находящиеся в ее ведении, впредь до особого распоряжения Николаевской ГФО, хранить и кому прикажет Обсерватория сдать, то сдать их под расписку и в целости.

Рекомендовано мною: барометр оставить на своем месте, а находящиеся в будке инструменты: психрометр, гигрограф и другие термометры снять со своих мест, обтереть и вообще привести в порядок и уложить в футляры, внести в комнату и положить в безопасное от детей место. При этом осмеливаюсь донести НГФО до сведения, что я года через 2-3 намерен выйти в отставку с медицинской службы и поселиться в таком месте, где нет метеорологической станции, и продолжать дальше наблюдать бесплатно, если только буду в состоянии наблюдать, так как мне в это время будет около 50 лет от роду. Посему покорнейше прошу Обсерваторию разрешить инструменты из Ловозера вывезти в будущую зиму, если только в Ловозере не будет станции и не будет наблюдать другое лицо, и передать мне для хранения, а потом я ими воспользуюсь для наблюдений, которые я намерен продолжать дальше на свободе, так как к такому труду за 20 лет наблюдений, я пристрастился. Желаю продолжить и дальше. Надеюсь, что Обсерватория мне не откажет и пойдет навстречу моим желаниям.

Наблюдатель Кольской метеостанции Ф. Шатков»

На это страстное, дышащее верностью и преданностью делу, науке письмо, обсерватория скромно отвечает:

«29 мая 1913 г.

№ 2625

В Колу, Ф. Шаткову

НГФО затрудняется подвергать инструменты закрытой Ловозерской метеорологической станции риску двукратной перевозки, пока не

выяснено, куда именно переселитесь Вы из Колы после выхода в отставку.

С другой стороны возобновление метеорологических наблюдений в Ловозеро весьма желательны. Поэтому Обсерватория была бы очень признательна Вам за сообщение, нет ли в Ловозере постоянного лица из местной администрации, которое можно было бы просить о сохранении инструментов, пока не удастся прислать туда подходящего наблюдателя?»

Обсерватория пытается найти наблюдателя для Ловозерской метеостанции, чтобы как можно быстрее задействовать ее. Она обращается также к священнику Ловозерского прихода отцу Михаилу Распутину, который служит там, в Ловозерске, после отъезда отца Павла Розова.

«Священнику отцу Михаилу Распутину

Отдел сети станций ГФО просит Вас восстановить метеостанцию в Ловозере и приступить к производству наблюдений.

Отдел просит прислать план расположения станции с подробным описанием ее и о состоянии приборов.

Отдел сети станций по получении от Вас наблюдений начнет Вам высылать содержание и возбудит ходатайство перед Кольским Отделом Народного Образования о представлении Вам пайка из нормы Отдела Народного Образования.

Бланковый материал и наблюдательские книжки будут высланы по вашему требованию.

*Заведующий Отделом сети Коростылев
Физик Николаев»*

22 июня 1913 года обсерватория получает письмо от Павлы Чупровой, ловозерской наблюдательницы. Свое письмо она назвала «Прошение»:

«Я, ниже подписавшаяся крестьянка, постоянно проживающая в Ловозерском погосте, и наблюдательница Ловозерской метеорологи-

ческой станции осмеливаюсь прибегнуть с величайшей просьбой. По-наслышке я слышала, что будто бы Вами приказано закрыть здешнюю будку, но не получив от Вас официального распоряжения и приказа, наблюдаю до настоящего Вашего распоряжения. Я не занимаюсь другим ничем и никуда не отлучаюсь.

Прошу вас благоволите, ради Всевышнего, питаться мне Вашим куском хлеба, которым я уже питалась 11 лет.

Коли найдете возможным простить мою вину, в чем я виновата.

Прошу, пошлите наставленье. Сделайте великую милость. Я семейная, по случаю занятия здесь на станции построила дом, в такое пустое место. Выезжать очень трудно, бросить дом жалко, заняться больше нечем.

В случае что-либо относительно здешней станции сказал Ф. Ф. Шатков, то он прогневался на меня совсем, напрочь. Причина этого дела – отдал он мне поделать несколько оленьих шкурок, из них – некоторые порченые, ввиду чего у меня есть свидетель, что они действительно были порчены немного. Но он всю вину сложил на меня, взял стоимость за шкурки с меня. Еще раз сделайте милость – поставьте меня наблюдать за здешней Ловозерской станцией.

Прошу, если что не верно, написано здесь, в моем прошении, то не осудите меня тяжело.

Павла Никифоровна Чупрова»

Но обсерватория твердо решила отстранить Чупрову от наблюдений и обращается с просьбой к исправнику, который находился в то время в г. Александровске Архангельской губернии:

«Г-ну исправнику Кольского уезда

НГФО отношением от 4 апреля сего года за № 4817, предложило производившей метеорологические наблюдения в с. Ловозере П. Н. Чупровой прекратить наблюдения и сообщило ей, что за дальнейшие наблюдения не будет давать денежного вознаграждения. Однако означенное отношение Обсерватории, судя по заявлению П. Н. Чупровой от 10 июня, ею не получено, и она о содержании его знает лишь по слухам.

Во избежании предъявлений со стороны П. Чупровой претензий с ссылкой на неполучение уведомления о прекращении платы за наблюдение Обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбой официальным порядком уведомить ее, что за дальнейшие наблюдения Обсерватория никакой платы высылать не будет.

Вместе с тем не откажите посодествовать, чтобы принадлежащие Обсерватории метеорологические инструменты были сохранены в Ловозерске и не подвергались повреждению, пока не представится случая ими воспользоваться для возобновления наблюдений.

*За директора Обсерватории Эд. Штеллинг.
Заведующий работами А. Каминский»*

Обсерватория также обратилась и к самой Чупровой:

«НГФО уже просила Вас отношением от 4 апреля за № 4817 прекратить метеорологические наблюдения, так как они велись Вами неправильно. Инструменты Обсерватория просит Вас убрать и сохранить, пока не потребуются передать их кому-либо другому по указанию Обсерватории»

Зимой обсерватория получила письмо от Ф. Шаткова:

«21 декабря сего 1913 года

Во исполнении отношения НГФО от 22 мая сего 1913 года № 2625 честь имею донести Обсерватории, что я в бытность свою в Ловозеро 25 ноября метеорологические инструменты передал на хранение впредь до распоряжения Обсерватории местному священнику отцу Михаилу Распутину по расписку на приемо-сдаточной описи, каковую при сем имею представить Обсерватории, копии с этой описи переданы для сведения отцу Михаилу Распутину в Ловозерске.

Надежного лица, который бы мог вести наблюдения, нет, хотя имеются два учителя церковно-приходской школы. Они на лето из Ловозерска выезжают, поэтому могут наблюдения прерваться. Предлагаю я взять на себя ведение наблюдений священнику Распутину, кото-

рый остается с псаломщиком и на лето в Ловозере, но отец Михаил мне сказал: «Если Обсерватория предложит мне быть заведующим станции, то соглашусь и буду следить за тем, кто будет вести наблюдения, а такие наблюдения будут по возможности добросовестные и непрерывные».

Корреспонденцию в Ловозеро прошу Обсерваторию направлять через меня.

Шатков.

П. С. Барометр уложен в футляр, а также и термометры. Для гигрометра футляра не оказалось, уложен в ящичек».

Оснащение станции

В конце переписки имелась опись инструментов. Вот какие метеорологические инструменты были на метеостанции Ловозеро к 1914 году.

«Приемо-сдаточная опись метеорологических инструментов, находящихся на Ловозерской метеорологической станции Архангельской губернии Александровского уезда:

1. Чашечный барометр № 43284 (фабрики Мюллера, № 885).
2. Анероид № 42236.
3. Сухой термометр № 4219 (фабрики Мюллера, № 4020).
4. Смоченный термометр № 75106 (ф-ка Мюллера, № 58).
5. Максимальный термометр № 40049 (Штеглит, № 3046).
6. Минимальный термометр № 41022 (ф-ка Мюллера, № 3842).
7. Гигрометр № 42340(684).
8. Дождемер – 2 ведра цинковых, 1 крышка и стеклянный измерительный стакан с защитой Нифера.
9. Солнечные часы Флеше без ключа.
10. Флюгер с одним указателем силы ветра на мачте (до лета снять нельзя).
11. Термометрическая цинковая клетка.
12. Книжки для записи, таблицы – 25 шт.
13. Конвертов – 16 шт.

Все здесь перечисленные предметы для хранения принял от Павлы

Никифоровны Чупровой в целости 25 ноября 1913 года священник Михаил Распутин.

Все инструменты сдала П. Н. Чупрова.

При сдаче и приеме метеорологических инструментов присутствовал наблюдатель Кольской гидрометеорологической станции Ф. Шатков».

Пришел ответ от исправника:

«Для исполнения и донесения г-ну приставу 1 стана Александровского уезда

9 июля 1913 г.

№ 4093

Справка

Исполнение рассматриваемого поручения останавливается за неимением какого бы ни было сообщения связи с Ловозерским погостом, впредь до установки зимнего пути 1914 года, то есть до декабря 1913 года.

Пристав 1 стана Александровского уезда Шибинский»

«Акт

1913 года декабря 23 дня

Погост Ловозеро Кольско-Лопарской волости

Александровского уезда Архангельской губернии

Вследствие поручения г-на Александровского уездного исправника от 9 июля 1913 года за № 1493 основанием на отношение Николаевской Главной Физической Обсерватории от 27 июня 1913 года за № 3135 пристав 1 стана Александровского уезда Шибинский прибыл сего числа в Ловозеро и объявил проживающей здесь Павле Никифоровне Чупровой содержание означенного выше отношения Обсерватории за № 3135, спросил ее, Чупрову, где у ней инструменты, означенные в отношении. На что Чупрова объяснила, что все принадлежащее Обсерватории инструменты ею сданы по особой описи 25 ноября 1913 г. на-

блюдателю Кольской гидрометеорологической станции Ф. Ф. Шаткову в силу предъявленного ей, Чупровой, распоряжения на сей предмет Главной Физической Обсерватории. Инструменты сданы все в исправности и целости, и в настоящее время находятся на хранении у священника Ловозерского прихода отца Михаила Распутина, а подписана опись таковым у Шаткова.

Постановил: Об исполнении записать в Акт.

Пристав 1 стана Александровского уезда Шибинский.

Содержание отношения за № 3135 и настоящий Акт мною, П. Н. Чупровой, объявлен и приложен в Акт.

Ознакомлена: Чупрова».

«Докладная

Вх. № 4093

от 3 января 1914 г.

Настоящую переписку по исполнению с отзывом Чупровой, изложенным в акте моем от 23 декабря 1913 года за № 518 и копией описи инструментов Ловозерской метеорологической станции, сданным на хранение священнику отцу Михаилу Распутину, предоставляю его Высокоблагородию 2-му исправнику Александровского уезда и доношу, что означенные в описи инструменты оказались все налицо и в исправности, и находятся у священника Распутина.

Декабря 30 дня 1913 г.

Пристав 1 стана Александровского уезда Шибинский».

Последнее письмо Чупровой. 1914 год

Письмо П. Н. Чупровой в Колу, Шаткову, 24 июня:

«Милостивый государь Федор Федорович!

Будьте здоровы. Во-первых, шлю Вам привет с пожеланием всего лучшего и, главное дай Вам бог здоровья.

Федор Федорович, сначала прошу простить меня. Я опять осмеливаюсь Вас беспокоить, сделайте милость. Много Вы мне помогали, но еще не оставьте мне в просьбе. Похлопочите насчет моего жалования из Обсерватории. Будьте добры.»

Летом 1914 года обсерватория получила письмо от Ф. Ф. Шаткова:

«5 июля 1914 г.

...При сем препровождаю в ГФО письмо бывшей наблюдательницы Ловозерской метеорологической станции Архангельской губернии Павлы Никифоровны Чупровой, которая просит выслать ей оставшееся жалование за метеорологические наблюдения, производившиеся на Ловозерской метеостанции. Согласно письма 2-жи Чупровой, прошу Обсерваторию сделать распоряжение. Деньги могут быть высланы через меня.

Наблюдатель Ф. Шатков»

Очевидно, Чупрова и Шатков помирились.

Десять лет Павла Никифоровна Чупрова была наблюдателем Ловозерской метеостанции. Это последняя запись в архивных документах. На этом переписка с обсерваторией заканчивается.

СОЗДАНИЕ МЕТЕОСТАНЦИИ «ИМАНДРА»

Телеграфный надсмотрщик Аким Красов - первый наблюдатель метеостанции «Имандра»

Что касается создания метеостанции «Имандра», тут надо сказать следующее. Первое упоминание о ней я отметила в переписке Главной физической обсерватории с наблюдателем ловозерской метеостанции священником отцом Николаем Шмаковым. Поэтому, я полагаю, что не будет лишним вернуться немного назад и повториться в своем повествовании.

В письмах речь шла о закрытии ловозерской метеостанции. Николай Николаевич Шмаков писал, что по делам церковной службы, ему предстоит отъезд из Ловозерска в командировку с апреля по ноябрь (с лопарями, в Рынду). Он пишет:

«Больше сведущих людей в этом деле не могу приискать. Нет желающих остаться на 6-7 месяцев в Лапландии, быть оторванными путями сообщения от всего. Месячной отчетности представлять будет невозможно. С мая и до ноября пути сообщения в это время прекращаются...»

И тут священник делает ГФО предложение, которое там возьмут во внимание и непременно воспользуются благоприятной ситуацией: «... В 130 верстах на запад проходит телеграф из г. Колы и есть телеграфная станция, где служащие живут круглый год не уезжая. Не будет ли более удобным находить ГФО перенести Ловозерскую метеорологическую станцию на одну из этих телеграфных станций в середине Лапландского полуострова, где есть пути сообщения и наблюдения будут производиться более развитыми людьми, чем мой заместитель? «

Это был март 1899 года. И обсерватория решает отправить в Лапландию, на Кольский полуостров, инструктора – заведующего отделением работ Антона Антоновича Каминского, который должен был разобраться на месте – что и как, и действовать по обстоятельствам. О чем руководство ГФО и уведомляет отца Николая Шмакова:

«...Летом станцию (ловозерскую) посетит командированный из обсерватории надворный советник Антон Антонович Каминский. ... Господину каминскому будет также поручено обсудить на месте вопрос о том, следует ли оставить станцию в Ловозерске и не будет ли лучше, как вы полагаете, перенести на один из телеграфных постов в случае, если там найдутся желающие заняться наблюдением.

Обсерватория будет Вам весьма благодарна, если в возможно скором времени сообщите ей, каким путем и каким способом удобнее всего можно летом попасть в Ловозерск, имея при себе барометр и другие инструменты, и сколько времени потребуется на путешествие от Мурмана до Ловозерска и обратно».

«В исполнение вашего отношения, - отвечает Шмаков, - честь имею донести физической обсерватории, что летом попасть в Ловозерск весьма трудно, так как погост Ловозерск отстоит от Мурмана в 200 верстах, дорог никаких нет, исключая летнего пути, пешком, по тракту из г. Колы до погоста Раз-Наволоки 115 верст, а оттуда уже брать проводников-лапландцев, до Ловозерска 95 верст, и идти надо по тундре или же отправиться прямо до Ловозерска, дороги нет, и хода будет по тундре 200 верст. В становище рында проводников можно найти – лопарей, которые за вознаграждение согласятся идти до Ловозерска и обратно».

Надворный советник А. А. Каминский избивает путь через Колу. И вскоре пребывает в Колу и останавливается у наблюдателя Кольской метеорологической станции фельдшера Федора Шаткова.

Для обсерватории этот год был урожайным. Вместе с кольским наблюдателем Ф. Ф. Шатовым, Антон Каминский создает и открывает новую метеорологическую станцию в первом городе Александровске (Полярном). Он и присутствует на праздновании, посвященном открытию этого города.

Затем Шатов остается в Александровске наблюдателем на новой метеостанции, а надворный советник отправляется на телеграфную станцию «Имандра» Советник прошел пешком 100 верст от Колы до Имандры, шел по болотам, по сопкам, сквозь комарье и гнус, шел не с пустыми руками, а с хрупкими, дефицитными приборами: барометром-анероидом и термометрами. Дошел и создал и открыл еще одну новую метеостанцию «Имандра».

Вот тебе и надворный советник! Мужества и выносливости не занимать. И видать, человек был общительный, веселый, скучать не любил и «женским обществом не пренебрегал». В одном из своих писем от 26 марта 1903 года Федор Шатков в конце письма припишет:

«Семья моя здорова, вся вам кланяется. И Паня и Поля часто вспоминают и ждут опять сюда».

Коль зашла речь о А. А. Каминском, о его жизни и деятельности, уместно будет сказать, что он является автором книги «Этапы организации сети метеорологических станций в Якутии» – материалы по изучению Якутской автономной ССР. Изд. АН, Л-д 1928 г

О нем самом написана книга – «А.А. Каминский – выдающийся русский метеоролог-геофизик». Автор книги Нездюрлов Д. Ф.*

Заведующим метеостанции А. А. Каминский оставил телеграфного надсмотрщика (очевидно была такая должность) Акима Ивановича Краскова.

Однако до Ловозера советник не дошел. Коротко лето на Севере. Чашечный барометр, предназначенный для метеостанции, инспектор Каминский оставляет в Коле, откуда его в Ловозеро доставит все тот же неутомимый вездесущий фельдшер Федор Шатков. И уже из Ловозера отец Шмаков сообщит :

Из Ловозера. В Главную физическую обсерваторию.

«Чашечный барометр Петермана № 1176 от Антона Антоновича Каминского для метеорологической станции «Имандра» получил 1 июля 1899 г. надсмотрщик А. И. Красков.

Священник, отец Шмаков.»

И уже в сообщении от 10 сентября за №1 Аким Красков пишет в обсерваторию :

«Прошу ГФО выслать мне деньги в сумме 39 рублей 50 копеек, израсходованные на постройку будки и двух столбов (для флюгера, дожде-

---

*Нездюрлов Д.Ф. проработал 50 лет в ГГО (ГФО), сам открывал и инспектировал станции. В 1949 г. получил звание профессора. Работа над книгой « Очерки истории развития метеорологических наблюдений в России», заняла десять лет, была издана в 1969 году, когда автору исполнилось 88 лет.

мера) и оградку кругом будки. На таковую сумму представляю расписку строителя. А также сообщаю обсерватории, что до сих пор не получал инструмента для наблюдений. Откуда таковые будут высланы? Кроме одного станционного барометра-анероида, который привезен 2-ном Каминским...»

Обсерватория начинает искать инструменты:

«Александровск Архангельской губернии

Уездному исправнику

Николаевская ГФО покорнейше просит отправить хранившиеся у вас инструменты в Имандру телеграфному надсмотрщику Краскову.

6 октября 1899 года

*Директор обсерватории
М. Рыкачев»*

Позже ГФО снова напоминает уездному исправнику Александровска:

«Обсерватория покорнейше просит не отказать передать надсмотрщику Краскову на станцию следующее:

- 1. Психрометрическую цинковую клетку.*
- 2. Два цинковых дождемерных сосуда и крышку к ним.*
- 3. Два стеклянных стакана с делениями».*

На что исправник отвечает:

«Перечисленные мною инструменты будут исправлены по прибытию в город Александровск мастера-слесаря и отправлены в Имандру по лету наступающего 1900 года».

Итак, все отложено до следующего лета.

Наступил 1900 год. А. Красков торопит ГФО:

«Покорнейше прошу ГФО ускорить высылку инструментов, как то: цинковой клетки и дождемера с принадлежностями к ним – так как ход почт кончается очень рано, а после хода почт будет доставка таковых очень трудная и дорога.

Еще прошу уведомить уведомить меня, по получении и установке всех инструментов, сейчас же приступить к наблюдению или укажите с какого времени?

Жалование же прошу выслать мне через два месяца в Кандалакшское телеграфное почтовое отделение Кемского уезда, в Имандру.

9 февраля 1900 г.

А. Краснов».

Обсерватория сама понимает, что ждать до лета нельзя; решили отправить новые инструменты в Имандру, пользуясь зимней дорогой:

«28 февраля 1900 г. ГФО сообщает, что ею выслано по почте пара дождемеров № 16524 и № 16525 с измерительным стаканом и складною воронкою, а также складная цинковая клетка без вентилятора».

На свой второй вопрос, когда приступить к производству наблюдений, Красков получил ответ уже в марте.

«НГФО покорнейше просит приступить к производству наблюдений с 1-го числа месяца по новому стилю, после того как все инструменты метеорологической станции будут установлены».

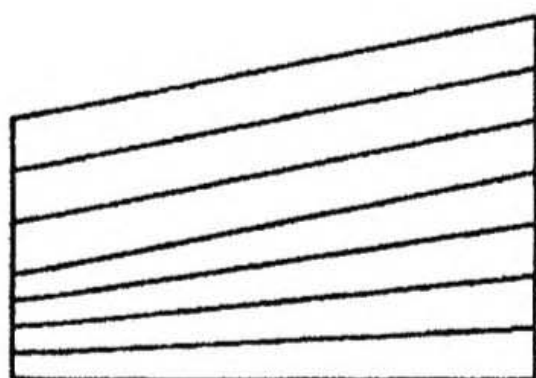
И вот наконец ГФО получает известие от надсмотрщика Краскова: *«Наблюдения начали производиться с 1-го числа июня месяца по новому стилю».*

Итак, 1 июня 1900 года – день рождения метеостанции «Имандра». Письмо, полученное Красковым из Санкт-Петербурга, пронизано глубоким удовлетворением:

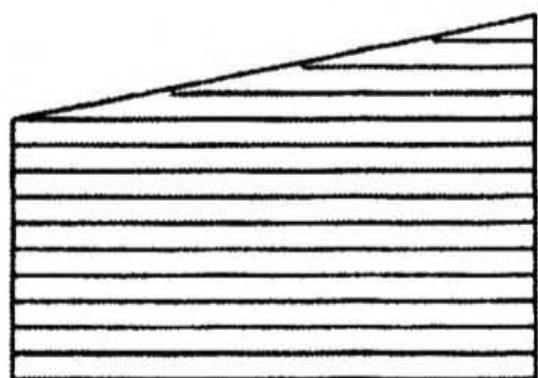
«Принося Вам искреннюю признательность за доставление первой месячной книжки и таблицы (за июнь 1900 г.) с Вашими метеорологическими наблюдениями, НГФО имеет честь сообщить, что эти наблюдения по сравнению с наблюдениями ближайших метеорологических станций оказались благонадежными. За продолжение их и высылку на будущее время (книжек и таблиц) по истечении каждого месяца обсерватория будет Вам весьма благодарна. Записи в книжках Вами сделаны, по-видимому, правильно...»

И все бы хорошо. Дело наладилось. Здесь бы на счастливой ноте поставить точку. Можно, конечно, но рановато. Обе стороны довольны друг другом. Но тут в их переписку вмешивается третье лицо, наш знакомый фельдшер, наблюдатель Кольской метеостанции Федор Федорович Шатков. Передо мной уже упомянутое выше письмо на имя инспектора Антона Антоновича Каминского:

«2 марта я был в Имандре у чиновника Краскова, который хотел там наблюдать. Он выстроил будку, только эта будка не соответствует размерам инструкции, а именно: она очень низка – около трех с половиной метров вышина. Снизу сделан пол глухой, лестница приделана наглухо к той поперечине, на которой должна быть установлена цинковая клетка, а также снизу забрана наглухо досками и с боков. И эта лестница запирается глухими дверями... Да и ширина, кажется, не будет 165 сантиметров...»

У него – так

а следовало по инструкции – вот так

Я удивляюсь халатности Краскова, тут имеется масса леса, и можно устроить будку, прямо не будку, а игрушечку. Всю эту будку, как мне заявила жена его, строил сам Красков».

Ну что тут скажешь. Каждый метеоролог знает, насколько важно в метеорологии соблюдать стандарт и инструкции. А с другой стороны – Красков старался, как мог, делал первую будку без опыта, без навыка, и так сразу Шатков навесил ярлык – халатность. Возможно, что между Шатовым и Красновым произошел серьезный разговор. Этого мы не узнаем никогда.

Письмо Шаткова вызвало в обсерватории переполох. Она незамед-

лительно ставит Акима Ивановича Краскова в известность, правда, очень тактично и осторожно:

«От лица, посетившего Имандру, обсерватория узнала, что построенная Вами термометрическая будка совершенно не соответствует описанию, помещенному в инструкции...»

Пока будка не будет перестроена согласно инструкции и флюгер не будет правильно установлен, наблюдения Ваши не могут быть удовлетворены. Обсерватория за них платить не может, о чем и извещает г-на управляющего почтово-телеграфным округом.

А. Каминский».

Обсерватория ставит условие хоть и тактично, но довольно жестко. Красков понял, откуда ветер дует на его флюгер судьбы, и 16 августа ГФО получает от него письмо:

«Согласно отношения Вашего от 16 июня за № 1778, уведомляю обсерваторию, что термометрическая будка мною перестраивается и инструменты будут поставлены...»

Дошедшие до Вас сведения я таковые опровергаю, и если не буду удовлетворен жалованьем за время производства наблюдений, то я от дальнейшего производства отказываюсь».

Обсерватория, сознавая, что другого наблюдателя вряд ли сыскать в глуши, спешит заверить о своем расположении:

«Принося Вам искреннюю признательность за перестройку психометрической будки, за установку нового столба для флюгера, НГФО не встречает препятствий в высылке Вам вознаграждения».

Обещать-то обещала платить, однако выполнять это не спешила, и Краскову приходится напоминать о себе уже в 1901 году.

Так в делах и заботах прошли три года. 4 января 1905 года в Санкт-Петербург в обсерваторию пришло известие от начальника Имандровского телеграфного отделения Архангельского почтово-телеграфного округа Григория Петровича Порочкина. Вот что он сообщал:

«Имею честь при сем представить одну книжку за ноябрь месяц

сего 1904 года – наблюдения Имандровской метеорологической станции и присовокупить, что наблюдатель станции Аким Иванович Красков умер 7 сего декабря.

В настоящее время записи наблюдений заносит его дочь Мария Краскова, но переносить данные из книжек в таблицы не может, вследствие незнания последних, например: откуда берутся данные в графе таблицы «сумма»...

А вскоре ГФО получило еще одно письмо, от Марии Красковой:

«Я прошу Вас покорнейше, которые были папою заслуженные деньги, нельзя ли быть высланы, нам очень нужны. Тепериче я заведу будкой, стараюсь как бы лучше, не пропускаю никакой минуты, а высчитывать не умею. Вышлите, пожалуйста, деньги, не задерживайте, нам очень нужны».

В обсерватории понимали, что своим решением могут повлиять на судьбы людей и, получив заявление от Порочкина, выжидали, не спешили с ответом. И снова, в который раз, на глазах ГФО свивается клубок людских отношений.

Порочкин Григорий Петрович писал:

«В настоящее время измерения Имандровской метеорологической станции делаются дочерью бывшего наблюдателя Акима Ивановича Краскова Марией. Последняя приходит для измерений неаккуратно, то есть не соблюдает назначенного для этого времени... Барометр находится в телеграфной комнате вверенного мне казенного дома, и посторонним лицам не всегда удобно входить в нее. Ходить же Красковой в 7 часов утра и в 9 вечера приходится через мою спальню, что крайне стесняет мое семейство.

Если найдется возможным передать наблюдения мне...»

Это строки из письма Порочкина от 10 марта 1905 года.

И следом получено письмо от Марии:

«Многоуважаемые, Вы пришлите нам деньги, нам очень нужны, пожалуйста, не задержите их... Барометр сколько раз пропустила, не пускают записывать, говорят, что нам очень беспокойно. Хотели перенести, да мы не берем, у нас сырость и маленькие дети, а ежели сломают, дак кто виноват?

Мария Краскова»

Что остается делать Марии? Что ей приходится испытывать, трижды в день заходя в чужую спальню? Она отказывается сама от обязанностей метеонаблюдателя. 6 октября ГФО получает от нее письмо:

«Милостивый государь, Вы кому прикажете сдать будку... Благодарю Вас, что подержали перво время. Вы ответьте, кому сдать все. Я последний месяц октябрь, а ноябрь не стану. Вы вышлите деньги, которые мною заслужены. Пока я на месте, пожалуйста, не задержите... Простите, что худо пишу, спрашивать не у кого, а сама малограмотна.

Мария Краскова»

Во всех подобных неурядицах обсерватория не спешила менять наблюдателя, а поддерживала его до конца, пока сам наблюдатель не подаст в отставку.

На этом заканчивается эта невеселая история. Дальнейшая судьба Марии неизвестна. А Порочкин служил в Имандре до 1911 года. Его последнее письмо датировано 24 марта 1911 года.

«Сим имею честь уведомить обсерваторию, что вследствие моего перемещения в Архангельск в текущем марте месяце заведывание метеостанцией передаю назначенному заведующему отделением телеграфа Ивану Александровичу Добрынину».

За последние 90 лет произошли на метеостанции перемены. В 2003 году автор лично просмотрела всю документацию, касающуюся «потерянной» метеостанции «Имандра», и нашла в климатологическом справочнике следующую запись.

ГМС «Имандра» (Хибины, опытное поле)¹

Станция под названием «Хибины – Имандра» организована в 1900 г. при почтово-телеграфной конторе в селении Хибины. Регулярные наблюдения начались с **1 июня 1900 г.** по программе 2-го разряда.

Подробные сведения о работе и местоположении станции не со-

Климатологический справочник СССР. Мурманская область (История создания и физико-географическое описание гидрометеорологических станций и постов). Мурманск, 1966.

хранились. Известно только, что с 1900 по 1927 г. станция не переносилась. 15 мая 1924 г. на опытном поле отделения Института прикладной ботаники с узкой специальной программой работ организована станция «Хибины, опытное поле».

С мая 1924 до конца 1926 г. наблюдения производились нерегулярно. В 1926 г. – станция передана Главной геофизической обсерватории. К 1927 г. объем работ станции доведен до уровня станции 2-го разряда. 2 января 1927 г. метеорологическая площадка ГМС «Хибины, опытное поле» перенесена на 200-250 м к северо-западу от прежнего местоположения.

После производства в течение 1927 г. параллельных наблюдений на ГМС «Хибины – Имандра» и «Хибины, опытное поле» первая из станций была закрыта. С этого времени станция «Хибины, опытное поле» не меняла свое местонахождение.

В 1931 г. станция переведена в агрономическую 1-го разряда. В 1941 г. – преобразована в метеостанцию 2-го разряда, с привлечением по авиаобслуживанию. С 1 января 1943 г. метеостанции присвоен 9-й тип, 20 января 1951 г. – 16-й тип. 30 августа 1949 г. установлен осадкомер Третьякова.

Метеоплощадка ГМС «Хибины». Лето 1959 г.

Телеграмма 3

Александровскъ, Архангельской

Уездному исправнику.

Никольская Главная Физическая
Обсерваторія почтительнѣе про-
ситъ отправить хранящіеся
у васъ ~~цинковые~~ ^и инстру-
менты въ Имандру телеграф-
ному надсмотрщику ^{Кра} Краскову.

Директоръ Рыкачевъ.

6 Окт
1899 г.

Письмо из ГФО в г. Александровск уездному исправнику с просьбой отправить хранящиеся метеорологические инструменты в Имандру телеграфному надсмотрщику Краскову. 6 октября 1899 г.

ИМАНДРА
1899
ИМАНДРА

3053

Имандра. У
Заведующего
Имандра, ад.
Имандра

Имандра. У
Заведующего
Имандра, ад.
Имандра

Имандра. У
Заведующего
Имандра, ад.
Имандра

ИМАНДРА
1899
ИМАНДРА

3053

Имандра. У
Заведующего
Имандра, ад.
Имандра

Имандра. У
Заведующего
Имандра, ад.
Имандра

Краскову, в Имандру. Канцелярия ГФО просит прислать расписку в получении чашечного барометра, доставленного инспектором Каминским, и выслать квитанцию в ГФО.
18 октября 1899 г.

[illegible]

Письмо наблюдателя Акима Краскова в ГФО. Он просит ускорить срок высылки дождемера и спрашивает, когда можно начать производство наблюдений. 9 февраля 1900 г.

Н. Г. Ф. О.

1905 under 2500 feet

the rope

виноват?

В.А. 28 1905 г. 23 сент.
Н.Г.Ф.О.

Государю

Все кому Прикажете

Будку сдать и дадут

Милостивый Государь

Ваше. Предваритель,

ваше брате Ян отворит.

Ваше здане все и пожеланий

Ваше. Ожидаю. Я надеюсь

Ваше. Язы, вышлите

Ваше. пожелания. Много

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Ваше. Язы. Язы. Язы. Язы.

Письмо Красковой Марии от 6 октября 1905 года: "...Милостивый государь!
Вы кому прикажете сдать будку. Я дальше не желаю..."

Имандра 55
64

Наблюдательная метеорологическая станция
в Имандре Марии Красковой?

Из Имандры

г. Т. Ф. О. просит сдать все приборы
и инвентарь станции на хранение в метеорологическую
станцию Имандры Красковой.
Метеорологическая станция Григория Петровича
Порочкина.

Григорий Петрович
Порочкин

Получено 1 октября 1905 г.

Из ГФО в Имандру, Марии Красковой. ГФО просит сдать все приборы и
инвентарь Григорию Петровичу Порочкину.
Октябрь 1905 г.

見、中、三、

Tetraglenes
Urechis
Panopeus
Acanthinopteryx
Alpheidae
Libinia
Homarus
A Decapod.

Ham. 1324.

3.
 2. *Phacelodes*
leucophaea
leucophaea

*Collegium medicum universitatis
anno 1879*

Эдвардс
Станция Озерная.

Prof. A. F.
van H.

В ГФО от Порочкина: "...Мною принята метеостанция 4 декабря 1905 года.
При сем представляю сдаточно-приемную опись".
7 декабря 1905 г.

День за днем

Дальнейшая переписка Николаевской главной физической обсерватории с Имандрской метеорологической станцией

Наблюдатель Григорий Петрович Порочкин

*10 октября 1905 г.
№ 3384*

Г-ну Заведующему Имандрским контрольным телеграфным отделением, надсмотрщику Григорию Петровичу Порочкину.

Наблюдательница метеорологической станции в Имандре М. А. Краскова уведомила НГФО, что с ноября месяца сего года она прекращает производство метеорологических наблюдений в Имандре. Ввиду выраженного желания принять Вами на себя заведывание Имандрскую метеорологическою станцією, Обсерватория обращается к Вам с покорнейшею просьбою не отказать принять от госпожи Красковой все приборы и инвентарь станции. Когда передача станции в Ваше заведывание состоится, не откажите уведомить об этом обсерваторию. При сем препровождается "Инструкция" для производства наблюдений и таблицы для вычислений их.

*Директор Обсерватории академик М. Рыкачев
Заведующий работами в Отделении А. Каминский*

* * *

10 октября 1905 г. № 3386

Г-же наблюдательнице метеорологическою станцією в Имандре Марии Акимовне Красковой на письмо от 23 сентября.

НГФО просит Вас сдать все приборы и инструменты Имандрской метеорологической станции г-ну заведующему Имандрским контрольным телеграфным отделением Григорию Петровичу Порочкину.

* * *

В Главную Физическую Обсерваторию

Вследствие отношения от 10 октября за № 3384 имею честь уведомить Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию, что согласно Вашему предложению, мною принята метеорологическая станция от 2-жи Красковой сего 19 декабря 1905 года. При сем представляю сдаточно-приемную опись.

Заведующий станцією Порочкин

* * *

Сдаточно-приемная опись о сдаче метеорологической станции в Имандре Архангельской губернии инструментов и инвентаря, а именно:

инструменты:

барометр за № 1176, при нем термометр,

сухой термометр № 14617,

смоченный термометр № 14618 с разбитою чашечкой для смачивания,

минимальный термометр за № 14329,

волосной гигрометр № 12339,

дождемер № 16524 с двумя цинковыми ведрами и стеклянным сосудом, с нанесенными делениями,

флюгер;

инвентарь – одна неокрашенная деревянная будка.

По сей описи сдала 19 декабря 1905 г. Мария Краскова

По сей описи принял 19 декабря 1905 г. заведующий Имандрским контрольным телеграфным отделением Г. П. Порочкин

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Согласно предписанию Обсерватории от 24 марта сего 1906 г. за № 1164 честь имею сообщить, что мною стаканчик для смачивания

термометра получен в целости. Доношу Обсерватории, что при посещении мною Имандрской станции в феврале месяце (3 дня) и при объяснении некоторых параграфов инструкции почтово-телеграфному чиновнику мною найдены неправильные отсчеты по минимальному термометру, о чем мною было замечено в книжке для записи наблюдений, а именно: наблюдения до сего времени делались не по тому концу, обращенному от резервуара, а по концу, обращенному к резервуару. Прошу Обсерваторию принять к сведению и сделать поправки.

*26 мая 1906 г.
город Кола*

*Наблюдатель
Ф. Шатков*

* * *

*28 мая 1907 г.
№ 1102*

Г-ну заведующему метеорологической станцией в Имандре Григорию Петровичу Порочкину

НГФО поручила инспектору метеорологических станций Надворному Советнику Николаю Аркадьевичу Коростелеву летом настоящего года осмотреть заведываемую Вами метеорологическую станцию, проверить ее инструменты, дать Вам, какие Вы пожелаете указания относительно производства наблюдений и обращения с приборами.

Доводя об этом до Вашего сведения, Обсерватория обращается к Вам с покорнейшей просьбою не отказать Коростелеву в возможности с Вашей стороны содействовать к успешному выполнению возложенного на него поручения.

*Директор Обсерватории М. Рыкачев
Заведующий работами в Отделении А. Каминский*

* * *

*В Императорскую Академию наук
Правления Канцелярию*

Сим имею честь покорнейше просить Канцелярию Правления выслать мне плату за производство и доставку в Обсерваторию метео-

рологических наблюдений с 1 июля месяца 1906 года.

Заведующий станцією Порочкин

* * *

НГФО: оплачено по 1 июля 1906 г.

1 месяц – 15 рублей.

11 месяцев – 165 рублей.

Получены записи наблюдений по май (вкл.) 1907 г. Можно уплатить.

Делопроизводитель ГФО Е. Мельченко

* * *

24 марта 1911 г. № 1204

В Имандру, г-ну наблюдателю Г. Н. Порочкину

Судя по записям наблюдений Вашей метеорологической станции, положение минимального термометра оказывается черезчур наклонным (слишком опущен резервуар), благодаря чему штифтик термометра опускается от собственной тяжести, при возможных сотрясениях будки днем. Для устранения этого недостатка не откажите изменить положение латунных держателей, на которых лежит термометр в клетке, посредством изгибаия их так, чтобы сделать положение термометра более горизонтальным.

Директор Обсерватории академик М. Рыкачев
Заведующий работами в Отделении А. Каминский

* * *

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Сим имею честь уведомить Обсерваторию, что вследствие моего перемещения в Архангельск, в текущем марте месяце, заведывание метеорологической станцией передаю вновь назначенному Заведующему Отделением телеграфа Ивану Александровичу Добрынину. По прибытии Добрынина в Имандру, сдам ему все инструменты под особую

опись, которую и представляю Обсерватории. С записью наблюдений и ведением таблицы по наблюдениям Добрынина ознакомлю.

Покорнейше прошу Обсерваторию следующие мне деньги за доставленные мною наблюдения за январь, февраль и текущий март, выслать в город Архангельск на мое имя.

*11 марта 1911 г.
ст. Имандра*

*Заведующий станцией
Порочкин*

Наблюдатель Иван Александрович Добрынин

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

При сем представляю сведения метеорологических наблюдений по станции за апрель месяц, как в первый раз производившиеся мною, почтительнейше прошу Обсерваторию не отказать в указаниях неправомерностей, если таковые будут замечены при просмотре этих сведений, а также разъяснить, как поступать в таких случаях, например: по минимальному термометру значится в записной книжке за 8 число, утром – -1,2, днем – +3,5 и вечером – -4,5, или за 17 число: утром – -1,5, днем – -1,2 и вечером – -3,2, то есть какая должна быть цифра за день как самая низкая температура воздуха, проставляемая в месячную таблицу наблюдений в графу “минимум”, рубрики “температура воздуха” (берется низкая холода или тепла?), так как я в инструкции не нахожу о подобных случаях, вследствие чего в представляемой вам таблице наблюдений оставлены пробелы за те дни, в кои температура воздуха была за все три раза наблюдений в сутки тождественна произведенным выше примерам.

*Наблюдатель станции
18 апреля 1911 г.*

Иван Добрынин

***

*28 мая 1911 г.
№ 2159*

*Г-ну наблюдателю метеорологической станции в Имандру
И. А. Добрынину на письмо от 18 апреля*

В тех случаях, когда показания штифтика в минимальном термометре за три срока: 7 ч утра, 1 ч дня, 9 ч вечера оказываются за один и тот же день то выше, то ниже нуля, следует не принимать вовсе во внимание показания выше "0", а вписать в графу "минимум" месячной таблицы наибольшее из чисел, имеющих знак "минус".

Так, например: в приведенных в вашем письме случаях наименьшая температура за 8 апреля будет равна -4,5, а за 17 апреля равна -3,2.

Пользуясь случаем, покорнейше просим не отказать при колебаниях по минимальному термометру отсчитывать во все сроки не только штифтик, но и показания спиртного столба. Обсерватория будет весьма признательна Вам за исполнение этой просьбы.

* * *

10 ноября 1912 г.

№ 3169

*Г-ну начальнику в Имандре телеграфного отделения
И. А. Добрынину*

Николаевская Главная Физическая Обсерватория поручила заведующему отделением наблюдений и поверки инструментов Дмитрию Александровичу Смирнову летом настоящего года осмотреть Имандрскую метеорологическую станцию. Проверить ее инструменты и дать Вам необходимые указания относительно обращения с приборами и производства наблюдений. Доводя об этом до Вашего сведения, Обсерватория обращается к Вам с покорнейшею просьбой не отказать Д. А. Смирнову в возможном содействии к успешному выполнению возложенного на него поручения.

Метеорологическая станция в Имандре предположительно в хозяйственном отношении будет передана в ведение Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности.

По всей вероятности, во время посещения станции Д. А. Смирно-

вым вместе с представителем Отдела торговых портов выяснится, когда именно может состояться передача и какие требования будут предъявляться к наблюдателю после передачи станции.

*Директор Обсерватории академик М. Рыкачев
Зав. работами в Отделении А. Каминский*

* * *

*3 декабря 1913 г.
№ 1594*

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Центральная станция просит Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию направлять свои пакеты в Имандру на имя Ивана Александровича Добрынина, который и состоит там наблюдателем гидрометеорологической станции, а не господина Порочкина. на имя которого НГФО посылает свои пакеты. Последний не проживает в Имандре, и пакеты НГФО препровождаются оттуда на Центральную станцию.

*Вр заведующий Центральной
гидрометеорологической станцией (подпись)
Делопроизводитель (подпись)*

* * *

Выписка из журнала наблюдений за май 1914 г.

19-го мая во время часового наблюдения максимальный термометр за № 6687 во время смачивания выскользнул нечаянно из руки, упал на землю и разбился, а потому заменен новым за № 6688.

Наблюдатель станции Кульвинский

ИМАНДРСКАЯ
метеорологическая станция
2-го разряда
Архангельск губернии
Александровского уезда

19 декабря 1911

Наблюдения метеорологической станции
№ 12 - Архангельск 1911 г.
19 декабря

Почтеннейшему моему
господину Ивану
Александровичу
Добрынину
находящемуся в
Вознесенском заповеднике
на метеорологическом
наблюдении по 31 декабря
с. г. за метеорологические

Ивану Александровичу Добрынину

Машино устный наблюдений
по 31 декабря 1911 г. наложенный
А. Имандрский

ГФО от наблюдателя И. А. Добрынина, где он просит выслать деньги
за доставленные метнаблюдения.
19 декабря 1911 г.

ГЛАВА IV

СЕТЬ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ СТАНЦИИ ОТДЕЛА ТОРГОВЫХ ПОРТОВ

Необходимость метеорологического обеспечения торгового мореплавания и строительства портов возникла еще в 80-х годах XIX века.

В то время уже имелся отдел морской метеорологии и штормовых оповещений при ГФО, организованный в 1876 году. Однако этот отдел обслуживал в основном военный флот. Торговое мореплавание, не менее остро нуждавшееся в метеорологическом обеспечении, практически было лишено всего.

Поэтому Отдел торговых портов с 1909 года начал создавать свои метеорологические метеостанции.

В 1912 году на развитие гидрометеорологической службы на Черном, Азовском, Каспийском, Балтийском морях, на Белом, Баренцевом и других морях Северного Ледовитого океана, а также на организацию дополнительных станций 2-го класса было отпущено 281 тыс. рублей. Всего было намечено создать 40 станций I типа (близких к «опорным» станциям ГФО), 94 станции II типа на суше (так называемые «постоянные») и 16 станций II типа на пароходах.

Наблюдатели станций Отдела торговых портов набирались только из числа людей, прошедших специальную подготовку к производству наблюдений. Все наблюдатели считались на службе в Отделе торговых портов и должны были работать только на станциях, никакого совмещения по работе не допускалось.

На станции I типа направлялись два наблюдателя. Для подготовки наблюдателей были организованы особые курсы: лекции и практические занятия вели известные специалисты метеорологии и гидрологии.

Общее руководство сетью гидрометеорологических станций осуществляло совещание при гидрометеорологических станциях Отдела торговых портов, в работе которого принимали участие в качестве глав-

ных специалистов профессор А. В. Клоссовский (по метеорологии) и И. Б. Шпиндлер (по гидрологии). Большую помощь в организации этой сети и руководства ею оказал заведующий отделом станций II разряда ГФО А. А. Каминский.

Ко времени организации гидрометеорологической службы Отдела торговых портов на побережьях морей существовало довольно много метеорологических станций ГФО и гидрометеорологических станций Главного гидрографического управления Морского министерства.

Однако многие из них были недостаточно обеспечены и вряд ли могли расширить программу своих работ. Строительство же новых станций, особенно в безлюдных местах, где вообще было мало пунктов, пригодных для организации станций, привело бы к ненужному дублированию и напрасной трате значительных средств. Поэтому Отдел торговых портов обратился к ГФО с просьбой о передаче некоторых приморских станций в ведение его гидрометеорологической службы. Директор ГФО М. А. Рыкачев согласился передать этой службе почти все северные станции (кроме станций Балтийского моря); передача произошла осенью 1912 года.

А. А. Каминский в своей работе «Памяти В. В. Шипчинского» писал:

«Особо надо отметить деятельность гидрометеорологической службы Ледовитого океана и Белого моря. Стараниями заведующего службой В. В. Шипчинского были организованы Центральная гидрометеорологическая станция в Архангельске и сеть гидрометеорологических и аэрологических станций на побережьях Баренцева, Карского и Белого морей. Даже в тяжелых условиях военного времени (1912-1914 гг.) эта служба работала образцово. Кроме прогнозов погоды для упомянутых морей посылались регулярные оповещения о состоянии льдов, для этой цели ежедневно составлялись карты распределения льдов на северных морях на основании телеграфных сообщений».

В 1912 году были организованы гидрометеорологической частью Отдела торговых портов регулярные судовые наблюдения в Белом море и некоторых других морях Северного Ледовитого океана. Однако Первая мировая война, начавшаяся в это время, затормозила дальнейшее развитие этого начинания.

21 января 1914 года было созвано совещание для налаживания

взаимодействия сети Отдела торговых портов и Главной физической обсерватории. Совещание это проходило при участии представителей обеих сторон под председательством нового директора ГФО академика Б. Б. Голицына.

Переписка Центральной метеорологической станции с гидрометеостанцией «Кандалакша»¹

ГМС «Кандалакша» – открыта в сентябре 1912 г.

В ноябре 1933 г. метеоплощадка перенесена на 80 метров к северо-востоку. Наблюдения проводились до февраля 1960 г.

Станция передана МУГМС в июне 1951 г.

С января 1960 г. станция закрыта.

С января 1960 г. открыта РВС – радиоветровая станция «Кандалакша».

Каталог гидрометеорологических станций МУГМС

Выписка из журнала наблюдений за ноябрь 1912 г.

6-го ноября после наблюдения в 14 дня термометры максимум и минимум заменил запасными (максимум № 70044 (6558), минимум № 68656 (6154)).

* * *

Санкт-Петербург, НГФО,

Отделение метеорологических станций 2 разряда

№ 2513

¹*Среди архивных материалов по делам метеорологической службы я обнаружила служебные письма, корреспонденцию, касающуюся деятельности гидрометеорологической станции «Кандалакша». Переписка начинается с 1912 года и ведется уже с Центральной метеорологической станцией, находящейся в г. Архангельске, а не с Санкт-Петербургской Главной физической обсерваторией.*

22 мая 1913 г.

Г-ну заведующему гидрометеорологической станции в Кандалакше

Отделение метеорологических станций 2 разряда при Николаевской Главной Физической Обсерватории, препровождая при сем табличку с новою поправкой к показаниям ртутного барометра гидрометеорологической станции в Кандалакше, покорнейше просит Вас пользоваться ею, начиная с 1-го числа следующего месяца по новому стилю.

За заведующего работами в отделении М. Городенский

* * *

Выписки из журнала наблюдений.

6-го октября 1913 г. после 2-го отсчета найдено, что в барометрической трубке есть воздух. Попытка выгнать его опрокидыванием вверх чашкой и постукиванием по трубке, но неудачно – воздух не удался. 27-го в 10 часов утра барометр № 70297 (1251) заменен новым за № 67946 (1217).

14 марта 1914 г. родниковый термометр для поверхности воды № 70726 (6549) разбит после дневного наблюдения и заменен № 70725 (6548).

* * *

Выписка из журнала наблюдений за январь 1915 г.

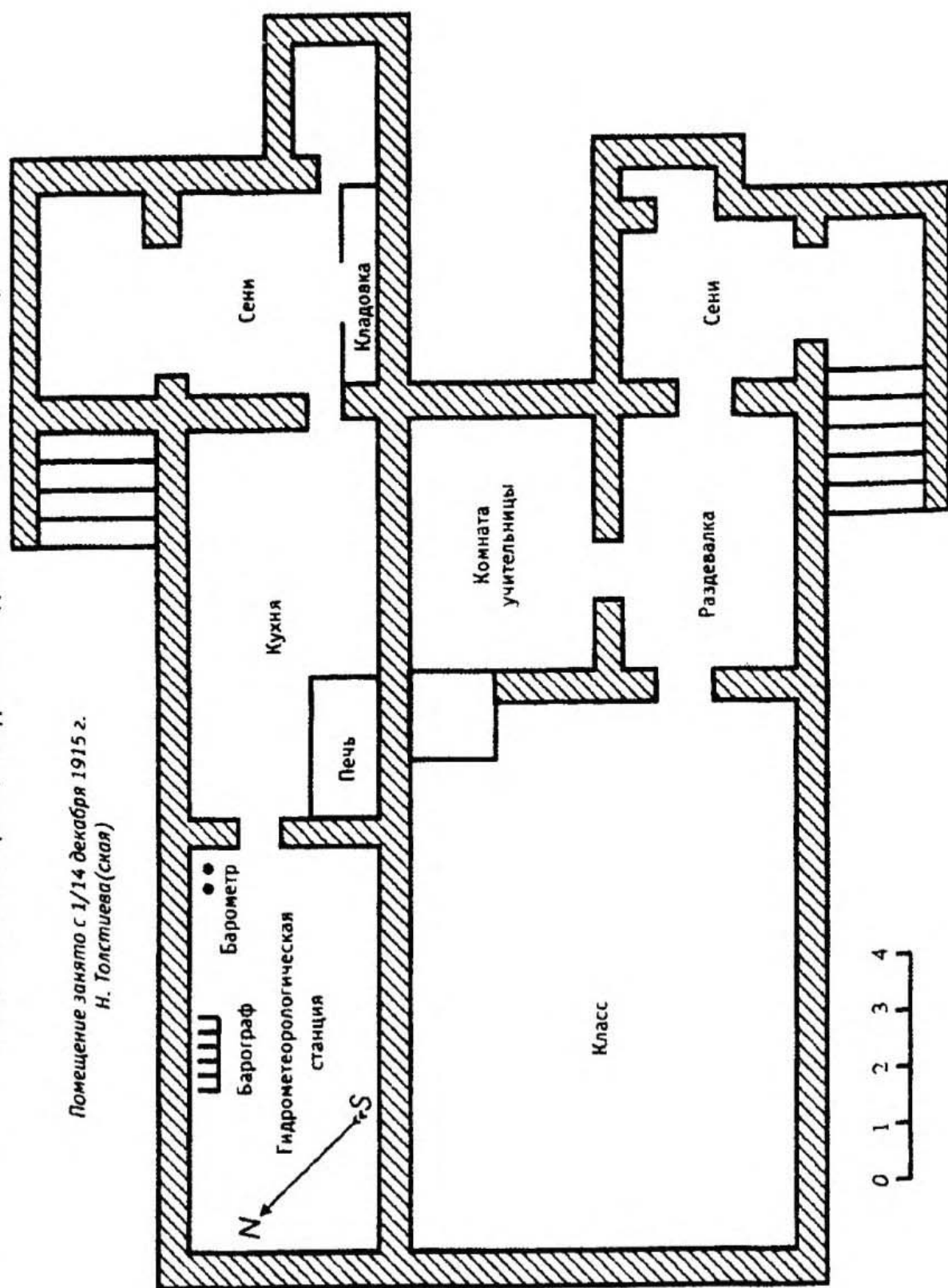
4-го в 2 часа ртутный чашечный барометр № 67946 (1217) и сифонный барометр Вильда-Фусса № 86383 (1332) перенесены в новое помещение, нанятое для помещения станции.

* * *

ПЛАН

ЗДАНИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ В Г. КАНДАЛАКША АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
 С УКАЗАНИЕМ ПОМЕЩЕНИЙ, АРЕНДУЕМОГО ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИЕЙ.

Помещение занято с 1/14 декабря 1915 г.
 Н. Толстиева(ская)

Станция Кандалакша

6 апреля 1915 г.

№ 29

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Настоящим извещаю Обсерваторию, что присланная при отношении за № 1058 новая таблица для обозначения силы ветра в единицах шкалы Бофорта, мною получена и с 1-го мая нового стиля будет применена при составлении ежедневных метеорологических телеграмм.

*Заведующий гидрометеорологической
станции «Кандалакша» В. Николаев*

* * *

26 июня 1915 г.

№ 1079

г. Архангельск

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

Центральная Станция имеет честь уведомить Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию, что барометры на станции «Кандалакша» действительно были перенесены в новое помещение 4-го января сего года. Высота их над уровнем моря определена по способу простейшей нивелировки (см. № 32 «Свода циркулярных распоряжений Центральной Станции») и оказалась равной 8-ми метрам. Прежняя же их высота над уровнем моря была равной 12 метрам.

*Заведующий Центральной гидрометеорологической
станции Тинчижный
Делопроизводитель С. Кокоин*

* * *

Выписка из отношения

от 30 октября 1915 г.

вх. № 4298

...Вместе с тем Центральная Станция имеет честь уведомить Обсерваторию о том, что наблюдателем станции «Кандалакша» 14-го июня (27 июня нового стиля) 1915 года было произведено определение высоты барометра в том положении, в котором барометр находился с 4-го января 1915 г., с помощью инструментальной нивелировки, и высота получена – ходом от высокого уровня воды 3,75 м, ходом от низкого уровня воды 6,48 м. Следовательно, высота барометра станции от среднего уровня воды 14/27 июня равняется 5,12 м.

Также высота 5 метров получена наблюдателем зимой по разности давления над уровнем моря и на станции, определенной при помощи переноски anerоида. Таким образом, ранее определенную наблюдателем высоту барометра в 8 метров следует считать ошибочной и принять с 4-го января 1915 года: барометр находится на высоте 5,1 м над уровнем моря.

* * *

Выписка из журнала наблюдений.

1-го ноября 1915 г. в 7 ч 35 мин максимальный термометр № 70044 (6358) заменен термометром № 70043 (6357), потому что после встряхивания в нем плохо соединялся столбик ртути.

15-го декабря 1915 г. нового стиля барометр и все прочие приборы, находящиеся в помещении гидрометеорологической станции в доме капитана Г. М. Жидких, перенесены во вновь нанятое для станции помещение в здание церковно-приходской школы. Высота барометра над уровнем моря осталась в новом доме прежнею, то есть 5 метров.

* * *

№ 2627

Г-ну Заведующему Центральной Гидрометеорологической Станцией Белого моря в Архангельске

По сообщению наблюдателя гидрометеорологической станции в Кандалакше, метеорологические приборы этой станции были перенесены 15 декабря 1915 г. к церковно-приходской школе.

НГФО покорнейше просит не отказать прислать описание установки приборов на новом месте, а также сообщить результат связочной нивелировки между прежним и новым положением барометра. За исполнение этой просьбы Обсерватория была бы весьма признательна Вам.

*И. о. Директора Обсерватории
(Прилагается программа описания станции)*

* * *

*Центральная Гидрометеорологическая Станция г. Архангельска
4 июня 1916 г.*

№ 1046

*Гидрометеорологическая служба Северного Ледовитого Океана и
Белого моря.*

В Николаевскую Главную Физическую Обсерваторию

В ответ на Ваш запрос от 27 мая 1916 года за № 26270 о переносе станции «Кандалакша» на новое место Центральная Гидрометеорологическая Станция имеет честь уведомить Обсерваторию, что наружные приборы станции остались на своем старом месте, где они были установлены в 1912 году.

15 декабря 1915 г. произошла смена квартиры наблюдателя, и барометр перенесен в одну из комнат церковно-приходской школы.

Высота нового места барометра, согласно произведенной наблюдателем инструментальной нивелировки, оказалась прежней, т. е. 5 метров над средним горизонтом моря.

План помещения наблюдателя и месторасположение барометра при сем прилагается.

*Заведующий Центральной
Гидрометеорологической станции
Старший наблюдатель*

* * *

Выписка из журнала наблюдений за ноябрь 1916 г.

10 числа в 5 часов вечера была обнаружена пропажа из запертой на замок термометрической будки термометров: максимальный № 70043 (6357) и минимальный № 6856 (6154), которые 11 числа в 7 ч 30 мин уутра заменены запасными: максимальный № 70044 (6358) и минимальный № 68885 (6153).

* * *

Выписка из отношений

Вх. №4298

от 30.10.1915 г.

Вместе с тем Центральная Станция имеет честь уведомить Обсерваторию о том, что наблюдателем станции «Кандалакша» 14-го июня 2-го июня нового стиля 1915 года было произведено определение высоты барометра в том положении, в котором барометр находился с 4-го января с помощью инструментальной нивелировки и высота получена - ходом от высокого уровня воды 3,75 м, ходом от низкого уровня 14/27-го июня равняется 5,12 метрам.

Так же высота 5 метров получена наблюдателем зимой по разности давлений над уровнем моря и на станции, определенной при помощи переноски anerоида.

Т.е., ранее определенную наблюдателем высоту барометра в 8 метров следует считать ошибочной и принять, что с 4-го января 1915 года барометр находится на высоте 5,1 метров над средним уровнем моря.

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

СТАРИННЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ И ВЕСА

В некоторых рапортах и письмах употребляются старинные меры длины и веса:

верста	- русская мера длины, равная 1,0668 км
аршин	- 71,12 см
вершок	- русская мера длины, равная 4,45 см (4 вершка = 1 пяди)
пядь	- 17,78 см
дюйм	- 2,54 см
фут	- английская мера длины, равная 0,3048 м
фунт	- мера веса, равная 0,45359237 кг
пуд	- 16,38 кг
сажень	- 2,1336 м.

Даты создания метеостанций:

1. Кольская метеостанция – 1 января 1878 года.
2. Териберская метеостанция – 1 августа 1889 года.
3. Ловозерская метеостанция – 12 марта 1899 года.
4. Александровская метеостанция – 8 августа 1899 года.
5. Метеостанция «Имандра» – 10 сентября 1900 года.
6. Метеостанция «Кандалакша» – 12 сентября 1912 года.

Первые наблюдатели метеостанции «Кола»:

1 января 1878 г. – 20 октября 1893 г. – шкипер Хохлов Аполлон.

20 октября 1893 г. – 1 августа 1898 г. – учитель Темнорусов Александр Михайлович.

1 августа 1898 г. – 24 августа 1924 г. – лекарь Шатков Федор Федорович.

Первые наблюдатели метеостанции «Териберка»:

12 августа 1889 г. – май 1893 г. – лекарь Видякин Иван Иванович.

25 мая 1893 г. – август 1896 г. – лекарь Шатков Федор Федорович.

7 ноября 1896 г. – январь 1900 г. – лекарь Рыжков Филипп Афанасьевич.

4 января 1900 г. – июль 1901 г. – лекарь Потехин Галактион Никитович.

1 августа 1901 г. – январь 1915 г. – лекарь Кулей Фотий Антонович.

14 января 1915 г. – лекарь Ушаков А.

Первые наблюдатели метеостанции «Александровск»:

8 августа 1899 г. – 18 апреля 1900 г. – лекарь Шатков Федор Федорович
18 апреля 1900 г. – сентябрь 1913 г. – лекарь Рыжков Филипп Афанасьевич.
сентябрь 1913 г. – 1916 г. – наблюдатель Бриллиантов В. С.

Первые наблюдатели метеостанции «Ловозеро»:

1 марта 1899 г. – 18 апреля 1900 г. – священник Шмаков Николай Николаевич.
18 апреля 1900 г. – июль 1902 г. – крестьянин Артеев Иван Иванович.
22 августа 1902 г. – 10 сентября 1903 г. – учительница Догадкина Елизавета Дорофеевна.
10 сентября 1903 г. – 6 июля 1913 г. – Чупрова Павла Никифоровна.

Первые наблюдатели метеостанции «Имандра»:

10 сентября 1900 г. – 6 июля 1903 г. – телеграфист Красков Аким Николаевич.
6 июля 1903 г. – 10 сентября 1905 г. – его дочь Краскова Мария Акимовна.
10 сентября 1905 г. – 18 апреля 1911 г. – телеграфист Порочкин Григорий Петрович.
18 апреля 1911 г. – май 1914 г. – телеграфист Добрынин Иван Александрович.

Май 1914 г. – телеграфист Кульвинский.

Первый наблюдатель метеостанции «Кандалакша»:

Сентябрь 1912 г. – метеоролог Николаев В.

Литература

Известия Всесоюзного географического общества. Т. 78. Вып. 3. Л., 1946. С. 364.

Гидрологическая служба Северного Ледовитого океана и Белого моря // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 14.

Дерюгин К. М. Мурманская биологическая станция. 1899-1905 // Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. XXXVII. Вып. 4. СПб., 1906.

Книпович Н. М. Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана. СПб., 1906.

Мелетиев В. Лопари и лопарские церковные школы // Народное образование. 1910. Кн. 10. Т. 2. С. 289-304.

Андрианов А. С. Жизнь на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 9, 11; 1910. № 7.

Нездюров Д.Ф. «Очерки истории развития метеорологических наблюдений в России».

РАННИЕ ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «МУРМАНСК» БЕЗ ПЕРЕРЫВА В НАБЛЮДЕНИЯХ

...Октябрь 1917 года. Месяц выдался ветреный, холодный. Наблюдатель Мурманской метеостанции Антон Галко занес отчеты в записную книжку и поспешил назад, в дом.

Возле крыльца заметил бумажный лист, пестреющий буквами. Потом при тусклом свете лампадки прочитал: «Приказ № 1. О переходе власти к Ревкому... Всею полнотою власти обладает Мурманский революционный комитет, а посему все приказы, издаваемые Революционным комитетом, должны строго выполняться».

- Ну дела! Заварили кашу! – подумал Антон, аккуратно сворачивая лист бумаги.

...Так, а может, и не так все это происходило. Сказать трудно. Это было 70 лет назад. В «Каталоге гидрометеорологических станций Мурманской области» отмечено: дата открытия гидрометеостанции «Мурманск» – 23 октября (5 ноября) 1917 года. Открыта Центральной станцией гидрометслужбы Северного Ледовитого океана и Белого моря, г. Архангельск.

Открытие Мурманской метеостанции тесно связано с основанием торгового порта. Первоначально она и находилась на его территории.

4 октября 1924 года метеостанция была перенесена на базу управления лоцманской службы. Это уже был период ее становления.

Начиная с 19 мая 1925 года, в «Полярной правде» на последней странице среди прочих объявлений печатается «Бюллетень погоды». Например, в Мурманске в тот день «температура воздуха – 0,8 градуса, атмосферное давление – 759,5 мм ртутного столба. Ветер северо-западный, 4 балла по Бофорту. Температура воды в Кольском заливе – 2,9 градуса, ожидается сильный ветер».

Кроме того, изредка публиковались небольшие заметки о стихийных явлениях погоды. Одна из них за 7 апреля 1925 года называлась «Полярные ветры и «красный петух». Почитаем ее:

«В воскресенье, 5 апреля, пронеслась над Мурманском сильная буря. Около 10 часов вечера раздались тревожные гудки паровозов, воз-

вещающие о пожарах. В разных частях города загорелась сажа в дымоходах, и огонь был выкинут из труб. Пожарная команда быстро выехала на место и ликвидировала возникавшие пожары.

Масса граждан была встревожена паровозными гудками и покинула киносеанс, куда отправились для проведения остатка дня отдыха. Однако следует во избежание опасности обратить внимание на исправность дымоходов, каковые обычно чистят несвоевременно.

Профкор Г. Ц.»

Старый мост на Петушинке. 2002 г.

С 11 ноября 1934 года гидрометеостанция была переведена в Пригородный поселок на мыс Халдеев (район Петушинки).

В техническом деле станции отмечено: «Перерывов в наблюдениях станция не имела».

Перерывов в наблюдениях станция не было даже в период Великой Отечественной войны.

В героическую оборону Советского Заполярья влилась и частица труда гидрометеорологов. С 22 июня 1941 года Мурманское управление гидрометслужбы было реорганизовано в управление гидрометслужбы Северного флота. Мурманские гидрометеорологи обеспечивали оперативными сводками флот, авиацию, наземные войска.

О том, как работали метеорологи в войну, я попросила рассказать ветерана станции Н. В. Лозицкую.

- Когда началась война, меня перевели в поселок Луостари, что был на границе. Бои были сильные в тех местах. А мы работали, делали свое дело. Вначале у нас был дом, хороший дом. В 1941 году, когда бомбили Мурманск, фашисты сбросили на нас бомбы. Домик сгорел. Пришлось построить землянки.

Мне тогда было 19 лет. Со мной работали Ася Данилова – старший наблюдатель, Шура Туманова и Иосиф Кравчук. Однажды Кравчук пошел на метеоплощадку – и как раз налет. Он погиб. Пограничники похоронили его останки.

В 1943 году нас перевели на станцию «Цып-Наволоок». Здесь насмотрелись ужасов, когда бомбили караваны судов...

Здание управления гидрометслужбы в Мурманске не раз повреждалось во время бомбежек. Четыре раза гидрометеорологи были вынуждены переезжать из одной части города в другую. Наиболее трагично закончился для метеостанции авианалет 14 июля 1942 года.

- В этот день, – вспоминает Тамара Давыдовна Ильина, работавшая во время войны в бюро погоды, – было ясно и солнечно. Начался очередной налет... Бомба угодила в наше здание. От него осталось две стены. Погибли два радиста, комсомольцы М. А. Землянская и В. А. Купцов. А мы, оставшиеся в живых, под открытым небом, при непрекращающихся налетах продолжали обрабатывать карты и составлять прогнозы.

Капитолина Васильевна Фурман начала работать в управлении гидрометслужбы в июле 1944 года. Была зачислена в состав действующей части. Вспоминала часто, как отвечала на запросы военных: «Вылет! Дайте все данные!».

Нельзя было ошибиться. Успех боевых операций был прямым образом связан со сводками погоды,

Нина Леонидовна Золотовская – тоже ветеран. Но ее трудовой путь начался в послевоенные годы.

Вид на залив с метеоплощадки Мурманской метеостанции

Интересно слушать рассказы о том, с чего начиналась послевоенная станция, кто на ней работал тогда. Это теперь океанологи и метеорологи имеют высшее образование. А первых специалистов готовили, оказывается, на нашей станции. О приборах, которые стоят сегодня, тогда и мечтать не могли.

Только традиции, заложенные нашими ветеранами, остались прежними, быть верными делу – главная из них.

Октябрь нынешнего года оказался теплым и ветровым. Скорость ветра в порывах достигала 25 метров в секунду. Даже в наблюдательской слышен его разбойничий свист. Но я вооружена до зубов. На страже погоды стоят самые совершенные приборы. Блестят их кнопки, тумблеры, мигают лампочки индикаторов, счетчиков. Я – царь природы, я – человек.

На метеоплощадке

Потуже завязываю пояс, застегиваю все пуговицы, натягиваю поглубже шапку... Ветер набрасывается на меня, толкает в спину, тащит как песчинку.

Что-то я себя чувствую совсем не по-царски. Так кто же царь? Природа или человек? А может, лучше вовсе без царей, останемся друзьями. Мы будем беречь природу, природа беречь нас. Другие времена, другие проблемы.

1. Выгрузка дров. Мыс Св. Нос, 1972 г.

3. Стадион «Труд», запуск зонда. Автор Шорохова Л.Я.
На заднем плане начальник АС Скрыбин Е.Н., 1979 г.

ХРАНИТЕЛЬ ЗАЛИВА

Автобус шел неуклюже, покачиваясь, замедлил ход и остановился. «Зеленый мыс», – объявил водитель. Из автобуса вышла немолодая женщина. В руке портфель.

Женщина эта – наблюдатель Мурманской метеостанции Капитолина Васильевна Фурман. Ее путь лежит через проходную торгового порта на водомерный пост. Она идет на работу не спеша, неторопливо: в запасе есть еще время.

Ее приветствуют портовики. Они хорошо знают эту славную женщину, здороваются с ней. Знают и маленький дощатый домик – водомерный пост.

Наблюдатель отпирает замок, заходит в комнату, включает приемник: надо проверить часы. И сразу же принимается за работу – измеряет температуру воздуха, температуру воды в заливе, определяет соленость, плотность морской воды. Осторожно, ловко работает она с хрупкими стеклянными трубками.

Радио просигналило 14 часов. Наблюдатель подходит к самописцу, меняет на барабане ленту, на которой специальными чернилами обозначена линия уровней воды, затем спускается по лестнице вниз, определяет высоту воды, отчерпывает воду для следующего анализа. И еще много, много у нее дел впереди. Движения ее во время работы точны, выверены, последовательны – ни одного лишнего.

Капитолина Васильевна работает одна. Никто ее не контролирует. Казалось бы, разок можно и не так тщательно сделать. Но нет, не может. У нее есть верный контролер – сердце. Не принимает сердце плохой работы. Не привычно ей отлынивать, хитрить. Строга и требовательна к себе Капитолина Васильевна. Это у нее закалка еще с Ниванкюля.

Ниванкюль – далекий, заснеженный, в глухой чаще леса. Ниванкюль – ее весна, ее юность. И теперь снится он ей, снится, как спешит она на метеорологическую площадку, как когда-то в юности. Здесь прошла она школу взросления, возмужания. Здесь начинается ее трудовой путь. Весь уют и комфорт – тесная землянка, печурка, свеча да керосиновая лампа. Керосин сэкономили: когда еще завезут. 1946 год – время послевоенное, не до комфорта было. А уют сами как могли создавали. Здесь она выдержала проверку на прочность.

Поэтому спокоен начальник Мурманской метеостанции Борис Егорович Большаков, уверен, что на водопосту все будет в порядке. Надежный человек работает. Он давно ее знает. Еще с тех пор, когда она в управлении в отделе кадров работала.

А до этого были Пулозеро, Кола, Мурманская метеостанция. Потом перешла работать в отдел сети. Вот тут-то и заметила ее начальник отдела кадров Евдокия Степановна Коростылева. Предложила работать вместе. В ней разглядела она неутомимую труженицу, способную без шума, без суеты, не оглядываясь на других, работать много и хорошо. Что верно, то верно: Капа была неутомима.

А за маленьким окном водпоста уже таял день. Надвигались сумерки. На горизонте за заливом четко очерчена волнистая линия сопки. Вдоль этой линии ровная яркая полоса заходящего солнца. Будто кто-то невидимый включил за сопками электрический свет и теперь потихоньку уменьшает напряжение. Свет плавно, но непрерывно убывает, угасает. Сопки, исчезая в темноте, теряют четкость своих очертаний.

Водпост «Кольский залив»

Капитолина Васильевна встала из-за стола, вышла из комнаты. Прошла через маленький коридор в помещение, где находится колодец с установленным в нем прибором. Подошла к самописцу, сделала риску

на ленте. Решила взглянуть на колодец, проверить. Открыла дверцу, пригляделась. Сердце ее замерло. В черной воде всплыло что-то темное. Страх сковал движения. Она не могла сдвинуться с места. Непонятный предмет поднимался все выше и выше. Уже показались две черные ноздри, усы, а вскоре – вся голова. Это был тюлень. Его маленькие блестящие глазки смотрели на женщину пристально и с любопытством. «Ах ты, дурашка! Так напугал!». Верно, он давно живет здесь, подумала она, вспомнив, как однажды что-то промелькнуло в колодце, но тогда она и не предполагала, что это зверь. А вот сейчас любопытный зверь решил познакомиться поближе.

Наблюдатель потихоньку отошла назад, пошла в комнату, вернулась, прихватив сухарей. Тюленя в колодце уже не было. Она набросала сухарей в колодец, может, еще вернется.

Время 20 часов. Пора снова делать срок. Капитолина Васильевна берет психрометр, чтобы измерить температуру воздуха, и выходит на крыльцо, прилаживает прибор на крюк.

На пристани снуют рабочие. Рядом с огромным океанским судном тарахтит озабоченно буксир. Судно пришвартовывают к пристани. С него доносятся непривычные возгласы, нерусские слова. Иностранец пришел, догадывается наблюдатель. Опять апатит будут грузить. Маленький юркий буксир, словно новогодняя елка, весь в разноцветных огнях: желтых, красных, зеленых.

Вода сверкает, переливается отраженным светом, как драгоценный камень: таинственный, манящий, праздничный и торжественный. Драгоценный – да, но не камень. Залив живет своей жизнью. Вода его текуча и подвижна, будто кто-то живой, большой притаился за причалом.

Капитолина Васильевна любит свой Кольский залив. Любит, как большого доброго друга. За четыре года работы на водомерном посту привыкла к нему. Он постоянно рядом. За тонкими стенами домика все время ощущается его присутствие. Она слышит то его ровное, мерное дыхание, то ласковый, нежный шепот, то ворчливое бормотание. Но иногда он показывает свой свирепый, неукротимый нрав. Тогда трещат, ломаются доски обшивки колодца, не выдерживая его дикого натиска. И ее по-женски чуткое сердце слышит его боль. Плохо еще берегут его здоровье, часто тянется с залива запах нефти.

Однажды увидела Капитолина Васильевна, как бульдозер, подхва-

тив большую кучу апатита, счищенного с причала, направился к заливу. Еще момент – и апатит окажется в заливе. Что делать? Как остановить его?

Шум двигателя был таков, что кричать было бесполезно. Оставалось одно – и женщина встала перед бульдозером. Наконец машина остановилась. До кромки причала оставалось полметра. Из кабины выскочил водитель: худощавый юркий мужичок.

- Ты что? Жить надоело? – крепко выругался он.

- Поворачивайте назад – спокойно и твердо сказала Капитолина Васильевна. – Вы знаете, что апатит в залив сбрасывать запрещается?

Бульдозерист молчал.

- Знаете, знаете, – подытожила наблюдатель. – Может, акт составим?

Водитель стоял, как нашкодивший мальчишка перед строгой матерью.

Поступить так было для нее естественно и необходимо. Наблюдать за чистотой залива – это ее долг и обязанность и как наблюдателя, и как гражданина своего города.

Нашли же потом место для счищаемого апатита, и в настоящее время не сбрасывают его в залив. Верит Капитолина Васильевна в чистое будущее Кольского залива. Она знает: все больше у нее единомышленников и все мощнее и увереннее их голос в его защиту.

Светится окно в маленьком домике, горит настольная лампа. Капитолина Васильевна сняла очки, положила их на стол: утомились глаза. Рядом в трехлитровой банке – морская вода. Здесь вода фильтруется, по каплям стекает по узкому шлангу. На острие трубки капля замирает. Свет лампы отражается в ней. Капля загорается этим светом, как звездочка на ночном небе. Поиграв лучиками, капля отрывается и падает вниз на фильтр. На ее месте растет новая звездочка. Капля. Еще капля. Кап-кап-кап. Полбанки осталось.

Вот так, по каплям, время уходит. Много передумается за ночь. Видит она ясный весенний день. Солнце и чистое голубое небо. Буйная весна, звонкие ручьи и кругом – звездная капель. Себя видит молодой и юной – и рядом красивый чернобровый парень родом с Украины. «Как тебя зовут, девушка?» – настойчиво спрашивает он. Она улыбнулась, и глаза озорно заблестели: «А ты послушай, может, догадаешься?» Парень усмехнулся, прислушался. «Кап-кап-кап, ка-па, ка-па», – пело

вокруг. И весь мир наполнился этом весенним именем. И в руку падали маленькие звездочки.

Сколько воды утекло с тех пор. И горе стучалось к ней в дом, но и радости не обходили его стороной. Слава, сынок, вырос, выучился, женился. Внучка Анечка растет – здоровенькая, умненькая. Лариса, дочка, работает. Их радости – ее радости. Сколько от них света, тепла. Конечно, и хлопот и забот с ними хватает. А счастье всегда там, где заботы. Взрослые дети, а матери не сторонятся – советуются, помогают. Дочь взрослая, а нет-нет да и прильнет к матери, совсем как в детстве, поведаст ей свои девичьи секреты.

Но эта радость особая. Мурманскому территориальному управлению по гидрометеорологии и контролю природной среды как победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании в этом году вручали переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Она вспомнила, как вносили знамя, ниспадающее тяжелыми складками. Даже синие шелковые шторы на окнах заколыхались от бури аплодисментов. И каждый почувствовал на душе огромную радость. Радость и гордость за своих товарищей, за себя – ведь в этой победе частица труда, жизни каждого из них.

Какое это великое, ни с чем не сравнимое чувство – чувство причастности к судьбе своего коллектива, к жизни всей страны. Все близкие, родные друг другу. Ей хорошо знакомо это чувство товарищеского родства. 36 лет она в одном с ними строю. Летом 1946 года переступила она порог этого дома, да так и осталась в нем до сих пор. 36 лет делит с товарищами и неудачи, и победы.

Как-то собрались друзья у Евдокии Степановны Коростылевой: Нина Золотовская, Руфина Зайченкова, Евдокия Толкачева – все вместе начинали работать. Было им что вспомнить. Вспомнили послевоенные годы, как налаживали работу, как по кирпичику восстанавливали разрушенные служебные помещения. Федора Семеновича Терзиева – бывшего начальника управления вспомнили. Хорошо начинали жизнь. Работали, себя не жалели. Нет, не жалели. Потому из чистых ярких звездных капель их жизнь сложилась.

Кончится ночь. Наступит утро. Сделает Капитолина Васильевна еще срок, передаст по телефону сводку. Проверит, все ли в порядке, и не спеша пойдет домой. Впереди встанет солнце. С каждым днем оно опускается все ниже и ниже. Скоро зима, а потом будет весна. Снова все

запоет вокруг, зазвенит веселая капель, и будет вызванивать нежно ее имя.

2 октября 1982 года

ДОБРОТА

Три часа уже прошло, как Нина Трофимовна Дружинина заступила на смену. Проверяет по книжке дежурство предыдущего наблюдателя. Ее карандаш лишь изредка останавливается, исправляя ошибку. За окном темно. Черной полоской между зелеными шторами заглядывает в комнату ночь. Она еще властно хозяйничает на севере. Ветер давит на стекла: вот-вот высадит форточку. А в наблюдательской тепло и тихо. Лишь изредка, нарушая тишину, выстрелит топящаяся печь, ярко осветит стену.

У ног Нины Трофимовны пригрелся станционный пес Ганс, известный своим негостеприимным характером. Глаза и руки наблюдателя привычно делают дело, а мысли текут по своим законам, по своим каналам. Непрошенные, но настойчивые, они волнуют, тревожат, будоражат. Давно ли ее звали просто Нина, а теперь все чаще и чаще слышит она: «Нина Трофимовна».

В погожий сентябрьский день 1955 года пришла она сюда, да так и осталась. 22 календаря уже исписала, исчиркала, сменила на столе. И это не считая тех лет, что проработала и на далеком погосте, и на Мончегорской метеостанции. Срослись, переплелись ее судьба и судьба метеостанции. Вот и Зина Овчаренко в поздравительной открытке написала там, где обычно пишут «Метеостанция», – Дружининой.

И с болью теперь приходится отрывать корни. Молодежь на смену пришла.

Сидят за столом Оля и Ира, шушукаются о чем-то между собой. Секреты от нее держат. А вчера старший техник Шура Минко о чем-то долго разговаривала с начальником. Вышла, молчит, ничего не говорит. Видно, не нуждается в ее советах. И кажется ей, что лишняя тут стала. Обида проходит, но решила не замечать, не обращать внимания...

А дома! Тоже беспокойство. Брат женился. Дети пошли, семья копиться стала. Мать, сестренка младшая: тесно в двухкомнатной квартире. Все чаще напоминает ей об этом жена брата: «Нина, почему тебе жилье не дают? В праздники кто работает? Нина! Подменяться за кем бегут? За Ниной! Заменить, кому звонят? Нине! А как жилье, так нет Нины?»

Что на это ответишь. Она, конечно, одна. Ей проще собраться, легче переехать на другое место. Им здесь лучше остаться. Написала заявление. Ждет ответа. Обещали. «Обещанного три года ждут, – усмехнулась золовка. – Надо почаще напоминать о себе да кулаком по столу стучать, сами не дадут!» Три не три, а уж полгода прошло, ответа нет. Она знает, что с жильем в гидрометслужбе не ахти как богато, каждый метр на счету, поэтому не может она так – по столу кулаком. Но надо бы сходить после работы, выяснить.

- Нина Трофимовна, – прерывает ее мысль Оля, – посмотрите, правильно я ленту обработала?

Они склонились над лентой. Нина Трофимовна взяла линейку-шаблон, наложила на ленту. Руки их на мгновение коснулись.

- Какие у вас руки горячие, Нина Трофимовна, – удивилась Оля.

- Это значит, сердце горячее, – определила Ира, – значит, вы добрая. Моя бабушка добрая, у нее всегда руки горячие.

- Вот уж придумали, – улыбнулась женщина и взглянула на часы. – Пойду «химию» поставлю.

Ганс, заслышав звон стеклянных колб, как сигнал к работе, вскочил, застучал по полу когтями, подбежал к дверям вперед наблюдателя, зацарапал по двери.

В химическую будку попасть не так-то просто – одной рукой дверь открыть нелегко, а в другой она держала поглотители. Северный ветер не позволял открыть дверь, напирал со всей силой. Но вроде все обошлось.

Когда вышла из будки, метель затихла. Недаром говорят: «Семь погод на дню в заполярном краю». Она уже привыкла ко всем странностям погоды. Вглядывается в темноту неба. Сколько лет вот так смотрит она в лицо полярной ночи. И ночь смотрит на нее, подмигивает с высоты вынырнувшей из-за облака звездочкой.

Добрая! Доброта у нее от матери. Та последнее отдаст. Все внуки возле нее выросли. И почему-то именно сейчас припомнился ей про-

шлый разговор, давняя встреча. В ту пору ее проформом выбрали.

Работала у них на станции женщина, имя даже не припомнит уже – то ли Люда, то ли Люба. Проработала она у них год и в декрет ушла. Собрали денег, купили кое-что, и пошла она с подарком к ней. Дверь открыла сама хозяйка, смутилась. Досада и даже недовольство, что пришли неожиданно, отразились в ее глазах. Но, глядя на Нину, еще более смутившуюся, она заставила себя улыбнуться и пригласила в дом. Гостя поспешила успокоить: «Да ничего, я на минутку забежала. Передать вот это». И она протянула пакет женщине. Та развернула, всплеснула руками: «Ах, какая прелесть. Вот уж спасибо, обрадовали. Мне бы ни за что не купить. В таком костюмчике не стыдно и в поликлинику, и в гости заявиться». Она поспешно бросилась собирать пеленки, разбросанные на диване, подняла с пола мокрые ползунки. «Я сейчас, я мигом. Муж еще на работе, одна я».

Нине теперь и вовсе неудобно было сразу уходить, боялась обидеть хозяйку. Комната обставлена скромно. Видно, что семья большая, есть кому škодить.

- Трудно тебе сейчас? – спросила Нина.

- Впятером на одну зарплату мужа живем.

Пришли дети. Девочка-третьеклассница и мальчик-первоклассник. Тихо поздоровались, тихо сели на диван. Нина, вспомнив про гостинцы, достала из сумки апельсины, конфеты. Подала детям. Заметила, как радостно блеснули их глаза.

- Давно не брала им апельсины. Но ничего. Скоро место в яслях получу и на работу выйду. Месяц отработаю – двести рублей. Еще месяц – еще двести. Вот разбогатеет!

Скованность и отчужденность между женщинами растаяли. Медленно помешивая ложечкой чай, хозяйка говорила:

- Ты уж извини, что слова тебе сказать не даю. Давно не говорила о работе. Добрая ты. Всех ты чувствуешь, всех понимаешь. Я радуюсь, и ты счастлива – тоже вместе со мной радуешься. Верно ведь? Ты пришла, и словно солнце принесла, светлее стало и воздуху больше. Я так благодарна тебе. Как хорошо, что не выводится доброта. Вера в людей возвращается.

Вера в людей! Как сейчас и ей нужна эта вера. Нина Трофимовна стояла, прислонившись к хибудке, за стенами которой ровно и мерно гудел пылесос. В эту минуту город был прекрасен. Залитый морем све-

та, он сиял и сверкал огнями. Черный бархат залива переплетали яркие дрожащие ленты отраженного света судовых и причальных огней: красные, желтые, зеленые, белые. Это был праздник огней. Нарядно и торжественно, как в театре. Кто она? Зачем она? Двадцать с лишним лет смотрит на залив. Оберегает его чистоту...

...Тепло от печки обволакивает, связывает, сковывает движения. Нина Трофимовна встала из-за стола, сбросила непрошенный сон. Девчата дремали.

Она осторожно трогает за плечо Олю: «Пора!»

Оля поднимается, толкает Иру, а та ей: «Сейчас, я только минуточку».

- Ладно, пусть подремлет, – говорит Оля.

- Эх, девчата, девчата! У нас же служба, как в армии. Охота-неохота, погода-непогода, а идти надо!

Чуть посветлевшая полоса у горизонта. Утро наступает вяло. И лишь ожившие, засновавшие по заливу суда, протяжные гудки кораблей да голоса диспетчеров, которые доносит ветер, сообщают, что утро все-таки наступило. И скоро новая смена.

Пришли Шура и Таня. Шум, говор, смех наполнили наблюдательскую. И все-таки Нина Трофимовна чувствовала какое-то непонятное напряжение, ожидание чего-то. Вошел начальник метеостанции Большаков: «Ну, Нина Трофимовна, поздравляю вас с новосельем».

- Меня? – удивилась Нина Трофимовна.

- Ну, а кого же? Вы же писали заявление на жилье?

- Писала.

- Ну вот. Правда, комната, не квартира.

- Там-там-там-та-тарата, – запели марш девчонки.

Она еще не верила в происшедшее. И только теперь догадалась, о чем шушукались девчата, о чем секретничали. А она-то...

- Спасибо вам, – голос ее задрожал.

- Ура! – закричали девчата.

- А вы-то чего радуетесь? – пытались их уговорить.

- Мы за Нину Трофимовну.

Она улыбнулась. И от этой улыбки лицо ее сразу посветлело.

28 апреля 1982 года

ОТЧЕГО НЕБО ГОЛУБОЕ

В нашей работе, пожалуй, самое главное и самое трудное – определить, какая в данный момент облачность. Правильно определишь облачность, значит, верно дашь характер, ход погоды. Значит, по нашим данным синоптики без ошибок составят прогноз погоды. У нас на севере это особенно нелегко: во-первых, мешает тьма полярной ночи, во-вторых, зимой на севере кучево-дождевые облака не имеют характерных отличительных очертаний, границы их как бы размыты, расплывчаты. Даже опытному наблюдателю порой трудно определить слоисто-кучевые или кучево-дождевые сейчас облака. Вот тут только поймешь подлинную ценность опыта.

Как-то стояли мы втроем возле метеоплощадки: Александра Тимофеевна Разумова, наш техник Саша Янцелевич и я. Взглянув на низкие серые облака, Саша сказал:

- Какая низкая сегодня облачность. Метров 800 будет.

- Нет, – возразила Александра Тимофеевна, – сейчас высота облаков 1200-1400 метров. Это слоисто-кучевые облака. Здесь, на севере, они кажутся низкими.

Зашли в наблюдательскую, включили прибор, и точно – 1400 метров!

- У вас талант! – с уважением говорит Саша.

- Поработайте с мое, он и у вас откроется! – смеется Александра Тимофеевна.

Конечно, со временем опыт придет и к новичкам. А пока... Пока Александра Тимофеевна, понимая их затруднения, будет оставаться после смены или приходить пораньше, чтобы помочь разобраться в погодной ситуации.

Однажды я услышала, как Александра Тимофеевна учила работать молодого паренька:

- Вот, смотри, ты пятидневку отперфорировал и сделал семь ошибок. Почему? Потому что спешил, потому что работал без желания, скорей бы отвязаться. Но если взялся за дело, так делай его на совесть. Работать надо с желанием, с душой, тогда и пользы больше, и тебе самому будет приятно.

Разъедутся молодые специалисты и, наверное, не раз с благодарно-

стью вспомнят свою практику на метеостанции «Мурманск» и наставления Александры Тимофеевны Разумовой.

Коллектив на метеостанции небольшой, поэтому видно сразу, кто как работает. И если вы спросите об Александре Тимофеевне, каждый вам ответит:

- Все бы так работали!

Она ни минуты не может сидеть без дела.

- Раньше, в молодости, – вспоминает Александра Тимофеевна, – начальник станции говорил нам, девчатам: «Какие вы беспечные, ни о чем не болеете, не заботитесь. Отработаете смену и все забыли. На уме только кино да танцульки». Да, так было. А теперь проснешься ночью и думаешь: как там дежурится новенькому? Справится ли один? Да прикидываю, чем буду заниматься завтра, кого направить работать на водопост.

Молодым порой не хватает вдумчивости, усидчивости. И поэтому в коллективе хорошо сочетаются опыт людей старшего возраста и энергия молодых.

Хотя Александре Тимофеевне и энергии у молодых не занимать. Больше года метеостанция оставалась без старшего техника. Несколько раз назначали по совместительству своих техников-наблюдателей. Девчата, как могли, тянули, старались. Но при большом объеме работы не каждому под силу выполнить такую задачу, так как, кроме старания, нужны опыт, умение организовать работу. Поэтому качество материала упало, оценка работы понизилась.

Больно было видеть Александре Тимофеевне, как рушилось то, что создавалось ежедневным долгим трудом. Коллектив всегда был на хорошем счету. За долгие годы работы метеостанция стала ее родным домом. И чувствуя ответственность за создавшееся положение, она не выдержала и сама пошла в управление, попросила назначить ее старшим техником. Не побоялась, что обвинят в нескромности. И когда назначение подтвердили, весь коллектив станции признал это естественным и необходимым. Надо ли говорить, что мы снова сдаем материал только на пять!

- Да, – вспоминает Александра Тимофеевна, – в ноябре минувшего года исполнилось 30 лет с той поры, когда я впервые вышла на метеоплощадку и составила первую сводку. Начала работать в гидрометслужбе после войны, в 1945 году. Работала в Дальних Зеленцах, в Иоканге, на

погосте Вороньем, что недалеко от Ловозера. На Мурманской метеостанции год проработала временно, а потом так и осталась здесь... Специально не училась, все на практике освоила. А учиться все-таки пришлось самостоятельно, нельзя без этого. Дело требует. Бывает, на экскурсию школьники придут, столько у них вопросов: «Почему ветер меняет направление? Почему небо голубое? Почему гаснут звезды?» Не все порой можешь объяснить. Идешь в библиотеку, читаешь, и в астрономию заглядывать приходится. Я ведь всю жизнь мечтала учиться. Но жизнь распорядилась по-своему: война, разруха, а потом семейные заботы, бесконечные женские хлопоты. Рада, что моя дочь Таня учится сейчас в Москве.

Смотрю на Александру Тимофеевну и люблюсь. Духовная ее красота, живая заинтересованность, умение выслушать человека, понять его привлекает к ней окружающих.

18 февраля 1980 года

НЕ ПОДНИМАЙ РУЖЬЯ!

Когда в школе на родительском собрании узнали, что я метеоролог, сразу для общественную нагрузку – вести кружок «Друзья природы». Знают: раз ты метеоролог – значит, друг природы.

Сколько я работаю на нашей Мурманской метеостанции, у нас всегда из животных кто-нибудь да имеется. Про собаку и говорить нечего – это постоянный житель. Знакомые и незнакомые люди, уезжая в отпуск, несут своих зверьков к нам: кто просит присмотреть за котом, кто тащит клетку с попугайчиками, кто с хомячками.

И никто из метеорологов не против – наоборот, всегда с удовольствием заботятся, ухаживают, передают по смене: «Зверьки накормлены, вели себя хорошо».

Если уж кто и был недоволен, так это Тяпа – наша станционная собачка. Особенно она не выносила кота Фому.

Вид у Фомы был важный. Этот вид приводил Тяпу в ярость. Если Тяпа находилась в помещении, она от негодования звонко лаяла в его

сторону, словно хотела сказать: «А ну, выходи отсюда. Я тебе сейчас покажу! Нахал! Нагулялся – и лежит, а я работаю весь день!» На что кот, едва приоткрывая один глаз, важно мурлыкал, совсем по Киплингу: «Я – кот сам по себе, хочу – лежу, хочу – хожу. Не мешай отдыхать».

Особенно внимательна и заботлива ко всем животным, бесспорно, Нина Трофимовна Дружинина. Она первая заметила, что с Тяпой что-то неладно, внимательно осмотрела, пощупала нос и определила: Тяпа заболела. Надо было видеть, как осторожно, ласково и настойчиво vychаживала Нина Трофимовна Тяпу! И Тяпа, конечно, поправилась.

А Фаина Никитина сама не поест, а зверей накормит. Оля Михайлюк тоже всех животных жалеет.

Однажды я прихожу на смену, а посреди наблюдательской комнаты разгуливает птица величиной с утку. Оперение пестрое. На лапках перепонки.

Одно перо повисло до пола, перышки в крови. Александра Тимофеевна Разумова обнаружила птицу на площадке. Как и почему она оказалась здесь, можно лишь догадываться.

Неделю за птицей ухаживали, кормили, убрали за нею, потом выпустили на площадку. Птица постояла смирно, потом захлопала крыльями – нет, не полетела. Значит, еще рано. Прошла еще неделя. Александра Тимофеевна оставила птицу на площадке погулять, сама пошла передавать сводку. Вернулась – птицы уже не было. Улетела.

Но вот еще случай. О нем мне рассказал проезжий метеоролог и, к сожалению, о метеорологах.

Произошло это на дальней метеостанции. Трое мужчин, свободных от работы, находились на кухне, курили. И вдруг за окном увидели зайца. Он прискакал погрызть кору рябины, росшей под окном. У всех троих сразу сработала реакция: «Ружье, скорей ружье!» Один из них быстро принёс ружье. Осторожно открыл форточку. Прицелился. Спустил курок. Напавал...

Рассказывая об этом, человек смотрел на меня, видимо, ожидая похвалы: «Какая меткость!» Но я молчала. Меня, городского жителя, не выдавшего ни разу в жизни живого волка и лисы, его рассказ совершенно ошеломил. Для меня увидеть под своим окном настоящего живого зайца – роскошь, фантастика! Я так ясно видела этого доверчивого ушастика, поднявшегося на длинные задние лапки, передними обхва-

тившего ствол дерева, смешно шевелящего усами... А из форточки лезет черный ствол ружья...

- А зачем вы его убили, на мясо? – спросила я.

- Да что ты, какое там мясо!

- Тогда из-за меха.

- Да какой мех у зайца осенью?

- Зачем же убили?

- Да так просто!

Страшнее всего, когда убивают от скуки, «так просто». Одни поохотились за беззащитными медвежатами, другие несут из лесу убитую сову, чтобы потом выбросить. Им было скучно! Ну и развлеклись, пощекотали себе нервы. Сработала реакция браконьера: «Заяц – ружье – стреляй!»

А я хочу сказать:

- Не поднимай ружья из-за своей прихоти! Возьми фотоаппарат – и этот заяц, сова останутся с тобой навсегда.

ЛЕСТНИЦА... НА ДНО ЗАЛИВА

Все мурманчане любят свой город, но любуются им, наверное, по-разному. Моряки привыкли смотреть на него с залива, строители – со строительных лесов. А мы, техники-наблюдатели гидрометеостанции, видим Мурманск чаще всего с метеорологической площадки, куда поднимаемся по своим служебным делам. Отсюда предстает нам заполярный город то солнечным и веселым, то серым (в дождь), то торжественным, праздничным. Окруженный со всех сторон сопками, он кажется огромной чашей. Отсюда видны как на ладони и широкая лента залива, и порт с корабельными мачтами и стрелами кранов, и жилые дома, ступеньками взбирающиеся на сопки...

Осматриваюсь, определяя видимость. С тревогой бросаю взгляд на север: именно оттуда приходит к нам непогода. Между делом привычно отыскиваю глазами маленький зеленый домик на территории торгового порта. Это наш водомерный пост. Однажды мне довелось здесь поработать: заменяла заболевшую Женю Федоренко, которая постоянно здесь дежурит. В домике две небольшие комнаты: наблюдательская и рабо-

чая. Посреди рабочей комнаты – колодец с мореграфом – прибором, который записывает уровень воды в заливе. Из рабочей комнаты выходит лестница. Она ведет... на дно залива. Женя рассказывала мне, что однажды ее порядком напугал неожиданный гость: маленький тюлень. Заплыл во время прилива, а уплыть не успел и остался лежать на лестничной площадке. Потом, дождавшись воды, отправился своей дорогой.

На берегу Кольского залива

На этом посту измеряют температуру воды, берут ее на анализ.

Анализы огорчают: вода загрязнена. Впрочем, это видно и без приборов. Взять хотя бы район южных причалов. Когда-то здесь был отличный пляж, люди с удовольствием купались, ловили рыбу. Можно было даже видеть, как в прозрачной воде снуют рыбешки.

А сейчас во время отлива здесь остаются грязь, мазут, масло, тряпки, бутылки, старые телогрейки. А сколько пыли в воздухе и на воде во время погрузки апатита!.. Да, за последние годы в Мурманске стали больше заботиться о чистоте залива, но положение еще далеко от нормального...

А воздух? В семи точках города берутся пробы на углекислый газ, пыль, сажу, эти пробы направляются в химический отдел управления. Зимой хорошо видно, как из больших и малых труб валит черный, серый и белый дым, расстилаясь в безветренную погоду над городом. Добиться, чтобы воздух, которым дышат мурманчане, был чистым, одна из важных забот.

...Небольшую часть залива скрывает от взгляда домик нашей метеостанции. Он мало напоминает служебное здание. Обычный послевоенный жилой двухквартирный дом. Стены от времени потрескались. Из-под зеленой краски кое-где выступает более старая – грязно-розовая. Только строгая черная доска с золотистыми буквами извещает, что здесь находится отдел наблюдений – моя работа. Вернее, не работа, а служба. Недаром мы входим в систему гидрометслужбы. В чем-то это сродни медицинской службе, военной службе. Несем мы ее, как подобает: и днем, и ночью, и в будни, и в праздники, и в дождь, и в стужу.

То и дело раздаются телефонные звонки (в штормовые дни бывает до пятидесяти звонков). И мы сообщаем температуру воздуха, видимость, давление, скорость и направление ветра. Погодой чаще всего интересуются портовики, железнодорожники, спортсмены, школьники.

Да и любому мурманчанину важно знать, какая будет погода. Поэтому сообщения синоптиков слушают с большим вниманием, особенно в выходной день. Хорошая погода – это рыбалка, поход за город, в лес, лыжная прогулка. Плохая – составляй другой план.

Иногда бывают и неожиданные звонки. Однажды я подняла трубку и услышала тихий, неуверенный голос. Какая-то женщина спрашивала меня о температуре воздуха и силе ветра. Я поинтересовалась, кто это, так как голоса постоянных клиентов были мне известны.

Женщина смущенно ответила:

- Понимаете, я вышла с ребенком на прогулку и не знала, как его одеть...

Кроме чисто практических задач, у нас есть и другие. Наши данные составляют фундамент, основу науки метеорологии. На основе этих многолетних данных определяется климат области, страны, земного шара. А начинается все с наблюдений, с вот этой вот метеоплощадки.

Нашу нелегкую службу я считаю поэтичной. Наверное, потому, что мы, наблюдатели, часто находимся наедине с природой.

...Только что прошел ливень. Вечернее солнце выглянуло из-за туч, и вдруг в противоположной стороне возникла чудесная картина. Две радуги одна под другой раскинулись над землей, ярко светясь всеми красками. Минута-другая – и они поблекли, растаяли в воздухе.

...Зимняя ночь. Город засыпает, и окна домов гаснут одно за другим. И ты опять стоишь наедине с небом, и там, над тобой, свершается таинство, именуемое полярным сиянием. словно огромная змея, сверкая чешуей, то согнется дугой, то свернется в тугую спираль. Она живет, дышит, двигается, то вспыхивая, то угасая... Кто знает, может, встретившись именно с такими явлениями, начал верить когда-то человек в сверхъестественные силы природы?

Теперь у людей другая забота – изучать природу и охранять ее.

Вот и метеоплощадка тоже служит этому. Приборы здесь нехитрые, но требуют внимания и умелого обращения. Я настолько к ним привыкла, что иногда разговариваю с ними, словно доктор, обходящий своих пациентов.

Наблюдения ведутся в привычном порядке. Определяю сначала видимость, затем облачность. Ничего отрадного: темно-серые низкие облака покрывают все небо. Они смотрят на меня сердито и хмуро. А я так же сердито и хмуро смотрю на них:

- Фу, какие вы скучные, нудные! Лето почти кончается, а мурманчане почти не увидели чистого неба и солнца. Все-то вы плачете. Видимость из-за дождя никакая. Температура воздуха – всего 10 градусов, зато влажность – девяносто шесть процентов!

Подхожу к плювиографу. Он записывает количество и интенсивность дождя. Прибор капризный, своенравный, вечно с ним возиться приходится. Вот и сейчас так: писал, писал и вдруг не захотел. Что с тобой? Чернила закончились? Добавим. Пишешь? Ну, молодец.

Меняю ленту гелиографа. Стекланный шар этого прибора, фокусируя солнечные лучи, прожигает бумажную ленту. Сегодня солнца нет – нет и прожога.

Да, не балует мурманчан теплом нынешнее лето. Не то, что в позапрошлом году, когда местные водоемы не вмещали желающих купаться, когда дружно цвела рябина и к осени ее ветви гнулись под тяжестью ягод. Так и запомнила я тот год как рябиновый.

Жаль, если этот запомнится как дождливый. Не может быть! Будут еще, обязательно будут ясные дни!

Наблюдения закончены. Закрываю калитку, бегу в наблюдательскую. Обсчитываю давление, измеряю осадки. Записываю в журнал. Все готово. Набираю номер телефона:
- Запишите сводку!

НОВОСЕЛЬЕ

«Стоит терем-теремок. Он не низок, не высок...» Это наш новый дом. В нем разместилась Мурманская метеостанция. Он вырос неподалеку от старого здания. Дом и впрямь похож на терем: под высокой крышей, с высокими крылечками, бревенчатый.

Возвращаюсь с метеоплощадки. Мороз с ветром таков, что слезу выжимает. Залива из-за парения не видно. Пар поднимается высоко, туманом накатывается на город, оседая на деревьях, проводах белой игольчатой изморозью.

Наш дом такой же гостеприимный, как и сказочный теремок. Ярко, приветливо светятся его окна в темноте ночи. За стеной наблюдательской комнаты – учебный класс. С партами, черной доской и учебными плакатами. Со всех сторон области съезжаются метеорологи на курсы повышения квалификации.

Дом возвели строители нашей ремонтно-восстановительной партии В. И. Воинский, А. Ф. Голедаев, Л. П. Иванов, М. Н. Нурмухаметов и другие. Кстати сказать, теперь они наши соседи. Ремонтстройгруппа – это очень нужная служба. Она размещается в одной из комнат нового дома. Видите, сразу скольких нуждающихся принял наш новый теремок.

Вопрос о строительстве здания висел давно. И вот, наконец, наш начальник принес радостную весть: «Быть, быть новому дому! Разрешение получено, финансы выделены!»

Приходя на работу, мы всякий раз замечали перемены. Пейзаж разнообразили то сваленные на землю бревна, то штабеля теплоизоляционных плит.

Дом притягивал к себе. Очень хотелось заглянуть внутрь, пройтись по свежеструганым изжелта-белым половицам, где густо пахло древесиной. Пол устилали затейливые стружки-кудряшки и опилки-веснушки. И весь дом был теплый, светлый, золотистый.

Мы благоговейно листали пухлый план-проект, который при развороте занимал стол полностью, сосредоточенно вглядывались в чертежи и конструкции будущего дома. Со стороны можно было подумать, что разгадываем сложный кроссворд. А это был наш новый дом – гидрометеорологическая станция на восемь сотрудников. Мы выясняли, какую отделку будет иметь здание снаружи и каким оно будет внутри. Даже разгорался спор, какого цвета будут рамы: одна сторона пожелала иметь белые, другая – предложила оставить их светло-зелеными, как в описании.

- Наконец-то у меня будет кабинет, – мечтал начальник.

- У нас будет кухня, – отзывалась любительница поесть.

- А мои расчеты такие, – авторитетно заявила старший техник. – Здесь будет наблюдательская, здесь учебный класс. А вот здесь, – она обвела карандашом квадратик, – красный уголок. Я уже кое-что придумала для его оформления.

Мы выходим во двор. Я стою на крыльце старого дома и люблюсь новым.

- Я хорош! Я хорош! – звенит пила.

- Верно, верно, – раскатистым баском солидно вторит топор.

- Еще бы! Еще бы! – вздыхает пила.

Конечно, новый дом мы уже обжили. Но именно сейчас, в этот момент, мне хочется сказать добрые слова и о нашем стареньком доме.

Как-то ночью я зашла сюда – необходимо было отсчитать показания интегратора. Прошла по опустевшим голым комнатам. Гулко раздаются в тишине мои шаги. На полу лежат старые журналы, газеты. Старое объявление косо висит на гвоздике. Зеленый лосенок, игрушка моей дочери, одиноко стоит на подоконнике. И печка, наша добрая круглая печка, стоит грустная и печальная. И у меня защемило сердце. Сколько долгих ночей и дней коротали мы вместе. Прижмешься к ней, наберешься у нее тепла и выскакиваешь в метель, в дождь, в стужу. И не только тепло она отдавала. Сядем кружком – пойдут разговоры о житье-бытье. Наверно, поэтому у нас такой слаженный, дружный коллектив.

2 апреля 1983 года

КАПИТОЛИНА ВАСИЛЬЕВНА ФУРМАН

(Записано в 1996 году)

Я приехала в Мурманск во время войны – 10 июля 1944 года. Поступила работать в Мурманское управление гидрометслужбы – оно в то время входило в состав действующей армии.

Что представляла собой метеостанция? Это был двухэтажный дом, который от бомбежек был ветхим и требовал ремонта. И здание управления – тоже было необустроенным, и мы своими силами его благоустроивали.

Мне было 16 лет, я фактически одна оштукатурила весь чердак. Пришел Касаткин, мастер-прораб, и спрашивает:

- Капа, ты, наверное, где-то училась. Не может быть, чтоб это ты сделала сама.

А я и мастерка в руках никогда не держала.

Даже гвозди делали – из проволоки сами рубили.

На метеостанции работали метеорологи: Болкунова Полина, Веселова Маша. Веселова очень много навыков и знаний нам дала. Нас стажировалось трое: Камелина, Кочерова Елизавета и я.

После того, как сдали экзамены, меня отправили на отдаленную станцию «Ниванкюль». Там также все делали сами, начиная с заготовки дров и до наблюдений, лепешки пекли. Землянка была маленькая, окошечки малюсенькие, малюсенькая коптушечка.

Ну, что еще сказать? Мурманская метеостанция находилась на Петушинке. Того старого здания уже нет. Оно находилось чуть ниже нынешней станции. На втором этаже было два кабинета. Один – кабинет начальника Николаева Алексея Александровича. Второй – служебная комната, где мы работали.

Станция I разряда обслуживала Северный флот. Измерений было много, сроки частые. А приборы, конечно, не такие точные и безукоризненные, как сейчас. В основном это были флюгер, психрометрическая будка, гелиограф, напочвенные термометры, шаропилотные наблюдения. Сейчас смотришь и диву даешься: везде автоматика, например ветер – сидишь в кабинете, не выходя можешь получать данные по этим автоматическим приборам.

Как я стала метеорологом? А вот как. Сначала мы были эвакуирова-

ны, потом вернулись. Здесь начали разрешать въезд по пропускам, правда, с трудом. Я приехала. Куда деваться? Вот, помню, подружка Ка-мелина Капа предложила: «Моя сестра Зина работает в Полярном. Давай и мы поедem!» Мы и пошли в управление, в отдел кадров. Ждем. Приходит полковник, который был начальником управления. Посмотрел на нас. А мы молоденькие были.

- Вы соображаете, куда идете? – спрашивает.

- Соображаем, – отвечаем, а сами не знаем. Решили – куда пошлют, туда и пойдем. Он засмеялся:

- Посмотрим, как будете работать! Будете стараться?

- Будем!

Мы были трудягами. Сейчас молодые приезжают в хорошие условия: и машины стиральные и телевизор – не сравнишь с тем временем.

Страх перед отдаленкой в чем? Будешь оторван от всего. Пять человек на станции. Надо терпеть и уметь все делать. Несмотря на автоматизацию – человек есть человек, природа есть природа. И, конечно, за 70 лет даже не сравнить. Сейчас работать в сравнении с тем, что было, – это ерунда.

Мы были зачислены в состав рядового состава. Начальником отдела сети был Зайцев Анатолий Александрович:

- Вас хотим отправить на остров Кильдин.

Кильдин так Кильдин. Это была большая базовая станция, база военного морского флота. Здесь были морские наблюдения. С интересом включилась в работу, так как не знала морские наблюдения – все узнала. Работа была напряженной, горячей: через каждые полчаса – наблюдения. Сюда передавали метеосводки все станции, которые обслуживали флот: то авиационные вылеты, то боевые охотники, много было дополнительных наблюдений. Мы горели под обстрелом, бомбежкой. Постоянно запрашивали:

- Вылет. Дайте все данные!

Дополнительные сведения могли запросить в любой момент.

К концу военных действий, станцию закрыли, отпала необходимость.

После этого – станция Линнахамари. Здесь до нас были большие бои. Мы ходили смотреть немецкий дзот. Вскоре здесь я вышла замуж, рассчиталась, приехала в Мурманск. Поработала я в Мурманторге, в от-

деле кадров, два года. Сама все эти два года только и мечтала о работе метеоролога, ждала, когда появится вакансия на какой-нибудь станции.

Смотрю в небо, на облака.

- Ну что ты там высматриваешь? – спрашивали меня.

Для несведущих это ничего не значило, а для меня – много.

И когда появилась вакансия в городе Кола, я тут же перешла на эту работу. Кольская метеостанция – раньше это был поповский или дьяконский дом: низенький, возле церкви. Станция была гидрологической. Постов было много. Коллектив был крепкий, трудоспособный, работали с интересом. Начальником был Бочкарев Иван Михайлович. Он с закрытыми глазами мог обрисовать любую речушку, ручеек, что там за местность. Потом работали с Левченко Николаем. Это был специалист высшего класса. Помню, когда развернули социалистическое соревнование за звание ударника коммунистического труда, мы так серьезно отнеслись к этому мероприятию, считали даже, что недостойны, не справимся. На собрании Левченко говорит:

- Давайте обсудим, будем мы за это дело браться или нет?

Работали отлично на протяжении многих лет – так отчего не взяться?!

Встает инженер – гидролог Герасимов:

- Нет, я считаю, что еще рановато. Дисциплина хромает. Надо быть построже к себе, не созрели, – он подходил к делу с огромной ответственностью.

Я сижу со своей группой, я тогда была старшей этой группы, и спрашиваю:

- А мы? Как вы считаете, мы сможем это сделать или нет?

- Ну что ж, – отвечает начальник, – возьмем обязательства, включимся в соцсоревнование.

Включились. Все пошло нормально. Нам было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда».

Сейчас Кольская метеостанция совсем не та. Хотя дом был старенький, а работа кипела.

Немного поработала я в Коле и перешла на Мурманскую метеостанцию. А в 1962 году перешла работать в отдел сети – старшим техником.

На Мурманской метеостанции я проработала в общем счете восемь лет. Затем Терзиев Федор Семенович, начальник управления, зная, что я

работала в отделе кадров, предложил поработать в отделе кадров, где я работала до выхода на пенсию. Находясь на пенсии, снова вернулась на Мурманскую метеостанцию, работала на водомерном посту.

НИНА ЛЕОНИДОВНА ЗОЛотовСКАЯ

(Записано в 1996 году)

Я хорошо помню лето 1950 года. Я окончила семь классов школы. А 10 июля пошла в отдел кадров гидрометслужбы, узнать принимаются ли ученики-наблюдатели. Учеников набирали и обучали на Мурманской метеостанции. Я проучилась полтора месяца, сдала экзамены, и меня отправили работать в Пулозеро. Через год, в 1951 году, меня направили учиться в гидрометеорологическую школу, в город Свердловск.

В 1952 году я закончила школу, три месяца проработала на ГМС «Ко-ла» с Тоней Чупровой, а потом вернулась в свое Пулозеро.

В Пулозере, а мне исполнилось 18 лет, меня впервые выбрали депутатом поселкового совета. Это была общая радость – устроили чаепитие, пироги пекли. Мы, молодежь, в поселке организовали самодеятельность. Еще в Мурманске я ходила в кружки при клубе: танцевальный и балетный. Мы выступали в ближайших селах: в совхозе «Мурманск», Тайболе, Лапландии. Ставили спектакли, делали гимнастические пирамиды.

На Пулозере было две станции, работников было 12 человек, почти одного возраста – дома не сидели, свободное время проводили в клубе. В Пулозере я стала членом Кольского райкома комсомола.

Год там поработала, и в апреле 1953 года была направлена на Мурманскую метеостанцию.

Надо сказать, в 1953 году, когда меня перевели уже в Мурманск, я еще была депутатом поселкового совета – меня переизбрали еще на год. Я выезжала на сессию, принимала посильное участие в работе группы по устройству детей в детсад или ясли. В Пулозере не было яслей – только начинали строить. Через Пулозеро дорога шла на Ловозеро – было много приезжего народу. Магазин был один. Забот как депутату хватало.

На Мурманской метеостанции начала я работать в должности стар-

шего наблюдателя при начальнике станции Зарецком Борисе Константиновиче. Он потом работал на судах – старшим техником. Потом был начальником – Крысин, с Дальних Зеленцов, он с полгода работал. Потом была Лидия Александровна Свиридова, ее после института направили. После Свиридовой начальником был Свердлов Анатолий Яковлевич. А после Свердлова – Юрий Леонидович Мациевский. С ним работали до 1964 года.

Станция готовила учеников метеорологов, океанологов. Она находилась в старом двухэтажном здании. Это был служебно-жилой дом. На первом этаже жили наши работники. На втором этаже была метеостанция – две комнаты: в одной – метеорологи, в другой – океанологи. Океанологи выходили в море на наших судах. Также было два морских поста. Работали в ту пору метеорологи Шура Долгушина, Нина Дружинина, Зина Филиппова, Зина Овчаренко, Фаина Малкина. Капитолина Васильевна к нам пришла в 1954 году после окончания ростовской гидрометшколы и работала до перевода в управление.

Клуб судоверфи. Место отдыха юных метеонаблюдателей. 2002 г.

На метеоплощадке стояли две будки, плювиограф, напочвенные термометры. Позднее было установлено «Облако» – измеритель высоты облаков. Шаропилотные наблюдения применялись в исключительных случаях, только когда низкая облачность – стратусы или стратокумулюсы – облака плохой погоды. И еще в том случае, если луч прибора в просвет попадал. Оболочки были «десятки». В ночное время выпускались десятки с фонариками, в дневное – белые оболочки. Фонарики были бумажные, в фонарик ставилась свечка.

Юрий Леонидович Мациевский был хороший человек. Никогда не выговаривал в присутствии постороннего. Вызовет к себе и в спокойном тоне, доброжелательно поговорит с человеком, и этого было достаточно. Он был требовательный начальник и знающий, грамотный специалист. Порядок на станции держал. При нем дружба закрепилась еще больше. Оставались после работы. В это время появилась механическая обработка новых таблиц ТМ-1. На их обработку много времени уходило. Таблицы неудачные были. Пока шифр изучали, много шишек себе набили.

В свободное время сажали деревья: березу, рябину, смородину – я принесла побеги этого кустарника. До сих пор смородина растет у дома и даже плодоносит. Сами все делали: за водой ходили на колонку, дрова заготавливали на зиму, приходилось работать без выходных.

Вместе работали и отдыхали. Недалеко от метеостанции был клуб судоверфи – и в кино, и на танцы ходили вместе.

Для меня это были самые веселые годы.

АЭРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «МУРМАНСК»

АС «МУРМАНСК» – аэрологическая станция «Мурманск» открыта 14 апреля 1937 года как пункт зондирования (г. Мурманск).

14 апреля 1937 года в 9 часов 30 минут выпущен первый радиозонд.

С 1940 по 26 марта 1946 года пункт находился в г. Полярное.

С 26 марта 1946 по август 1949 года – пункт температурного зондирования, г. Мурманск, мыс Халдеев.

С августа 1949 года – г. Мурманск, Роста. Объединена с пунктом радиовеетрового зондирования.

С 17 июня 1988 года станция перенесена на новое место: Верхнеростинское шоссе, возле мусоросжигательного завода.

Техническое дело аэрологической станции «Мурманск»

*Аэрологическая станция «Мурманск»
(ее местоположение с августа 1949 по 17 июня 1988 года)*

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Он был первый среди первых

В 1936 году в Мурманске начались шаропилотные наблюдения, а в 1937 году был выпущен первый на Кольском полуострове радиозонд.

В 1848 году в районе 2-го Комсомольского городка был организован радиоветровый пункт. Первыми радиопилотами были Е. Н. Скрябин, В. П. Толкачев, А. Д. Маланова, Л. П. Артюх, И. Д. Гуляева, В. А. Золотовский, В. Г. Ковшун и другие.

В 1949 году пункт температурного зондирования, который находился на Петушинке (мыс Халдеев), объединили с радиоветровым. С 1950 года начальником аэрологической станции становится Е. Н. Скрябин.

Кто он и откуда родом?

Евгений Николаевич Скрябин коренной мурманчанин. Из семьи железнодорожника. Участник войны. В качестве радиста-десантника выбрасывался с парашютом в тылу врага. Участвовал в освобождении Венгрии, Австрии, Чехословакии. Имеет шесть государственных наград.

25 лет Евгений Николаевич работал начальником станции, которая была настоящей учебной базой молодых специалистов, а имя ее начальника занесено в книгу Почета Мурманского управления гидрометслужбы. Он был неутомимым искателем. Им разработаны и внедрены десятки рационализаторских предложений по усовершенствованию аппаратуры для исследования атмосферы. Без отрыва от производства он окончил школу рабочей молодежи и Высшее инженерное морское училище имени С. О. Макарова.

Он был первый среди первых.

Это был отличный труженик, отличный человек. Его помнят в нашем коллективе, у него продолжают учиться.

Твой супруг Евгений

Тамара Максимовна поднялась рано. В ее возрасте бессонница – постоянный спутник. Достала вязанье, присела на диван. Шестеро вну-

чат – всем нужны носочки и рукавички. Тихо, безмолвно в квартире. Тянется нить, и мысли текут как нить. А когда-то здесь было шумно, весело и тесно. Росли четверо детей, теперь все разлетелись. Нет рядом с ней и его – Жени. При этой мысли она вздохнула. Спицы замерли. Задумалась. Жизнь теперь ее делится на два отрезка. С ним и без него.

Январь 1947 года. Они вместе окончили трехмесячные курсы лока-торщиков при школе № 4, что на Жилстрое, и получили направление строить первый дом для Мурманской аэрологической станции.

Ей хорошо было с ним. Его забота и внимание всегда согревали. Костер их любви всю жизнь горел ровно, надежно.

Семья – это птица. Одно крыло – муж, другое – жена. И оба крыла должны быть верными, надежными, сильными. Только тогда можно преодолеть шторм, ненастье, непогоду. А без этого не бывает жизни.

Она часто вспоминает тревожные ночи, ребенок беспокоится и плачет. Силы оставили. И тут сквозь дремоту она слышит спасительный голос мужа, басовитый, убаюкивающий, ровный.

- Ну, что мы плачем? Иди ко мне. Скажи, где у тебя болит?

Дочь замолкает, слушая спокойный голос отца, а на нее, Тамару, наваливается сон.

Помнит не одно утро. Звенит будильник, вскакивает с постели. Надо приготовить детям завтрак, проводить их в школу. А ее школьники уже сидят за столом.

- А ты так можешь? – Сергей строит рожицу, а младшие смешно пытаются изобразить такую же.

Евгений Николаевич замечает жене: «Иди, отдыхай. Мне все равно вставать рано».

А она стоит, не уходит, смотрит на него. Он такой красивый, мужественный, сильный и весь свой, родной.

- Ты чего? – спрашивает муж. Она молчит.

И всю жизнь так было. Но вдруг крыло, его крыло оторвалось. Телеграмма. Черная телеграмма. Сознание отказывалось принимать реальность. Не было слез, ничего не было... Удивительно, как она «не разбилась».

...Его решение поработать на Шпицбергене было принято твердо. Она не могла ничего изменить. Где касалось дела и его решений, ее власть кончалась. Евгений Николаевич был нужен там. Нужны были его опыт, знания, характер.

Она и сейчас думает, что, будь она с ним рядом, беды могло бы не произойти. Она как чувствовала на морском вокзале. Слезы лились рекой, она бессильна была удержать их. Если бы дочь Лариса не поддерживала ее, она бы без сил опустилась на землю. Женя что-то кричал ей с судна. Она ничего не слышала.

...Тамара Максимовна отложила вязание, встала. За окном трескучий мороз. Если бы кто раньше сказал, что она останется одна в этой квартире, не поверила бы. Ждет Костю, младшего сына. Выучится, женится, и снова станет в доме оживленно.

Когда очень одиноко и грустно, она берет открытку, которая пришла из Баренцбурга, письма. Больше всего ее волнует последнее его письмо. Несколько строк: *«В общем, моя хорошая, еще раз тебе за все огромная благодарность. За твой чудесный характер, за твое доброе отношение ко мне, не изменяющееся во времени, и за всю тебя, такую хорошую, добрую, прекрасную. Несметное количество раз тебя обнимаю и целую.*

Твой благодарный супруг Евгений»

*В праздник на стадионе. В центре – Евгений Николаевич Скрыбин и автор.
1970-е годы*

Сын

Машина остановилась у здания территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Из машины вышел стройный молодой человек.

- Я быстро, – бросил он рядом стоящему товарищу.

Сергей, так звали молодого человека, шел по коридору третьего этажа, как вдруг неожиданно женщина, идущая навстречу, всплеснула руками и, подходя к нему, восторженно затвердила: «Скрябин! Женя Скрябин! Ну, копия! Как похож! Ну, вылитый. Надо же!». Сергей вернулся к машине возбужденный и веселый.

- Ну попался, еле вырвался! – он включил скорость. – Поехали.

- Кто у тебя здесь работает? – поинтересовался товарищ.

- Сестренка Лариса. А вообще в этом управлении работают мать, жена на аэрологической станции. Слышал про такую? Отец там начальником работал. Костя, младший брат, тоже успел до училища поработать здесь.

- У вас целая династия получается!

- Получается так.

- И отец работал? А сейчас на пенсии?

- Нет, нет отца. Умер. Все говорят, что я очень похож на него. Вот и сейчас за отца приняли. Его тут все знали.

Отца нет, Сергей уже сам отец. Но сильные добрые руки отца и его уроки жизни помнит.

Коммунист Скрябин

...Сентябрь 1975 года. В тот осенний день на причале морского вокзала было многолюдно, оживленно. День был теплый, погожий. Провожали тех, кто ближайшим рейсом на теплоходе «Вацлав Боровский» отправлялся на остров Шпицберген, в Баренцбург. Среди них были шахтеры, врачи, педагоги, повара. Были и метеорологи. Вячеслав Трофимович Жевноватый – начальник лаборатории Мурманского филиала НИИ вспоминает:

«Мы стояли рядом, Тамара Максимовна не выпускала платка из рук. Дочь поддерживала ее.

- Пойдем посидим, поговорим, – шепнул мне Евгений Николаевич.

Разговор наш как-то не клеился. Говорили о том, о сем, а в общем-то ни о чем. Это были самые томительные минуты ожидания. Рядом были ребята из нашего управления, и Евгений Николаевич подошел к ним и предупредил: «Ребятки, будьте наготове, не расходитесь, не уходите далеко. В любую минуту могут объявить посадку». Меня всегда трогала его отеческая забота о людях, его сознание, что он отвечает за них, за порядок, несет ответственность перед государством, перед их родителями. Его никто не просил, не обязывал. Он сам взваливал этот груз на свои плечи.

Меня восхищала его любовь к людям. Однажды приехал фотокорреспондент ТАСС снимать нашу аэрологическую станцию. Корреспонденту необходимо было запечатлеть момент выпуска радиозонда. Впервые мне пришлось видеть работу фотокорреспондента-профессионала. Дело было зимой. Мороз под сорок градусов. А ему пришлось бегать по сугробам и ложиться на снег. Евгений Николаевич свой полушубок бросил на снег для фотокорреспондента.

Он был прост, приветлив, участлив. Любил шутку. Бывало, для демонстрации наполняли оболочки как символ гидрометслужбы. А потом после демонстрации, когда они лопались, он всегда командовал «Ложись!». Кто новенький, если слабее нервами, ложились. Смеху было! Умел он вот так шуткой снять натянутость между людьми, напряженность отношений, сблизить людей.

А как он умел работать! На любом месте активно включался в работу.

...Мурманская аэрологическая станция. Здесь мы решили встретиться с Тamarой Максимовной Скрыбиной. Навстречу из дома станции выходит молодая милая женщина. Это Татьяна Скрыбина, жена Сергея.

Поднимаюсь по крутой небольшой лесенке на второй этаж. Мальчик лет шести-семи вопросительно смотрит на меня. Что-то знакомое угадывается в его облике.

- Ты чей? Как тебя зовут? – спрашиваю его.

- Женя, – охотно отвечает он, – Женя Скрыбин.

- Ну, здравствуй Женя Скрыбин.

Март 1985 года

Надежный Никитин

Время шло томительно медленно. Техники разбрелись кто куда. Ольга Константиновна Ждановская, начальник аэрологической станции «Кандалакша», то и дело поглядывала на часы. Все ждали. Ждала и станция... В который раз пытались наладить ее, но были бессильны перед ее электронным существом. Она казалась бессмысленной грудой металла: темная, равнодушная. Лишь один человек мог понять ее, мог совершить с ней чудо. Его-то и ждали... Ждали инженера по радиолокации аэрологической станции «Мурманск» Анатолия Викторовича Никитина.

Дениска Воротников любит ходить в гости к Никитиным. Там все интересно: и турник для гимнастики, и подзорная труба. Пока мама раскутывает Дениску в прихожей, он слышит смех и громкие веселые голоса.

Дядя Толя и его сыновья Алеша и Миша играют в шахматы. Миша приехал из Ленинграда. Он учится в институте. Он привез конфеты. А тетя Фая на кухне печет печенье. Вкусно пахнет.

- А можно, и я буду играть? – спрашивает Дениска.

- Можно, – отвечает дядя Толя.

Потом пили чай с конфетами и печеньем. Время прошло быстро, пора собираться домой. Но Денису не хочется уходить.

- Теперь дядя Толя с тетей Фаей к нам в гости придут, – утешает мама.

- Вы к нам придете? – спрашивает Денис.

- Тетя Фая придет, – говорит дядя Толя, – А мне нельзя.

- Знаем, знаем, – говорит мама Дениса, – Сейчас скажет: «У меня дети!» Все засмеялись.

Счастливая Фаина. Много ли мужчин найдут силу и мужество навсегда отказаться от всяческих застолий. Каждый ли мужчина для сыновей – советчик и добрый пример для подражания...

Телефонный звонок нарушил ночной покой, разорвал сон. Никитин вскочил с постели, быстро подошел к телефону. Включил в прихожей свет.

- Я... Да... Сейчас приду! – положил трубку, взял со спинки стула рубашку, начал одеваться.

- Что там? – встревоженно спросила жена.

- Не волнуйся... Мне надо на работу.

Щелкнул выключатель в прихожей, потом замок. Ушел. От уличного фонаря в комнате было светло. Фаина Михайловна посмотрела на часы – четыре утра, накинула халатик. Подошла к окну. На дворе было безлюдно.

Они росли вместе, в поселке Новинки Ленинградской области. Ходили в одну школу. Вместе читали книги, бегали в клуб, в кино, вместе мечтали. Когда окончили школу и пришла пора расставаться, поняли, что им друг без друга нельзя, что им и дальше идти вместе. Она, худенькая до хрупкости, смешливая, за словом в карман не полезет. Он понял одно, главное: «Эта не предаст». Природа сторицей одарила ее твердым характером, трудолюбием, горячим добрым сердцем, способностью на поступок.

Маргарита Воротникова считает, что ей повезло, что она встрети-лась с Никитиными. Помогут и советом, и делом, и деньгами. Когда ее выписали из роддома с Дениской, муж был в море. Никитины встретили, привезли домой. В нем пусто, холодно. Фаина принялась хлопотать. Анатолий принес дрова, затопил печь, сходил в магазин. В доме повеселело, потеплело.

Огромный воздушный шар трепетал под натиском ветра в руках аэролога. Но аэролог Тамара Скрябина крепко держала шар. Почувствовав, что ветер приутих, она наконец разжала пальцы. Шар рванулся вверх и начал подниматься. Вместе с ним поднимались, покачиваясь на шнуре, белая небольшая коробка радиозонда. Шар скоро стал едва приметной точкой. Двадцать пар восторженных глаз экскурсантов восторженно следили за исчезающей в облаках точкой. Этот момент, выпуск радиозонда, никого не оставлял равнодушным. Сколько времени прошло с тех пор, когда Анатолий Викторович Никитин впервые увидел выпуск радиозонда, но и нынче этот момент каждый раз волнует его. Волнует это вечное стремление человека к высоте, к солнцу, за горизонт, за черту неведомого, невидимого. Только к давнему ребячьему восторгу присоединилась деловая озабоченность. Необходимо, чтобы весь процесс, от выпуска радиозонда, до передачи метеоинформации, прошел оперативно и качественно. И от него непосредственно зависит все это, ведь он, Никитин, – инженер по радиолокации, «бог радиолокации», как говорят его товарищи.

Радиолокационная установка встретила меня машинным теплом, привычным гулом работающего механизма, стрекотом печатающих перфораторов. Аэрологи были уже на месте и обрабатывали зонд. Это небольшое тесное помещение – рабочее место Никитина. Тут все говорит о нем. Во всем, на что ни взгляни, – его труд.

Галина Семеновна Дубынина рассказывает: «Он все умеет, все знает. Если радиопилота нет, он за него работает. Бывает, сомневаешься в облачности: «Анатолий Викторович, какую облачность давать?» На улицу выбежит, посмотрит: «То-то, то-то». Днем, когда он рядом, я отдыхаю».

Тамара Максимовна Скрябина добавляет: «У него всегда все в порядке. Вот лента для перфоратора, вот красящая, вот липкая – все на месте. Если какой-либо возник спор, какое-то недоразумение – к нему. Будильник или утюг дома сломался – опять к нему».

Валерий Золотовский высказывает свое мнение коротко: «Надежный».

А для инженера Никитина самое главное – это ровное, монотонное гудение многоокой машины. Этот убаюкивающий гул для него – самая чудесная на земле мелодия. Это значит, что все в порядке. Через некоторое время привыкаешь и не замечаешь этого гудения. И только ему дано услышать оттенки этой музыки, заметить фальшь, сбой. И он чутко прислушивается к этим звукам, чтобы вовремя исправить, настроить свой инструмент. Своевременная профилактика – вот секрет хорошей работы. Такой, казалось бы, простой и обычной процедуре, как очистка от пыли, Анатолий Викторович придает важное значение. Электроника – штука тонкая и чуткая, даже мах кисти может повлиять на показания, привести к ложным сведениям.

Вся жизнь Никитина подчинена этой электронной машине. В любую минуту может призвать она к себе, и он спешит к ней, чтобы не оборвалась невидимая радиониточка «земля – воздух», чтобы днем и ночью поступала метеоинформация в ненасытное чрево центра службы погоды. Он даже не может позволить себе такую невинную страсть, как рыбалка. А человеку надо, обязательно надо иногда остановиться и прислушаться к себе, осмотреться вокруг.

Лента перфоратора стекала вниз, Анатолий Викторович читал широкую печать. Посмотрел на ребят. Сколько этим экскурсантам лет? Пятнадцать или шестнадцать?.. Ему было столько же, когда он уже сде-

лал свой выбор. Как-то раз был с матерью в Ленинграде. Увидел паренька в морской форме. На бескозырке надпись – «Арктическое училище». Впрочем, само время подвело его к этой дороге.

Школу окончил с похвальной грамотой. А в 1953 году стал курсантом Ленинградского арктического училища. На собеседовании преподаватели были приятно удивлены его знаниями летописи географических открытий, исторических фактов. Учиться, познавать новое он любил. В жизнь училища, в ее ритм вошел естественно и быстро. Увлёкся спортом, футболом. Был нападающим. Выступал сначала за сборную курса, потом за сборную училища. И, как всегда, любимому делу отдавался со всей страстью и добросовестностью.

После окончания училища получил диплом с отличием, то есть «свободный» диплом. Ему предстояло выбрать, куда ехать? Несомненно одно: туда, где интересно! А где интересно? Там, где трудно. Так он оказался в Петрозаводске, на аэрологической станции, старшим техником-актинометристом. Через некоторое время перешел на должность техника-аэролога. Привез сюда жену, которая также начала работать на этой станции. Работа в Петрозаводске была для него тоже школой.

Потом попал на остров Рыбачий. В ту пору семейство Никитиных увеличилось. Два сына (Михаилу – 2 года, Алексею – 6 месяцев) разделили романтику вместе с родителями.

Прошло пять лет. Пора старшему в школу. Перебрались в областной центр. С этого времени Анатолий Викторович Никитин начал работать на аэрологической станции «Мурманск».

Телефонный звонок прервал мысли. Аэролог подняла трубку: «Анатолий Викторович, вас».

Оказалось, на станции «Кандалакша» вышла из строя радиолокационная установка. Устранить поломку своими силами не могут.

- Выезжаем! – Никитин принял единственно верное решение.

Выехали на служебной машине. Перебросившись с водителем парой слов приветствия, они надолго замолчали. Никитин задумался. Что же там могло случиться? Самое слабое место у станции – антенна. От снега и дождя, случается, страдают двигатели и кабели. Это наиболее частые из поломок... Может, поэтому одним из его первых рацпредложений стало применение радиопрозрачного укрытия – органического стекла. А всего на его счету 78 рационализаторских предложений. По-

следнее было записано в октябре прошлого 1985 года.

Вспомнился ему небольшой актовый зал Мурманского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Собрались изобретатели и рационализаторы. На сцене старший инженер бюро по рационализации и изобретательству В. В. Панев: «Товарищи, сегодня мне хотелось бы отметить работу лучшего рационализатора нашего управления Никитина Анатолия Викторовича. Пять раз он занимает место среди наших новаторов, три года подряд. За это бюро рационализаторов и изобретателей решило вручить вымпел «Лучшему рационализатору».

Раздались аплодисменты. Василий Васильевич поднял руку, останавливая их, и негромким голосом продолжил: «С новой техникой открывается новый фронт работ по рационализации, возникают новые задачи. Рационализация дает возможность экономить материалы, время. Никитин – не только лучший рационализатор, но и лучший инженер. Благодаря ему станция «Мурманск» работает четко и находится в безупречном состоянии. Весь ремонт техники он производит сам. Специалисты из отдела техники забыли дорогу на эту станцию. Да и на станцию «Кандалакша» тоже. Радиолокационная установка отработала на 9 тысяч часов больше нормы и сейчас в хорошем состоянии. Я с удовольствием сообщаю вам, что из-за Никитина пришлось заказывать новый вымпел. Этот решено отдать Анатолию Викторовичу навечно».

Шторы на окнах заколыхались от бурных аплодисментов.

...Машина шла на приличной скорости. Вдали за сопками уже виднелись высокие дома Кандалакши. Столько проехали, а за окном по-прежнему белым-бело. Среди белой пустыни темное пятно – рыбаки. Видимо, мимо озера проезжают.

Ему вспомнился один случай. Это произошло, кажется, в январе. Затопив баньку, Анатолий Викторович решил: дай понаведаю своих, сбегая домой, как там Фаина с детьми – над Рыбачьим навис циклон – с грозой, с глухими раскатами, с обильным снегопадом, какие бывают только на Севере. Снег шел сплошной белой завесой. Сто метров пробежать – долго ли. Пошел. И ушел в тундру. Шел, пока не наткнулся на телеграфный столб. Сначала удивился, откуда столбу тут взяться. Потом понял, что заблудился. Это его счастье, что вышел на столб. Местность знал хорошо, сориентировался, и все закончилось благополучно. Но этот случай заставил задуматься. Заплутать, не имея ориентиров, очень

просто и в жизни, каким бы умным ты ни был. Ориентиры же известны: честность, совесть, долг, доброта.

На аэрологической станции «Кандалакша» знали, что машина выехала. Наконец, «уазик» остановился перед крыльцом. Из нее вышел невысокий, коренастый бородач. В его руках небольшой сверток с необходимыми инструментами и запасными деталями. Ольга Константиновна пошла навстречу. Поздоровались. Сразу направились на станцию. Сейчас он был похож на доктора. Надо настроить и проверить до 40 ламп. Его ум бился в поисках решения, призывая на помощь опыт и знания. Он, как шахматист, искал возможные варианты поломки, отсекая один за другим, приближаясь к единственно правильному решению.

Наконец Анатолий Викторович улыбнулся. Нашел! Напряженность ожидания упала. Все облегченно вздохнули. Так бывает, когда больной после тяжелого кризиса открывает глаза. На этот раз сгорели сельсины. Следящая система радиолокатора не управлялась ни по азимуту, ни по вертикальному углу. Сельсины пришлось заменить. Снизили напряжение со 110 до 90-80 вольт, и горение прекратилось. И заговорила, загудела машина, засветился зеленый глазок лампы. Побежали импульсы по индикатору, запрыгал светящийся «зайчик».

Техники с восхищением смотрели на него. Ольга Константиновна с благодарностью пожала руку: «Большое спасибо». Он улыбался. Его глаза смотрели мудро и немного лукаво: «Ну что вы... Не за что... Работайте на здоровье. Мне бы руки помыть».

11 июня 1986 года

Аэрология - любовь моя

Тамара Борисовна набрала телефонный номер. Автомат сработал, щелкнул.

- Владимир Дмитриевич! Здравствуйте! Я к вам насчет бензина Б-70. Мы получали месяцев восемь назад. В первом квартале нет. Да. Ну, все сразу мы не в состоянии принять. Страшно оставлять на улице... Хорошо. Договорились.

Тамара Борисовна положила трубку. Склонилась над разложенными на столе бумагами. Из-за приоткрытых дверей доносились голоса

людей из соседней комнаты. К двенадцати часам собирался актив станции. Среди других голосов она различала мужские. Анатолий и Геннадий опять дискутируют о футболе.

- Он же играет на своем поле! Знает его как пять пальцев. Постоянно тренируется здесь! – голос Анатолия чистый, по-мальчишески звонкий.

-Ничего подобного! В азарте не всегда увидишь, – приглушенный басок Геннадия.

И дальше ничего не разберешь, только: «бу-бу-бу».

Тамара Борисовна улыбнулась – петушатся, как мальчишки. Дверь ее кабинета распахнулась:

- Тамара Борисовна! Все собрались. Пора начинать!

Они сидят в еще пустой, только что отремонтированной комнате. Весеннее солнце ярко озаряет ее. На стене – солнечные полосы. У окна, разложив бумаги на подоконнике, устроилась Любовь Николаевна Курганова. Возле перфоратора примостился Анатолий Викторович Никитин -инженер по радиолокации. Напротив его сидят Геннадий Алексеевич Савельев – инженер-аэролог, Тамара Борисовна Летошникова – начальник мурманской аэрологической станции и техник Татьяна Анатольевна Гурова.

Все они готовы, как говорится, расшибиться в лепешку, но чтоб на станции был полный порядок. Могут задержаться на работе, прийти по вызову среди ночи и находиться здесь, не считаясь с личным временем, до тех пор, пока не отпадет в этом надобность. Закаленные, испытанные временем и делом кадры.

- Мы беспартийные коммунисты, – так любит говорить Геннадий Алексеевич Савельев.

Профком собрался сегодня перед общим собранием. Вопросы решают разные: итоги работы о работе смен, о наших возможностях и слабостях, ход выполнения социалистических обязательств – индивидуальных и коллективного, о работе профкома за отчетный период.

Собрание вел Геннадий Алексеевич Савельев, председатель профкома. Человек он серьезный, пунктуальный, принципиальный, любит, чтоб все было ясно, четко, понятно, как сейчас говорят, «прозрачно», чтоб над всеми «и» были точки расставлены, горяч. В противовес ему или, скорее, в дополнение – сдержанный, на вид добродушный, с озорной лукавинкой смысленых глаз Анатолий Викторович Никитин.

Савельев вел собрание умело, грамотно, им приходилось только дополнять, уточнять, вставлять реплики.

Слушая Савельева, Тамара Борисовна чувствовала удовлетворение.

Их аэрологическая станция на хорошем счету и, надо признать, все поработали неплохо, постарались. Старая гвардия, как всегда, не подвела. Еще при Евгении Николаевиче Скрябине в 1966 году станция одна из первых завоевала звание «Коллектив коммунистического труда». Четыре раза коллектив завоевывал Красное Знамя МУГКС. А это ох как не просто. В 1975 году не стало Евгения Николаевича. Федор Семенович Терзиев начальником станции назначил Тамару Борисовну.

Евгения Николаевича нет, но его светлый образ, его дела, его чаяния живут среди них. Техники нет-нет, да и вспомнят: «Какой был душевный человек! Если что не так, пригласит к себе, поговорит с глазу на глаз, и никто знать не будет, если сама не расскажешь».

До сих пор журналы, бумаги хранят его четкий, острый росчерк. Основатель аэрологической станции, его душа, учитель, воспитатель кадров. У него было чему поучиться, и учились.

Но и тогда, когда не стало с ними рядом Евгения Николаевича, коллектив не уронил поднятого знамени. Постоянно, из года в год их станция – в тройке призеров. Это стало традицией. Для благодарностей, почетных грамот пришлось купить специальный альбом.

Средняя годовая высота, та высота, на которую поднимается оболочка с радиозондом, за 1983 год составила 27 км. За февраль нынешнего года – 22,5 км. Но тут все объяснимо. Тропопауза – самый холодный слой атмосферы. Там температура воздуха минус 70 градусов. А в этом году – минус 88 градусов. Такая температура бывает раз в десять лет. И вот средняя за 12 дней марта – 27 километров.

Тамаре Борисовне вспомнилось, как она только приехала из Калининграда в Мурманск, как пришла впервые на аэрологическую станцию. Это было в 1959 году. Сначала работала в сейсмической группе. Вела наблюдения за колебаниями земной коры. Потом – в отделе атмосферного электричества, определяла градиент потенциала электрического поля атмосферы. В 1971 году отменили эти наблюдения. В этом же году окончила Ленинградский гидрометеорологический институт, проработала год техником-аэрологом, а в 1972 году с Александром Ефимовичем Гагариным прибыла на остров Шпицберген и начала

работать на аэрологической станции «Баренцбург». Через два года вернулась и в 1974 году приняла АС «Мурманск».

Вот и все. Всего несколько строчек и целая жизнь.

Годы, прожитые на Шпицбергене запомнились как самые яркие, наполненные, насыщенные. Своеобразная, ни с чем не сравнимая природа. Прогулки по берегу залива Грен-фьорд, что чуть пошире Кольского залива. В те годы залив не замерзал. И суда беспрепятственно заходили в порт. В памяти осталась гора Альхорд, своими очертаниями напоминающая спящего рыцаря: шлем, надвинутый на лоб, торчащий нос на фоне горы. Горы Святого Карла. Туман, и поверх тумана как призрак встает дивный легендарный край. Ей вспомнились поэтические строчки: «Он (рыцарь) спустился с Дворцовых гор, которые поражают своей изумительной древней архитектурой, что стоят на берегу залива. Воспитывался он в замке Тамара, что недоступным каменным монолитом стоит на гранитных скалах в бухте Петунья. Он черпал силы из источников порожистой горной реки Эльза. Гривастые львы его окружали. Перед ним расстилалась привольная долина Колесдален и озеро Фара. На помощь ему спешило течение Гольфстрим...»

К каждому празднику готовили концерт. Метеорологи вместе с работниками порта подготовили концерт к Октябрю. Времени свободного много: с пяти утра до двенадцати ночи работает столовая, свободные от домашних хлопот женщины раскрепощаются, участвуют в общественной жизни.

Почему-то вспомнился и такой случай. Как-то ее пригласили в кают-компанию, где все собирались по вечерам, взглянуть на нерпенка. Нерпенек был мал. Большие темные глаза слезились, словно он плакал. Техника, который его поймал, просили, умоляли: «Отпусти!» Потом Тамара Борисовна видела шкурку, выброшенную за ненадобностью. Тогда она убедилась: полная материальная обеспеченность еще не делает человека лучше, добрее. Идеология таких людей сильно хромает, явно отстает от коммунистического образа жизни, коммунистического мышления.

Повышение интонации собравшихся вернуло ее в реальный мир. Как и в каждом коллективе, у них не всегда проходит все гладко. Для этого они и собрались, чтоб выявить, выяснить, что мешает их работе, устранить помехи.

Камнем преткновения явилась введенная шкала оценок.

Инженер-аэролог Геннадий Алексеевич Савельев видит необходимость ввести новую характеристику этой шкалы, чтобы выяснить заинтересованность, ответственность техников в высоте полета оболочки каждой смены.

- Ну, как мы можем отвечать за оболочку – резонно вопрошают техники, – если мы ее не обрабатываем? Может, нам ее еще и обрабатывать?

Если уже сейчас разгорелся жаркий спор, то что на общем собрании будет?

Но, действительно, получается довольно спорно: с одной стороны, можно понять техников. А с другой? Высота полета оболочки с радиозондом является важнейшим показателем их работы. Именно за это они и соревнуются. А как оценка работы техников это не учитывается, не характеризует их работу. Мол, сколько пролетела, и ладно. Да, тут есть над чем подумать, поспорить. И это, как всегда в таких случаях, при ломке старого, привычного, не проходит безболезненно для коллектива. Но оптимальное решение должно быть найдено. Недаром техники называют ее справедливой, требовательной, но справедливой. Это высокая оценка, значит, ей верят...

Солнечные полосы уже сползли, переламяваясь, на перфоратор, со стены, исполосатили Анатолия Викторовича.

Сегодня пятница – физический день. С утра доставала со склада бензин для обработки оболочек. Склад по милости энергичных соседей, домостроительного комбината, которые при установке своего забора засыпали канаву для стока воды из болота, теперь постоянно затапливается. И Никитину приходилось пролезать внутрь складского помещения через окошко. И через это же окно подавать ведра с бензином. Как бы она справлялась со всем этим хозяйством без Анатолия Викторовича Никитина!

О нем она всегда думает с уважением и благодарностью. Инженер радиолокации, а все хозяйственные мужские работы на нем: и очистка сливной ямы для отходов от добывания водорода, и кабели. Он и плотник, и слесарь, и сантехник. Не говоря уже о том, что он – бог радиолокации, его усилиями и старанием отлажена вся техника. Золотые руки, золотая голова, золотая душа. А сколько ей надо потратить времени, чтобы вызвать машину для очистки сливной ямы. Хорошо, что эти же самые соседи, домостроительный комбинат, нет-нет да и помогут. Вот и

сегодня от них машина-бочка приехала, вычерпала воду из ямы.

Потом к моменту выпуска радиозонда пришла экскурсия. Тамара Борисовна вышла на площадку. Восьмиклассники кружком стояли вокруг Геннадия Алексеевича и слушали его рассказ о радиозондировании.

В это время Тамара Максимовна Скрябина вынесла из широко распахнутых ворот газогенераторной оболочку с привязанным к ней белой коробкой радиозонда. Ворота и двери обшиты холстом, чтоб ничем не зацепить, не порвать оболочку. То, ради чего они здесь находятся, чем занимаются здесь – каждый своим делом, каждая минута, каждый день – все это подчинено этому моменту, выпуску радиозонда.

День ветреный, и Тамара Борисовна видит, как оболочку прижимает к земле ветер и несет на столб. Тамаре Максимовне приходится залезть в сугроб. Оболочка, как птица, предчувствуя свободу, бьется, пытается вырваться из ее рук. Школьники не замечают, как Галина Семеновна Дубинина делает взмах рукой: «Давай!», их взоры притягивает, притягивает к себе этот огромный воздушный шар. И вот шар в воздухе, поднимается все выше, и выше. Снизу, с земли, кажется, она летит медленно, неохотно. И вот радиозонд – уже маленькая точка. Ребята зачарованно следят за полетом, словно между шаром и их взором тянется невидимая нить.

Сколько лет она наблюдает этот момент, сколько радиозондов выпущено, а этот миг всегда волнует, это неудержимое стремление ввысь всегда изумляет, захватывает сердце. Вот уже шар затуманился, вошел в облака. А Тамара Борисовна мысленно следит за его полетом. Там на высоте, где давление атмосферы невелико, оболочка будет расширяться, увеличиваться от внутреннего, собственного давления. На индикаторе радиолокатора радиооператор Анастасия Дмитриевна Маланова наблюдает сейчас светящуюся точку, зеленый прыгающий зайчик. Через несколько минут зайчик ярко вспыхнет и погаснет. Все. Оболочка лопнула.

Но не всегда так гладко проходит выпуск. Выпуск приходится производить и в метель, и в штормовую погоду. Площадки, необходимой по наставлению для выпуска, нет. Дорога – и все. Со всех сторон стеснили этот зеленый нетронутый, девственный уголок города промышленные здания: ДСК, ЭВА, ТЭЦ. Развитие прогресса. С такими силами трудно бороться. Оболочка запуталась в проводах. Произошло короткое замыка-

ние по всей энерголинии. ЧП. Пришлось соседям убрать проводку в два пролета. Но они не успокаиваются. И приходится вести долгие дебаты, уговаривать, упрашивать.

6 января 1983 года вышло распоряжение Совета Министров СССР: вокруг гидрометеорологических станций любых видов, производящих метеорологические, морские, гидрометеорологические, аэрологические и другие наблюдения, устанавливаются охранные зоны в виде участка земли (водного пространства), ограниченные замкнутой линией, отстоящей от границ территорий этих станций на 200 метров во все стороны.

Приказ вышел за подписью председателя государственного комитета Ю. А. Израэля.

Поздно, поздновато, однако, – все было уже вокруг застроено.

- Чив! Чив! – донеслось в открытую форточку задорное воробьиное чириканье.

Вот расшумелся, товарищ! Собравшиеся невольно прислушались к чириканью. И такое оно было упорное, громкое, жизнеутверждающее, что Тамара Борисовна невольно улыбнулась. Весна.

И перед ней предстали уютные московские дворики, тихие улочки, волнуемая зелень деревьев. Скоро отпуск, увидит дочь Ларису, так соскучилась по внучке Оленьке. Она возьмет ее за ручку, и они пойдут гулять в парк. Как приятно чувствовать в своей руке маленькую ручонку внучки. Сердце согревается от ее тепла.

Как славно, душевно написала в стенгазете Лидия Андреевна Коваленко: «За окном тихо кружатся снежинки-зондики, а мне по-прежнему дороги те хрупкие капризные радиозонды, которым уже никогда не подняться ввысь, как не вернуться годам ушедшей юности, юности далекой и прекрасной».

1 мая 1984 года

В ДРУГИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ

ЗАЧЕМ МНЕ КЛАВДИЯ ИВАНОВНА?

Стою возле метеоплощадки. Отсюда хорошо виден двор, образованный двухэтажным зданием конторы, гаражами, длинными складскими постройками. Во дворе в ряд стоят автомашины, которые, как застоявшиеся кони, готовы рвануться с места.

Это база снабжения – сердце гидрометеослужбы. Отсюда во все уголки Кольского полуострова, туда, где находятся метеостанции, направляется все, что необходимо для бесперебойной работы метеорологов, для их нормальной полнокровной жизни: приборы, инструменты, бланковый материал, продукты питания, телевизоры и многое, многое другое.

С высоты метеоплощадки иногда во время работы нет-нет да и увидишь знакомых мне работников. Вот и сейчас вижу, как не спеша, степенно подходит к своей машине водитель Евгений Дворецков. Он не любит суеты, поспешности. Возвращается со склада Нина Егоровна Попова. Гляжу на них, и в душе поднимается теплая волна.

Два года пришлось работать рядом с ними. Сколько прошло времени с тех пор... Все были молодые. Мне было двадцать. Кажется, это было и давно, и недавно. Особенно дорога мне Клавдия Ивановна Голдаева. С ней я делила и тяжелый труд, и нехитрый обед, и душевные заботы.

Спускаюсь с сопки по крутой каменистой тропинке. Захожу в контору. Открываю наугад дверь. В большой комнате много письменных столов. За одним из них сидит Валентина Александровна Коровяковская, приемосдатчик базы. Я здороваюсь. Ее брови вскидываются вверх.

- Людмила! Здравствуй! Проходи. Тебе кого?

- Клавдия Ивановна здесь?

- Здесь, здесь. Подожди, посиди. Клавдюшка сейчас придет.

Валентина Ивановна склонилась над бумагами.

- «Оленегорск» пришел, – делится она своей заботой.

Я понимаю, это значит – пришел контейнер с Оленегорска. Со всякой мелочью: приборы, радиодетали.

- А ты знаешь, у Клавды был день рождения, – она с улыбкой посмотрела на меня, – мы для нее заказали песню по радио в исполнении Анны Герман. Там, оказывается, заявки за месяц принимают. А мы за неделю спохватились. Но ничего, уговорили. Сказали нам: «В субботу в 18 часов слушайте». Я будильник завела, чтоб не позабыть. Будильник зазвенел, муж даже подскочил от неожиданности, – Валентина Александровна засмеялась. – Ну сижу ж, слушаю. Объявляют – «Клавдии Ивановне Голедаевой товарищи по работе шлют поздравления». И называют песню – «Прощайте, скалистые горы». Я чуть со стула не упала. Ну мы и посмеялись с девчатами. Никаким боком к морю не привязана, а тут, на тебе, в моряки вышла, – с улыбкой закончила она рассказ.

Дом на Петушинке для сотрудников гидрометслужбы

Большим авторитетом и уважением среди работников базы пользуется Клавдия Ивановна. Благодаря крепкой памяти, природной сообразительности, накопленному опыту она знает и помнит, что где лежит, стоимость, номер изделия. И поэтому кладовщики, товароведы неоднократно прибегают к ее помощи. И всегда она охотно выручает. Работает честно, надежно, безошибочно. Имеет благодарности, наградные знаки.

- А зачем тебе Клава? – спросила Валентина Александровна. – По делу?

Я кивнула. Зачем мне Клава? Разве это объяснишь просто. Зачем, скажем, человек, когда в доме есть водопроводный кран, идет в лес, к роднику? Ради глотка воды? Не только! Его мучит не физическая жажда, а жажда душевная. Он пришел сюда, чтобы послушать лесную тишину, удивиться в который раз чистоте и прозрачности родниковой воды, которая, как живая, возвращает силу духа, бодрость, уверенность в себе.

Видимо, Клавдия Ивановна с ее неиссякаемой добротой и сосредоточенностью, живостью ума и юмором и есть для меня этот удивительный родник.

Дверь открылась и в дверях показалась Клавдия Ивановна.

- Айда ко мне, в мой кабинет!

Ее кабинет – это небольшое складское помещение. Высокие стеллажи, стол, печка, умывальник... На стеллажах бланковый материал: таблицы, книжки, журналы, на полу – посылочные ящики.

Клавдия Ивановна Голедаева – упаковщик. Это ее умелыми руками готовятся посылки, ящики перед длинной дорогой. Бережно упаковывает и чуткий прибор, и хрупкие дефицитные термометры. Все должно остаться в целости и сохранности. И надо не перепутать адрес. Вместе с Клавдией Ивановной здесь трудиться и Мария Григорьевна Штыреева, прилежная, старательная работница.

Привела меня сюда забота. Сестра с детьми уехала в отпуск. По времени должна быть уже на месте, а ни письма, ни телеграммы. И я себе уже места не нахожу: «Может, что случилось?»

Милые женщины стали утешать, припоминая разные случаи и ситуации:

- Не расстраивайся. Они еще не пришли в себя от дороги.

Был обеденный перерыв, и мы не спеша вели беседу. А мне припомнился вот такой же обеденный перерыв, когда дверь нашей комнаты отворилась, и зашел Анатолий Александрович Скрипин – начальник базы.

- Вот что, матушки, после обеда сложите газовые баллоны, – сказал он и ушел.

- Как же мы будем их укладывать? Мне их не поднять! – удрученно спросила я Клавдию Ивановну.

- Не робей! Сейчас чайку попьем, там видно будет. Ты пирог с пшенной кашей ела? На вот, попробуй!

После обеда мы вышли во двор, подошли к баллонам. Я с тоской смотрела на них и не знала, с какой стороны подойти. Клавдия Ивановна сходила в столярку и принесла две доски. Вскоре мы перетаскали и уложили баллоны. И все-таки нам приходилось поднимать и баллоны, и ящики, и мешки. Никакой механизации. Это сейчас Клавдия Ивановна говорит: «Я расписалась за 15 килограммов, и точка». А раньше работали по принципу: «Больше бери, дальше бросай».

Были среди нелегких трудовых дней и радостные, светлые минуты. Это когда шла погрузка машины для отправки груза на метеостанцию. В тот день выходили из конторы все: начальник, завскладом, товароведы и мы, рабочие и грузчики. Все были напряжены, деловиты, внимательны. Как бы чего не забыть, не оставить, ведь когда еще будет следующий рейс, а забытое, но необходимое на метеостанции, будет лежать на базе, занимать место. И не дай бог забыть что-нибудь, праздник будет испорчен.

- Начнем! Где Женя? Женя, давай к эстакаде! – дирижировал Скрипин.

Женя Дворецков не спеша, даже как-то значительно, на глазах у всей честной публики, сопровождаемый ее возгласами, четко подводил машину к эстакаде.

Сначала грузили самое тяжелое – бочки с бензином. Каждая бочка – 200 литров. Вручную, без крана огромная тяжелая бочка двигалась, куда «велели» ей мы. Рядом я чувствовала плечо Клавдии Ивановны и прерывистое дыхание Скрипина. Я понимала, как малы мои силы, но, кто знает, может, как раз их не доставало, чтобы бочка могла двигаться. Наконец, бочки на месте. Все удивлялись: «Неужели это мы?» И в то же время гордились: «Вот так мы!»

Анатолий Александрович обычно снимал рукавицы, отряхивал костюм. Ветер вздымал его седые волосы. Он как-то молодел, выпрямлялся, был бодр и весело возбужден. Он был красив. Так я сделала для себя открытие: труд делает человека красивым.

А Клавдия Ивановна Голедаева открывала мне великую радость труда. Помню зимний морозный день. Холодный склад. Вижу его дощатые стены, покрытые махровой изморозью. И мы, Клавдия Ивановна, я и Нина – молодая женщина, новенькая, здесь работаем. Я специаль-

ным скребком счищаю старую надпись с ящика, Нина вытаскивает старые гвозди, выпрямляет металлическую окантовочную ленту. Нина приехала из теплого Симферополя. Она клянет и холод, и Мурманск, мечтает о своем теплом городе. Мне понятно ее желание скорее попасть в тепло. Наверное, и у Клавдии Ивановны это желание было, но подавлялось ответственностью. Поэтому она не спеша, основательно укладывает вещи: расправляет складки одеяла, приглаживает телогрейку. А между ними уютно ложатся коробка с ариометрами, лампочки.

Чтобы как-то скоротать время, расшевелить нас, замерзших, Клавдия Ивановна заводит разговор, рассказывает о себе. Она тоже приезжая, из-под Саранска. Семья большая. После окончания семи классов начала работать по бригадам: когда на свеклу пошлют, когда на элеватор зерно возили.

Шесть лет работала свинаркой. Сначала никак не могла там работать: «Не пойду на ферму!» Вызывают брата. Приезжает домой и на меня: я, коммунист, должен краснеть за тебя?!

Куда же деваться? Приходилось идти. Ох и уставала, а слез было! Поросятадохнут, а я реву. А тут брат с женой укатили в отпуск. Я одна осталась. У мамы ноги плохие. Встаю ни свет, ни заря, свою домашнюю животину накормить надо: наварю, накормлю. К шести часам на ферму! И целый месяц так. Приехали брат с женой, я как упала на кровать, так и спала целый день, как убитая.

- А как вы в Мурманске оказались?

- Летом Анатолий, потом он стал моим мужем, в отпуск из Мурманска приехал. Пришел с племяншом на ферму, помочь по плотницкому делу. Стоим беседуем. Он меня вдруг спрашивает: «Поедешь со мной в Мурманск?» – «Поеду, если не шутишь». Так и попала в Мурманск, – Клавдия Ивановна приостанавливается и, улыбаясь, смотрит на нас. Улыбка у нее широкая, белозубая. – Я пришла первый раз на работу – продолжает она. – Скрипин привел вот сюда на склад, говорит: «Вот, матушка, это все надо уложить так, чтоб ничего не разбилось, не сломалось». Смотрю на него: «Легко сказать не разбилось, как же?» Отвечает: «А как бы ты для себя стала укладывать, так и делай. Вот и вся наука!» Так и работаю...

Смотрю на нее и невольно люблюсь. Вся она ладная, аккуратная, разругалась от холода, воспоминаний. И все ее движения ловкие, точные. Хороша! Мне тоже захотелось быть такой же красивой и лов-

кой. И холод отступил, и стены в изморози исчезли. Ее черные глаза словно излучали тепло. Трудно поверить, но мне весело было забивать гвозди, таскать ящики, трястись в машине на мешках с картошкой или луком, если рядом была она. Неутомимая, неунывающая, она обладала удивительным свойством. Возле нее обретаешь достоинство, чувствуешь себя сильной и значительной.

Я уже училась в техникуме... После такой работы на учебу не хватило бы сил, если бы не Клавдия Ивановна.

- Ты молодая. Тебе учиться надо. Неужели ты все это знаешь? – спрашивала она, с уважением разглядывая мой учебник.

...Зачем мне Клавдия Ивановна? Позднее, когда училась в институте, помню, как студентки перед экзаменами становились необыкновенно суеверными. Одни шли в баню «смыть грехи», другие, наоборот, считали, что все знания смоят. У кого-то была заветная ручка или брелок. По дороге к институту от общежития была проложена дорожка из бетонных плит. В тот день я шла не по плитам, а рядом, по земле. Я верила в ее могучую плодотворную силу. Ведь раньше горсть родной земли брали в дальнюю трудную дорогу. Возможно, это чудачество, но оно было мне необходимо, чтобы верить в себя.

Вот и общение с Клавдией Ивановной давало и дает мне заряд, прилив сил. Общаясь с ней, я словно прикасаюсь к вечному могучему источнику, что обозначается словом «народ». Она дает энергетический заряд не только мне, всякому, кто с ней рядом.

13 декабря 1986 года

ЧТО ТАКОЕ ЖИВУЧЕСТЬ

О людях и делах одного корабля

У причала торгового порта стоит наше научно-исследовательское судно «Всеволод Березкин». Оно обеспечивает гидрометеорологической информацией моряков, рыбаков, следит за состоянием воды моря.

В экспедиции

ЗНАКОМСТВО

Судно «Всеволод Березкин» – небольшое. Если на теплоход «Георгий Димитров» надо по трапу подняться, то на наш корабль спускаюсь по трапу.

Внутри, как и на любом судне, узкие проходы, крошечные каюты, небольшая кают-компания. Одну из стен кают-компания украшают почетные грамоты и дипломы. Меня заинтересовала пустая рамка. Оказалось, там была короткая биография человека, чье имя носит судно. Но, не к чести экипажа, куда-то исчезла. О Всеволоде Александровиче Березкине я узнала из книг. Интересная биография ученого: это был неу-

томимый исследователь, великий труженик, гидролог высочайшего класса.

В очередной рейс на корабле «Всеволод Березкин» уходил Евгений Львович Бабченко – он возглавляет научный отряд, но на этот раз предстояло исполнять обязанности второго помощника капитана по научной части. Он был в хлопотах, беседа наша была краткой. Меня как метеоролога, естественно, интересовали гидрометеорологические наблюдения.

- А если сильный шторм, вы продолжаете работу? – спросила я.

- Тут два пути. Один – срываем программу, что крайне неприятно и нежелательно. Хотя я лично считаю, что жизнь человека дороже. И второй путь – усиливаем технику безопасности и продолжаем работать. Что касается качества наблюдений и обработки материалов, скажу так, качество – это техника и надежные люди, профессионалы.

И он назвал самых надежных. Это Виктор Викторович Плеханов, Сергей Николаевич Хориков, Анатолий Николаевич Чурсин, Сергей Владимирович Комаров...

С некоторыми из них мне довелось побеседовать.

ПОСЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Виктор Викторович Плеханов начинал работать техником-океанологом, в последнем рейсе исполнял обязанности начальника отряда. Он и секретарь партийной организации.

- Трудный был рейс, – рассказывал он. – Море сильно штормило. Отказывало все, кроме человека! Телетайп от вибрации и качки барахлил, вычислительные машины – тоже. Только люди работали безотказно. Очень выручил с наблюдениями по актинометрии Сергей Хориков.

С Сергеем Хориковым я встретилась в управлении. Судно ушло снова в рейс, а Сергей Николаевич собирался в отпуск.

- Как рейс? – переспросил он меня. – Трудным был. Выходили из строя пиранометры. Забирался на мачту, налаживал. Да еще в рейсе два новичка было. После них все проверяешь. Охота и премию получить, и отчет без ошибок сдать. Море – это работа, работа, работа. Бывает и радость. Радист однажды сказал: «Зайди. Новость есть». И читаю: «Родился сын. Вес два семьсот. Рост 51». Такое один не пере-

живешь, набивается каюта, и появляется чай, звенит гитара. В прошлый рейс у Юрия Владимировича Малого родилась дочь, у меня – сын. Команда шутила: «Наука не дремлет!» Радость, а вместе с радостью приходят и думы: как там жена с двумя детьми?

- Как назвали малыша?

- Федором, в честь деда! – ответил Сергей.

ДЕВЧАТА

На следующий день я оказалась в окружении женщин. Это были повар-кондитер Катерина Сахно, дневальная Лариса Герасимчук и буфетчица Наташа Тимофеева..

Женщина в море. Хорошо это или худо? Вопрос открытый. Одно ясно – тут все сложно. Море – испытание для мужчин. А каково женщине? Не увеселительный круиз совершать, а работать, да еще как! Старпом обычно платочком пыль проверяет.

- Я не понимаю, – говорит Катя, – что такое романтика. Читаешь в газетах, книгах – романтика, романтика! Я знаю одно – везде есть труд, везде надо работать. Каждый праздник пирожные готовлю, чтобы этот день радостным чувствовался, чтобы скрасить однообразную судовую жизнь...

Зная отличительную украинскую черту – музыкальность, любовь к песне, я спросила: «Вы, наверное, поете, любите петь?»

- Вы угадали. Я даже работаю с песней! Всегда с песней в ногу! – пошутила она и засмеялась. – Первый рейс – мое крещение! Самые шторма! Бросало так, что врач Вера Сергеевна Васильченко вздыхала: «И чего я квартиру на сына не переписала!»

И при такой качке надо работать! Влажные полотенца расстелем на столах, чтоб миски не убежали. Поставишь, оглянешься – уже на полу. Тогда меня так укачало, лежу, не могу подняться. Старпом грозит: «Высадим при первом же заходе!» Я расстроилась, в слезы. Как тут не вспомнить капитана нашего Виталия Сергеевича Шарапова. Врач Вера Сергеевна при нем однажды коротко сказала старпому: «Не нервируйте людей!» И капитан с ней согласился.

Трудно им, девчатам, физически трудно и морально. И я слышу в их словах далеко не ликующие нотки.

- Много и от женщины зависит, как себя поведет, так и к ней будут относиться, – говорит Лариса. Она – секретарь комсомольской организации.

- Что я заметила, – признается Катюша, – женщина грубеет в море. А нам нельзя себя распускать.

Сейчас они в море. Я представила безграничную ширь воды и маленькую белую точку, их дом. Они вместе связаны – судно и люди. При беседе с капитаном Виталием Сергеевичем я обратила внимание на его слова: «Живучесть судна». Это, как он объяснил мне, техучеба, включающая вопросы противопожарной безопасности, обеспечение водонепроницаемости корпуса и помещений.

Люди берегут судно, судно бережет жизнь людей. Вот так и в жизни. Чем больше отдаешь другим, тем больше получаешь. В этом живучесть не только судна, но и коллектива, наша живучесть.

30 августа 1987 года

ЗАОЧНИЦЫ

- Девочки, – раздается в сонной тишине голос Наташи.

Девочки не отзываются – они еще во власти сна.

Я протягиваю руку, нащупываю на тумбочке часы, вглядываюсь в циферблат. Ого, уже половина восьмого! Полчаса в нашем распоряжении. Заскрипели кровати. Комната наполнилась голосами: «Ой, девчата, какой я сон видела!...»

Девчата – это пять студенток-заочниц, прибывших в Ленинград из разных уголков страны на экзаменационную сессию. Сорок дней мы пятеро жили одной семьей. На сорок дней стала моим домом эта комната, единственным украшением которой являются учебники, словари, справочники. Книги повсюду: на тумбочках, полках, стульях, подоконниках.

Нехитрый завтрак проходит быстро.

Громко перестукивают колеса трамвая. Путь к институту долгий. Пассажиры заходят и выходят, а мы все едем. Порой мне кажется, что мы и живем, словно в поезде: учим, спим, едим, следим в окно за обычной жизнью, сами оторванные от этой жизни. Там люди читают газеты,

вечером смотрят телевизор, ходят в кино, в гости. А тут каждая минута, каждый твой вздох подчинены одному: успешно закончить сессию, сдать все экзамены. Плохо тому, кто отстанет. Несданный экзамен камнем висит на душе. И сознание, что приобрел «хвост», наводит унылую тоску. «Хвост» – это надоевший учебник, скучные непонятные формулы, в то время, когда другие позволяют себе маленькие радости: кафе, мороженое, новый фильм и даже просто поваляться без учебника в постели, поболтать ни о чем. Обычные маленькие радости кажутся величайшим удовольствием.

У здания гидрометеорологического института в Ленинграде

Держась за поручни, Наташа смотрит в окно и чему-то улыбается. Она приехала из Читы. Невысокая, хрупкая, говорит слабым тихим голосом. Но слабость только внешняя, физическая. Эта девушка обладает поразительной силой воли.

А Люба прилетела из Усть-Цильмы. Ее неутомимости, целеустремленности, упорству может позавидовать всякий. Рядом тихо беседуют

Лиля и Света. Лиля приехала из Бугульмы, Света – из Туапсе. С Лилей интересно общаться: искренняя, открытая, к тому же умница, начитанная, она изумительный рассказчик. Мы ее слушаем, забыв про учения и экзамены. Света – душа нашей семьи. Душа певучая, веселая, неунывающая, готовая шуткой ободрить, разогнать душевные тучи.

Путь к институту проходит через чудесный зеленый дворик. Я люблю здесь ходить. На дворе май. В Мурманске я совсем недавно куталась в теплый шарф, а в Ленинграде с удивлением наблюдаю тополиную метель. На земле возле деревьев белеет пух, словно выпал неожиданный снег.

Институт. Раньше здесь находилась богадельня, жили и молились старушки. Полусферические потолки в этом здании, полукружья окон, ниши для икон, статуй, маленькие, как кельи, аудитории – здесь еще жила и дышала история. А теперь хозяева – молодежь.

Я встречаю много знакомых студентов-заочников. Это все наши, мурманчане, работники гидрометслужбы: Володя Калашников, Юрий Малов, Нина Тихомирова, Наташа Золотовская, Ирина Небольсина – всего в Ленинградском гидрометеорологическом институте учатся 63 наших сотрудника.

Лекцию по физической математике читает Владимир Борисович Иванов. Невысокий, худощавый молодой преподаватель, влюбленный в свою математику.

- Теперь, – говорит он, – приведем это полученное интегральное уравнение в божеский вид, то есть распишем все по порядку. Смотрите, как все здорово получается.

Мы смотрим на исписанную уравнениями обширную доску. В аудитории раздается сдержанный смех.

Заочники – тонкие психологи: основательно изучают и наблюдают преподавателя. Знают уже, что он человек настроения, что у него есть сын, что сын учится в пятом классе и свободно решает дифференциальные уравнения.

Наискосок от меня сидит Таня. Она живет и работает на Камчатке. Я вижу, как ее голова склоняется все ниже и ниже. Потом она вздрагивает и просыпается. Ей приходится бороться со сном. Если в Ленинграде полдень, то на Камчатке полночь. Организм перестраивается на новый режим.

Обедали мы в любимейшей всем «Котлетной», что находилось че-

рез дорогу от учебного здания. Когда мы сидели за столом, Люба выразительно посмотрела на меня и спросила: «Люда, чего вон тот иностранец на тебя смотрит и улыбается?» Я оглянулась. За столом сидел смуглолицый паренек. Он улыбался и приветственно махал мне рукой: «Мурманск». Я вспомнила его и в ответ тоже помахала рукой.

Мы познакомились год назад, осенью. В тот день я не сдала зачет по математике. Интеграл не «раскалывался». Сложные преобразования, формулы нагромождались друг на друга, а раскручиваться не хотели. Все было не то и не так. Я вышла. Чувствовала себя скверно. Потом, успокоившись, снова подошла к преподавателю и сказала, что необходима консультация.

- Приходите завтра к одиннадцати часам. У меня будет занятие. Там и побеседуем, – ответил он.

Дома меня встречает смех. Лиля рассказывает анекдот. Но мне с моим настроением и заботами было не до смеха. Чтобы выучить основательно, мне необходимо проговорить материал вслух. Естественно, ни в общежитии, ни в библиотеке учить таким методом невозможно, поэтому я решила учить на улице. Накрапывал дождь, плиты дорожки сделались блестящими, тропинки потемнели от влаги, ноги мои промокли, а я все твердила: «Ряд с членами произвольного знака называется абсолютно сходящимся, если сходится ряд из абсолютных величин его членов. Двойным интегралом называется...» Писала на память по влажной земле формулы разложения ряда.

Зато какое удовлетворение испытываешь, когда между тобой и преподавателем устанавливается взаимопонимание, когда он без натяжки, одобрительно кивая головой, ставит зачет. С гордостью любишь честно заслуженной оценкой.

На следующий день я уже шла к аудитории, где вел занятия Виктор Анатольевич Марков. Это был кабинет геофизики. На стенах висели географические карты. Он указал мне на свободное место, написал пару задач. Не скажу, что это были легкие задачи, но все-таки я справилась. Он подошел, посмотрел, одобрительно хмыкнул и написал еще одну, сказав: «Решишь это частное дифференциальное уравнение, ставлю зачет». Для меня сейчас не существовал никто и ничто. Кажется, прошла вечность, пока он проверял решение. В зачетке появилась новая запись: «Хорошо». Сделан еще шаг вперед. И только тут я обратила внимание на своего соседа. Это был смуглый паренек. Сжав голову ру-

ками, он, не мигая, смотрел на написанное. Очевидно, у них была контрольная. И паренек зашел в тупик.

- Поторапливаемся, – предупредил Марков.

Студент нервно поежился от этого напоминания и взглянул на меня. В его глазах – отчаяние и надежда. Я хотела отказать ему в помощи – куда мне, заочнице, но, окрыленная собственным успехом, пригляделась попристальнее в его записи и уже в самом начале заметила ошибку: неверно использовал формулу дифференцирования отношения. Я указала и написала, как верно. Стукнув себя кулаком по голове, он радостно бросился исправлять. Звонок прозвенел вовремя.

Пряча зачетку в сумку, я кивнула головой на висевшую прямо перед нами карту: «Откуда ты?»

- Куба!

- Понятно. А я живу здесь, – и обвела авторучкой Кольский полуостров, на который надвинулись с изломанными краями поля ледников Арктики. – Мурманск.

Мы стояли, высоко задрав голову вверх.

- Мурманск, – повторил он. – О, там холод, снег, мороз.

По-русски он говорил прилично, лишь с небольшим акцентом.

- Да! – согласилась я.

Этого у моей родины не отнимешь.

Залив, мой родной Кольский залив! Но почему же волны теплые, ведь вода в заливе холодная. Ах да! Это же залив моего детства, моей юности.

Залив. Он и здесь не оставляет, не отпускает меня. Даже когда стою на берегу Невы, что раскинулась через дорогу от института.

Самое приятное у студентов-заочников – ужин. Обильный – редкость, чаще чай с сухарями, хотя сухари не какие-нибудь, а с орехами. На чай к нам заглядывают девчата из других комнат: кто – разобрать пример, кто – проконсультироваться. Собирались группой и переводили тексты. Группой оформляли лабораторные работы по физике. Там были огромные расчеты: все осреднялось, логарифмировалось – считали до четырех часов утра. Группой разбирали аэрологическую диаграммную ленту. Многие, наверное, не раз видели огромный воздушный шар с привязанным к нему радиозондом, поднимающийся вверх. Радиозонд посылает радиосигналы, и радиолокатор, принимая их, записывает сигналы вот на эту длинную диаграммную ленту. Конечно, для тех, кто ра-

ботает аэрологом, нет необходимости ее разбирать. Для нас, метеорологов, она была загадочна и таинственна: вертикальный угол, наклонная дальность, опорные точки, точки температуры, влажность, множество поправок – откуда берутся, куда заносятся?..

А за окном девичий смех, веселые ребячьи возгласы. Подхожу, смотрю в окно. В воздухе кружится тополиный пух, долетает до четвертого этажа. Внизу во дворе общежития играют в бадминтон вьетнамцы – две девушки и два парня. Двое играют, а двое смотрят, делают замечания, шутят. Голоса у девушек звонкие, тонкие. Одеты девушки в национальные костюмы: в куртки прямого покроя и брюки.

Один раз по какой-то причине не было газа, и негде было согреть воды. К нам в комнату зашла вон та девушка с длинными, черными, рассыпающимися как шелк волосами и спросила:

- У вас есть кипяtilьник?

- Кипяtilьник.

- Да, да, кипяtilьник, – нараспев радостно повторила она.

Мы должны были ее огорчить. У нас был утюг, фотоаппарат, зеркало. Другие, я знаю, привезли даже будильник, кофеварку. Но вот кипяtilьника не было. Чего нет, того нет.

Аэрология – последний экзамен. Мне кажется, что голова моя распухла. А преподаватель Павел Михайлович Мушенко знай свое твердит: «Аэрология является самым важным предметом в метеорологии». У Любы в конспекте только и эта строчка сохранилась: «Дальше нет сил писать», – шепчет она мне.

В аудитории смех.

- В чем дело? – спрашивает преподаватель.

- Мы это слышали уже. Математика – это основной предмет. Философия – наука наук, – поясняет Володя.

- А что, это действительно так, – соглашается Павел Михайлович.

Сам бесконечно преданный своему делу, он требует от нас полной отдачи.

А учить уже невозможно. Голова отказывается что-либо воспринимать. Пять экзаменов и шесть зачетов что-то значат. Начинаешь читать, глазами водишь по строкам, вроде читаешь, перелистываешь с умным видом и вдруг с ужасом ловишь себя на том, что не запомнила из прочитанного ни слова, мысль давно утеряна, а завтра трудный, последний экзамен. И вновь переворачиваешь страницы назад, возвращаешься ту-

да, где была утеряна мысль, читаешь, стараясь вникнуть в суть написанного, разобрать, осмыслить формулы.

Время полуночи. Окно распахнуто настежь. Я гляжу в светлеющее небо и думаю. Думаю о доме, о завтрашнем экзамене. Мне не спится. Общежитие наше буквой расположено буквой «Г», поэтому я вижу его светящиеся окна. Они излучают мягкий, добрый свет. Общежитие – это теперь мой дом. В нем живут студенты, собравшиеся чуть ли не со всего земного шара.

Спокойной ночи тебе, дом, и твоим жителям! Мира тебе!

19 сентября 1982 года

НА ДАЛЬНИХ ПОСТАХ

(Рассказ Лидии Ильиничны Никифоровой)

1953 год – поступила на работу в МУГМС.

3 июля 1953 года – ГМС «Колмъявр».

3 февраля 1955 года – переведена на ГМС «Мыс Черный».

17 октября 1955 года – уволена из МУГМС.

Выписка из трудовой книжки

В Мурманске. «Захотелось романтики»

Родилась я в Мурманске. Была единственной дочерью у родителей. Родители жили в Мурманске с 1932 года. Они были родом с Украины. Моя девичья фамилия Тарасюк. Жили мы на Жилстрое, на улице Рабочая, потом улицу переименовали в Генералова. Училась я в школах № 5 и № 12. А школа № 4 была мужская, в то время когда я училась.

В 1953 году я закончила семь классов. Сосед-паренек работал на зимовке, на Слюдянке. Он только вернулся оттуда и рассказывал, как там было трудно и дико, и мне захотелось романтики, потянуло в дальние края, мол, в городе скучно и неинтересно. Метеослужба находилась неподалеку от Жилстроя, на Петушинке. Меня взяли на работу. Так я пришла на метеостанцию. На метеостанции прошла обучение на метеонаблюдателя, и 7 июля меня направили на Колмъявр. Туда направлялись четыре человека: я, два радиста, закончивших в Риге училище радистов, и старшим наблюдателем была Октябрина Ильинична Рубцова. Она и по годам была старше нас, ей уже было за двадцать.

Был июль, еще светило солнце, деревья стояли зеленые. Из Мурманска до города Апатиты мы должны были добираться на поезде, а с Апатитов в Колмъявр, в тундру – на самолете,

Авиаторам в апатитский аэропорт из управления гидрометслужбы была отправлена телеграмма с просьбой доставить нас на место.

В городе Апатиты. «Застряли мы капитально»

Мы приходим в аэропорт, а нам говорят: «Нелетная погода».

Вот тут и началась романтика, тут и началась проверка на зрелость, на характер.

Погода нелетная, нас не выпускают, а нам и переночевать негде, Правда, нам предложили комнату в маленьком домике, очевидно, она предназначалась для таких бедолаг, как мы. Комната была унылая, не-жилая. Там стояли одни кровати и никаких удобств. Питались мы в столовой. (Этот домик стоит до сих пор.)

Но самым неприятным оказалось то, что у нас уже не было денег, мы же не рассчитывали здесь надолго застрять. Каждый день Октябри-на ходила к дежурному аэропорта, объясняла, что нам необходимо уле-теть, что у нас уже нет денег, но на нас не обращали никакого внимания, до них, наверное, не доходило, что это серьезно. В общем, застряли мы капитально. Тогда я говорю дежурному:

- Или вы отправляете немедленно нас, или я возвращаюсь в Мур-манск, иду в управление, к Собченко, будете объясняться с ним.

Собченко – начальник отдела сети.

Дежурный заверяет нас, обещает:

- Завтра вы точно улетите. Обязательно. Мы вас планируем!

Лидия Ильинична и Павел Егорович Никифоровы. 1956 год

Мы, довольные, что наконец-то завтра все разрешится, возвращаемся из аэропорта домой И тут, проходя мимо столовой, я предлагаю:

- Давайте зайдём в столовую, хорошо покушаем.

Мол, мы здесь находимся последний день, спустим оставшиеся деньги, потому как в тундре нам деньги ни к чему.

Мы заходим в столовую и тратим последние деньги. Поели вкусно и досыта. Даже на хлеб денег не оставили.

На следующий день утром Октябрина ушла в аэропорт, узнать, во сколько мы улетаем (а аэропорт находился в десяти километрах от города, и мы каждый день ходили по десять километров туда и обратно). Приходит назад и говорит, что мы не летим, снова остаемся. Причины те же: или опять нелетная погода, или нас снова «не запланировали».

Тогда я заявляю:

- Так! Я сегодня же уезжаю в Мурманск!

А она говорит:

- Как это? Нам разрешения не было!

- Тогда без разрешения! – отвечаю я.

- А тогда уволят!

- Пусть увольняют!

Я уже была готова на все. Мне было проще: они-то по направлению, а я-то сама по себе, человек вольный.

Все, решено, вечером я уезжаю в Мурманск. А уже как-то привыкла к этой компании и расставаться не хочется. Сидим, думаем, что делать?

Я говорю:

- Ребята, сходите еще раз поговорите с диспетчером.

Парни не идут, мол, сколько можно говорить об одном и том же. Авиаторам же известно, что мы ждем отправления. Тогда пошла я.

И вот так всю жизнь: мужики в кустах, женщины – вперед, на амбразуру.

Пришла к авиадиспетчеру и стала объяснять:

- Мы – метеорологи. Нам негде было жить, нам дали комнату. Теперь нам нечего кушать. Нам надо поскорей улететь на Колмъявр.

- А вы туда летите? – невинно спрашивает он.

- Да!

- Такая молоденькая! А сколько вам лет? Наверное, лет восемнадцать?

- Ну и что, что восемнадцать?

Мне столько и было, а Феликсу, радисту, так вообще только семнадцать стукнуло.

- Если вы немедленно нас не отправите, то я сегодня же уеду в Мурманск, пойду в управление к Собченко (пустила я снова свой козырь), и вы ответите за срыв работы. Он думает, что мы уже работаем, а у нас нет денег даже на телеграмму, чтобы сообщить, что мы тут застряли. Мы же не можем здесь голодные жить!

Он слушает меня и говорит:

- Дети! Детсад, настоящий детсад! Надо что-то с ними делать. Придите через час, я что-нибудь придумаю.

Мы шли домой и возмущались: Каково? Они тут не шевелятся, а мы – детсад! Нашли крайних!

Через указанный час подходим к нему:

- А теперь что вы нам скажите?

- Я вам скажу, ребятки, что вы у меня сейчас улетите!

И мы наконец-то сели в самолет. Самолет был мест на двенадцать, кресла стояли по обе стороны. Мы летим и смотрим в иллюминаторы. А внизу под самолетом тянется тундра: леса, реки, озера, как на карте.

На Колмъявре. «Если откроешь рот, то будет рев»

Метеорологическая станция «Колмъявр» II разряда – открыта 30 декабря 1951 года.

Перерывов в работе не было.

5 ноября 1953 года станция перенесена на 200 м к северу.

Станция «Колмъявр» расположена в северо-восточной части Кольского полуострова, в северной части невысокого горного массива Кейвы. Среди сопок разбросаны многочисленные озера. Большинство озер соединены между собой небольшими порожистыми речками. Район расположения станции входит в зону тундры. Окружающая местность представляет собой крупнолиственную пятнистую тундру, в значительной части заболоченную.

Наиболее крупные озера – Порос-озеро, Калкозеро, Колмозеро.

Наконец летчик посадил самолет на свободное от деревьев, ровное место, как раз между озером и высокой сопкой. Озеро это и называется Колмъявр, по названию озера называется и местность. Мы выходим из самолета. Нас встречает начальник метеостанции Александр Александрович Рыбаков. Он был человек семейный, жил тут с женой Ксенией и сынишкой Сашей.

Я оглядываюсь вокруг: ни единого домика, ни единого человека. И кругом тундра. Куда ни глянь – низкие березки, мелкие невысокие кустарники. Потом уже, позднее, по истечении времени, мои друзья-коллеги признались: мол, когда они вышли из самолета и посмотрели вокруг, им захотелось плакать, и словно ком в горле застрял, и боялись слова вымолвить, потому как, если откроешь рот, то будет рев.

Мы были в ужасе. Все же жили в больших городах: Октябрина прибыла из Свердловска, ребята – из Риги. А у меня была другая реакция. Я вышла, огляделась и расхохоталась. Я хохотала от нервного шока. Я сказала себе:

- Вот тебе твоя романтика. Что ни на есть настоящая романтика. Получила, что хотела.

Но делать нечего. Самолет тут же улетел, поскольку наш рейс был незапланированный. И мы пошли гуськом к метеостанции, вслед за Рыбаковым. Шли долго. Наконец на сопке показался одинокий финский домик. Домик был новый, только поставленный. Рядом – метеоплощадка. А внизу, у самого озера, стоял еще один домик, бревенчатый. Там жили наши соседи. Я спрашиваю у Рыбакова:

- Там хоть люди есть?

Он отвечает:

- Пока есть.

Это были лопари.

Мы прибыли, а прежний штат сразу же вылетал в отпуск на рейсовом самолете.

Прежний радист передавал дела нашим парням-радистам просто:

- Вот радиостанция, работайте. Вы же радисты!

Октябрина, как старшая, даже не успела имущество принять. Рыбаков сказал :

- Распишись. Потом, приеду, сочтемся!

Они улетали в отпуск, три года в отпуске не были, а мы оставались.

Наш быт. «Не пойдешь в магазин, не купишь»

Там же не город – не пойдешь в магазин, хлеба не купишь, Даже испечь его негде было. Дом был без печки, без всяких отопительных приборов. Но уезжающие нам сказали, что нам повезло, для нас большое счастье, что мы вообще в доме живем, а они в прошлом году жили в палатке, и палатку заливало дождем. Здесь, на зимовках, вечно штат неполный, и им приходилось работать за себя и «за того парня», а то и за двоих-троих. Да, к тому же им пришлось еще дом ставить. Так что они работали без отдыха. Если я приехала в 1953 году, дом уже стоял, то до нас жили в палатке

- Молите бога, что вы будете жить в доме! – обрадовали нас предшественники.

Мы, конечно, сознавали это благо и были счастливы, что живем в доме, а не в палатке.

Однако было еще лето, тепло. Мы даже купались в озере. Дом не отапливался. Воду брали в озере. Кушать готовили на костре. На улице печурку из камней соорудили. А что варить? Что кушать? Закрома нам оставили пустые. Продукты завозят на год, что до осени осталось, то и ешьте. На нас, четверых, остался мешок рожков и несколько бутылок растительного масла. Потом обнаружили еще муки пару мешков. А что нет ни соды, ни дрожжей, ни печки хлеб выпекать – это уже, как сейчас говорят, ваши трудности, спрашивать не с кого.

Соседи-лопары

С лопарями мы с Октябриной сразу познакомилась. Спустились к озеру за водой, зашли в дом, представились:

- Здравствуйте, мы – соседи ваши.

В доме были четыре женщины, то есть жили четыре семьи. Каждая семья – в своем углу. Угол огорожен ситцевой занавеской. За занавеской стояли нары или полати, то есть постели. Там были перины из оленьей шерсти, подушки, и одеяла из оленьих шкур. У каждой семьи – дети. Детей было много. Школьников вывезли самолетом в интернат, а дошкольники остались здесь, возле матерей. Дети разного возраста: кто еще в зыбке, кто уже прыгает. Посреди дома – плита. Огонь в плите

поддерживается круглые сутки. На плите что-то варилось, булькало – готовили еду. За общим столом кормили детей.

А сами женщины занимались шитьем: шили тапки, пимы, малицы, одежду для мужей-пастухов из оленьих шкур. Старшие сыновья тоже пасли оленей. Это колхозные олени. Женщины всегда были при работе. Мужья навещали жен, приносили продукты. Пастухи приходили отдохнуть, с детьми повозиться, помыться.

На берегу озера стояла банька. И нам довелось в ней мыться. Из бани выходишь – и сразу ныряешь в озеро.

Этот домик – сезонное жилище, на летний сезон. В селе Ловозеро у каждой семьи – свой дом, свое хозяйство.

Мир не без добрых людей. «Печь – это жизнь»

Как-то по осени к нам на метеостанцию приехали два мужика – дядя Саша и дядя Коля. Дядя Саша был из Ленинграда, а дядя Коля – из Ловозера. За десять километров от метеостанции располагалась геологическая экспедиция. Основная группа людей уже вылетела, но оставалось имущество. Четыре оставшихся человека охраняли его, грузили на самолет. Когда все вывезут, тогда и сами улетят. Они искали соседей и вышли на нас. У них была лошадь или даже две, телега, Они приезжали к нам, то на телеге, то верхом.

Дядя Саша, он мне, девчонке, показался стареньким, по-хозяйски посмотрел на наш быт и сказал:

- Ой-е-ей, дети! Как вы зимой жить-то будете? Вам печь же нужна!
- Да, – уныло согласились мы и спросили: – Как же нам быть?
- Трудно вам будет выжить зимой. А где ваш хозяин? Начальник?
- Он улетел в отпуск. Когда вернется – снег уже ляжет. А может, и не вернется сюда, а вовсе другого направят.

- Боже, как вы зимовать-то будете? – тянул он свое.

Жалеючи нас, он взял над нами шефство.

Люди в глубинке, далеко от города, очень отзывчивы на добро, на помощь. Рады друг другу помочь. Рады присутствию людей, общению.

- Хорошо, – сказал он. – У меня в экспедиции есть кирпич, забирайте!

И вот мы парами – радист и наблюдатель, отдежурившие сутки, –

идем за десять километров за кирпичом и привозим его на метеостанцию. Дядя Саша даже лошадь для перевозки дал. Так мы и работали: одна пара дежурит, другая кирпич возит. Привезли кирпич. Тогда дядя Саша говорит.

- Готовьте дрова, ребята!

- У нас еще печи-то нет!

- Готовьте дрова! – твердит он свое.

Мы нарубили дров. Теперь, чтобы выложить печь, нужны были песок и глина.

- Хорошо, – сказал дядя Саша. – Здесь у вас песку нет, берите у нас.

Привезли мы и песок.

- А глину где достать?

- Копать надо!

Начали мы копать, а там – вечная мерзлота. Мучились, мучились – ничего не получается. Сидим с Павлом и чуть не плачем – не копается.

Тогда дядя Саша предложил добыть глину с помощью взрывчатки. Взорвали.

Привезли и глину.

Дядя Саша – мастер на все руки – поставил стояк посреди стены, вывел трубу, положил плиту. Так мы стали с печкой.

Экспедиция находилась у озера, названия не помню. Но красивое. На берегу – песочек, как на черноморском пляже. А за озером – гора. Утром выйдешь к озеру умыться – и солнце выходит из-за горы. Красота неопишуемая, невероятная. Такая тихая умиротворенная красота. Это надо видеть, почувствовать.

Красота – это, конечно, хорошо. Но к местным условиям приспособиться надо. Лопари хорошо приспособлены. У них имеется и плоскодонка, и сети для ловли рыбы. У них пацан лет восьми-десяти сам рыбу ловит, с сетями управляется.

Я спрашиваю лопарей:

- Вы не боитесь, что он с лодкой не справится?

- Нет, – отвечают, – он все умеет.

А что мы! У нас даже удочки нет. Кругом озера рыбой кишат, а мы не можем себе рыбы добыть.

Мне не раз приходилось убеждаться, как лопари хорошо приспособлены жить в тундре. Там, в Колмъявре, в летнем доме жила молодая

беременная лопарка Анна. Она и родила здесь, в этом домике: ни тебе акушеров, ни стимулирующих уколов, ни многочисленных металлических инструментов, никаких кесаревых сечений. Все естественно. Малыш уже лежит в зыбке. Небольшая плетеная зыбка, как коробочка.

Выпал снег, приближалась зима. И все лопари были готовы уже отправиться в Ловозеро на оленьей упряжке.

Я спрашиваю:

- Как же вы с малышом в дальнюю дорогу отправляетесь?

- Нормально!

- А как же вы будете его пеленать, ведь мороз, холод, ветер?

- А мы не будем его пеленать!

Оказывается, это мы только сейчас имеем памперсы. А они памперсами уже давно пользуются. Только вместо современных памперсов, лопарки используют белый мох: то ли ягель, то ли какой другой. Мягкий нежный мох хорошо впитывает влагу, и ребенок не беспокоится.

Меня всегда удивляла и привлекала гармоничность, единство жизни саамов с природой. От нее они берут самое необходимое, чтобы не нарушить природный баланс.

У моей знакомой муж – рыбак, ходит в море. С собой в море он берет успокоительные лекарства. Невозможно без сердечной боли, спокойно смотреть на варварство, какое происходит на промысле. Трал тянет десять тонн рыбы. Надо лишь две, больше рыбакам не обрабатывать. И восемь тонн уже мятой, давленной, мертвой рыбы выбрасывается за борт. Вот рыбак и глотает лекарства, чтобы не видеть, не слышать, не знать. Так кто дикарь: мудрый лопарь из тундры или цивилизованные хапуги, вооруженные наукой и техникой.

Однако потихоньку, помаленьку мы обживались. Что касается освещения, Павел завел движок, и свет у нас был и в доме, и на площадке.

На охоту. Жучка. Лопарь Ваня

Там, в тундре, и зверья много: зайцы, лисицы, волки стаями ходили. Бывало, идем снегомерные съемки делать, волки стоят стаями и на нас смотрят. Много куропаток. А ружье было только у начальника метеостанции, под роспись выдавалось.

Рыбаков прилетел на самолете. Хотя зимой до нас можно было до-

браться на оленях. Несколько оленьих упряжек называется райда. Один раз инспектор Кудло добирался до нас через Ловозеро. Ему там сказали:

- Все, погода нелетная, поедешь на оленях.

И дали упряжку в пять оленей.

Инспектор на метеостанции проверял на исправность термометры, интересовался, как мы тут живем, в узком кругу, ладим ли.

Рыбаков прибыл и затеял делать сарай для припасов, ну и нас привлекал, чтоб помогали. А я от работы освободилась – вкалывали до этого без выходных, должна же я отдохнуть, – и решила:

- А я на охоту иду!

Дядя Саша подарил Павлу ружье. Павел помог ему наладить связь в экспедиции, и дядя Саша его так отблагодарил.

Я беру ружье и выхожу в лес, на лыжах. А у нас была Жучка – охотничья собака. И окрасом, как лиса, и ростом, как лисичка, небольшая. Собак было много, а охотничья – она одна. Рыбаков на охоту ходил с ней.

Жучка, как увидела ружье, обрадовалась и бежит со мною рядом. Потом посмотрела, посмотрела на меня – что-то не то, не тот охотник. Остановилась, подумала и назад побежала.

- Жучка, иди сюда, – кричу я.

Она вернулась, прошла еще немного, снова села, подумала и побежала на станцию. Не признала меня Жучка охотником. Осталась я с ружьем одна в лесу.

Я пошла на озеро и встретила там парня-саама, пастуха. Он был на оленях. Я заговорила с ним по-русски. Он понимает, кивает головой. А я его совсем не понимаю.

Однако где жестами, где словами мы начали понимать друг друга. Кое что я разобрала. Он спрашивает меня:

- Куда идешь?

- На охоту, – отвечаю.

- Охотиться как будешь? Куропатки сейчас к себе не подпускают.

Летом куропатки серые, они высиживают птенцов. Летом они невкусные, поэтому на них не охотятся. А зимой, когда они белые, на них охотятся. В это время они становятся пугливыми и осторожными.

- Стрелять-то умеешь? – спрашивает Ваня, так звали лопаря.

- Умею!

- Тогда садись, поедem.

Села я в оленью упряжку. Он спереди, я сзади – поехали. Заметили на озере куропаток, подъехали поближе:

- Вот, стреляй.

Я выстрелила. И пыж у меня в руках оказался, и дробь вся здесь, а куропатки нет, все улетели.

Ваня засмеялся.

- С тобой все ясно!

Едем дальше в лес. А кругом – красота. Нехожено, нетоптано, далеко простирается снежная гладь. Снег на деревьях кружевами повис. Как в сказке. И куропаток видимо-невидимо. Едешь на оленях, куропатки так близко подпускают к себе, что хоть рукой бери.

Ваня взял у меня ружье, пару раз выстрелил, набил куропаток:

- Хватит тебе?

- Хватит!

Мы поехали обратно. Приехали на метеостанцию. Нас встречают словами:

- Ну как, охотница, поохотилась?

- Да!

А парни, смеются и с иронией спрашивают:

- Чего там настреляла?

- Куропаток!

Они недоверчиво смотрят на мои трофеи:

- Так много! Ты, что ли? А как ты их? Во дает! Ну, поохотилась!

- Хватит, что ли, вам, – урезонила я их.

А Ваня слушает, смотрит и только улыбается.

Конечно, был пир. Наварили суп, нажарили куропаток.

Ваня зачастил к нам в гости, вроде как мой поклонник, ухажер. Лопарки при встрече шутят:

- Нам скоро еще лопарка прибавится.

Мы с Ваней по возрасту подходили друг другу. Октябрину они не очень жаловали, а я, видать, приглянулась. Ваня пришел от нас к лопаркам, в дом. Они его выпрашивают:

- Ну, как там на метеостанции? Угощала Лида тебя?

- Угощала.

- Вкусно готовит?

- Очень вкусно!

Хлеб – всему голова.

«Хоть сырой, хоть горелый, но это был хлеб»

Но тут встал ребром вопрос о хлебе. Раньше за хлебом мы ходили в экспедицию. Экспедиция уехала, и теперь у нас не было хлеба. Где его брать? Я, конечно, пекла пресные лепешки, лепила, какие умела. Но они уже надоели. Лопарки предложили нам:

- Принесите два ведра муки. Одно ведро – вам, другое – нам, Испечем вам хлеб.

Но муки-то у нас мало, чтобы так раздавать. Как-то я зашла к лопаркам. У лопарок нет русской печи Хлеб они пекут в камнях. Но они секретничали, скрывали, не рассказывали, как пекут хлеб.

Вот пришла я к ним. А одна лопарка была добрая женщина:

- Проходи, – пригласила.

Она как раз месила тесто. Я прикинулась дурочкой:

- Ой, надо же, тесто! – Как будто никогда его не пробовала.

Взяла комочек, поиграла – не поиграла, но незаметно спрятала и унесла. И стала сама печь хлеб. Затворю тесто, оно выходит, как настоящее, дрожжевое. Даже стала делать пышные лепешки. Я пекла хлеб в плите. Печь, конечно, не была приспособлена выпекать хлеб. Но я все усовершенствовала, приспособливала ее. И настал момент, когда я сказала Октябрине:

- Больше не носи лопаркам муку, а то останемся без муки и хлеба.

И был хлеб у меня и сырой, и горелый, но я стала печь хлеб, какой бы ни был, но хлеб. Мои три буханочки были маленькие. Я или в кастрюльку тесто посажу, или в мисочку. Вытащу хлеб из печи, накрою его, чтоб отмякла корочка, а уже все едоки сидят за столом, ждут хлеба и спрашивают:

- Уже можно кушать?

- Да обождите, ради бога, пока суп сварится!

Пока суп варится, они хлеб – хап-хап – и уже весь съели.

Пришел Ваня в гости.

- Ваня, садись с нами кушать!

А потом лопарки его пытаются:

- Ваня, что там Лида делает?

- Суп варит!

- А тебя кормили?

- Кормили. Суп ел. Хлеб ел.

Как хлеб ел! А где они хлеб взяли? И тут лопарка вспомнила, что я около теста крутилась.

Вернулся Рыбаков из отпуска, спрашивает:

- Как ты, Лида, хлеб печь приспособилась?

А я подложу железки в печку, да на них ставлю мисочки с тестом. Так что теперь мы были с хлебом.

Ходим в гости. День рождения. «Это квас, сладенький»

У Октябины в октябре день рождения. Хочется ж его отметить. Давай готовить закуски. А чего готовить – все те же отварные рожки. Приготовили, что было. Спиртного – не было, но у нас был сахар. Поставили брагу. Хочется же общества, гостей. А какие в тундре гости? Пригласили на праздник лопарок:

- Приходите к нам на праздник. У Октябрины Ильиничны день рождения.

Они начали отказываться:

- Нам некогда, мы заняты!

- Ага! Значит, вы нас не уважаете? Один раз в году день рождения, а вы и поздравить не желаете?

А неуважение по-соседски проявлять нельзя. Пришли, наряженные, в своей национальной одежде – яркие кофты, длинные сарафаны, на голове у каждой повязка – вся в жемчугах. Сели за стол. Наши лопарки – сама скромность:

- Ой, пить мы не будем!

Молодая лопарка Анна, что недавно родила, тоже отказывается:

- У меня же грудной ребенок! Я же кормящая!

А мы говорим:

- А кто вас заставляет пить! И не пейте. Да у нас и пить-то нечего! Вот у нас есть квас, сладенький, попробуйте.

Они попробовали:

- Да, сладенько! Хорошо!

- Ну вот! А вы боялись!

Они тянут и тянут «сладенькое». Выпили браги, покраснелись, развеселились, да как начали свои песни петь – «хоп-хоп, гей-гей», да по-своему танцевать. И мы с ними. Повеселились очень хорошо!

«Если хочешь стать лопаркой...»

И мы у них в гостях бывали. Как-то заходим с Павлом к ним в дом. А у них что-то варится, булькает. Оказывается, к лопарке муж пришел, мяса принес. И это варево у них плов называется. Они мясо туда стружкой режут. Посадили нас за стол. Поставили передо мной этот плов. Я поводила, поводила ложкой. А в миске шерсть плавает – невыносимо есть. Но вкусно ж пахнет, очень есть хочется, но столько шерсти – не могу. Они, видимо, когда режут оленя, не обчищают мясо от шерсти. Муж лопарки, русский мужик, смотрел, смотрел, как я мучаюсь, и говорит:

- Что, Лида, шерсть там?

- Да.

- А если хочешь лопаркой быть, то надо три пуда шерсти съесть. Не съешь гору шерсти – лопаркой не будешь!

Но поскольку мы не могли этот плов есть, нам дали куски мяса. Но опять же и это мясо в шерсти. Я подхожу к печке, у них небольшая печурка была, сую мясо в огонь, чтобы хоть как-то опалить, очистить от его шерсти. А детвора их бегают вокруг меня и смотрит, что я такое делаю. И спрашивают у матери, лопочут по-своему. Мать говорит мне:

- Дети спрашивают, зачем ты суешь мясо в огонь?

- Я хочу, чтобы шерсть обгорела. Я же не ем шерсть!

Мать им по-своему перевела. А дети смеются.

«Павел, выбирай: или выговор, или жизнь человека»

Мой кавалер Ваня ухаживал, ухаживал за мной ни шатко, ни валко, как в песне поется: «Лодка тонет и не тонет, потихонечку плывет, милый любит и не любит, только времечко ведет». Скромный паренек, робкий. А потом и вовсе ушел в поле, к пастухам.

Лопарка Анна рукой машет:

- Этот Ваня тебя лопаркой не сделает!

А им уж очень хотелось меня лопаркой сделать.

- Вот ждем с поля молодого лопаря, он уж тебя лопаркой непременно сделает.

А я ж, как молодая обезьяна, любопытная, побегу за водой на озеро и заскочу, загляну к ним:

- Здравствуйте!

- Чего пришла?

- Мой жених не приехал?

- Нет еще!

- А ладно, тогда пошла!

И я когда раз в день загляну, когда два. Порой они меня задержат, останусь у них. Для потехи на меня малицу наденут, ленты яркие навесят, приоденут, приобуют:

- Вот ты будешь у нас какая лопарка! Красавица! Хороша лопарка!

Похохочем, подурачимся – и ладно. И им хорошо, и мне весело.

И что ты думаешь? Однажды мы пошли с Павлом за водой. А мы уже с ним неразлучны были: вместе работали, вместе отдыхали. Заходим к лопаркам. Я свое:

- А где мой жених? Еще не пришел с поля?

И тут мне отвечают:

- Пришел.

- А где он?

- Он очень больной. Едва дошел. У него уши простудились. Он не пьет, ни ест, не говорит, лишь бредит. У него высокая температура.

Я вижу, что они не расположены с нами говорить, не хотят, чтобы я видела больного, и ждут, когда мы уйдем.

А я, несмотря на их нерасположение, говорю:

- Как же так, человек больной, а вы ничего не предпринимаете?

- А что мы можем сделать? Как везти больного в Ловозеро? Если мы повезем, он не дотянет. У нас нет связи. И теперь не знаем, что делать.

- А если он умрет? – спрашиваю.

Теперь-то я знаю, что такое воспаление ушей, – у меня сын переболел. А тогда я сердцем почувствовала их боль и беду.

- Он наверное умрет! Связь только у вас!

А Павел – начальник радиостанции. Я говорю строгим голосом:

- Павел, надо срочно дать телеграмму, сообщить по рации!

А Павел отвечает:

- Нет, не могу! Выход в эфир только завтра!

- Как завтра? Надо дать немедленно, сейчас же. Человек тяжело болен!

Павел уперся:

- Для внеочередного выхода в эфир надо дать телеграмму в Мурманск Казакову. Из Мурманска получить разрешение. Потом через Апатиты и только в служебный очередной срок сообщить.

Да это же пройдут сутки! Я говорю:

- Павел, ты дашь телеграмму сегодня!

- Мне дадут выговор!

- Павел! Или выговор, или жизнь человека на твоей совести. В двухчасовой срок ты дашь сводку в Ловозеро и тут же под эту сводку даешь сообщение с просьбой о помощи. Завтра тебе дадут выговор, и пусть! Потом его снимут. Да какая тебе разница: выговор или благодарность?! Выговор по сравнению с жизнью человека – ерунда! Не бери грех на душу!

Уговорила. И в два часа Павел дает в Ловозеро метеосводку и дает позывные: «Для вас». Радист в Ловозере с его волны не уходит. Там же эфирное время все по минутам расписано. Ловозерский радист собирает со всех станций метеосводки и в конце возвращается на радиоволну Павла, ждет сообщение. Павел отбивает морзянку: «Человек в тяжелом состоянии».

И, что ты думаешь, пока я у себя дома на метеостанции крутилась, пока я собиралась проведать «жениха», прозевала прибытие вертолета. Больного уже увезли. Его прямо отсюда, с Колмьявра, доставили сразу в Мурманск, в Больничный городок. Вертолет сел возле областной больницы, и тут же больного – на операционный стол.

Лопарки сказали: «Мы вам очень благодарны за помощь. Врач сказал, что вовремя доставили в больницу. Теперь больной в палате, выздоравливает».

Конечно, если бы Павел не дал вовремя сообщение, могло бы случиться непоправимое.

А выговор Павлу никто не дал: то ли ничего не заметили, то ли сводка была срочной – все обошлось.

А мне так и не довелось увидеть жениха, так никто из меня лопарки не сделал, так и не пришлось стать лопаркой.

«Я пошел в Ловозеро выпить»

А еще был случай интересный, просто как анекдот. Этот случай произошел в экспедиции. Как-то я спросила у дяди Саши:

- Вот вы, геологи, бродите по тундре. А не боитесь заблудиться?

- Было дело. Блуждал по тундре.

Это же Колмъявр, тундра – непроходная, непролазная. Кругом болота, топи. До ближайшего населенного пункта Ловозеро идти далеко, сложно – сто километров пути. Тут только на оленях зимой райдой идут или самолетом или вертолетом можно добраться до Ловозера. Когда геологи идут на геологическую съемку, берут с собой компас, карты, собак. Собак используют в двух значениях: и как помощников, собаки их сопровождают, и на случай, если геологи заплутают и у них закончатся съестные припасы, тогда они едят этих собак. Им же надо выживать, пока они или сами выйдут из тундры или их с самолета отыщут.

И дядя Саша поведал нам эту историю.

«Странно все-таки в жизни получается. У нас в экспедиции работал один вербованный – рабочим. Его завербовали еще в Ленинграде, хотя мы еще и в Ловозере набираем рабочих. Но тот был из Ленинграда. Бывший заключенный, одинокий человек, такие с удовольствием идут в экспедицию. И вот нас четверых, как всегда, оставили охранять имущество. Мы охраняем, грузим. И неожиданно этот рабочий пропал. Нет и нет. Сутки, двое, неделя прошла, а его все нет. Мы все были в шоке, волновались и уже ждать перестали, и сообщать надо. Одно слово – тундра; тут и болота, и волки, все может случиться. И куда да и зачем он мог отлучиться, когда пора возвращаться домой, никто не знает, не ведает. Долго-долго его не было.

И вдруг этот человек появился, нарисовался. Мы так все обрадовались – человек нашелся: цел и невредим, жив и здоров. Начали, конечно, его расспрашивать, что случилось.

- Где ты был? Где столько времени пропадал?

- Ты, знаешь, – отвечает он, – я в кармане случайно трояк нашел (раньше бутылка водки стоила 2 рубля 86 копеек) и решил пойти в Ловозеро выпить. Выпил бутылку водки и вернулся».

Вот такая история!

В Мурманск вдвоем

Уже зимой мы получили телеграмму из Мурманского управления гидрометслужбы, в которой говорилось, что мне необходимо выехать из Колмъявра. Меня направляли на метеостанцию «Мыс Черный». А поскольку мы с Павлом уже были неразлучны, мы ответили, что едем вдвоем. Нам не возражали, радист на той метеостанции тоже был нужен, и мы вылетали вдвоем в Мурманск. На санки сложили нехитрые пожитки и отправились к самолету. Нас провожали товарищи.

Самолет сел на озеро. Он был двухместным: летчик сидел впереди, мы – за ним.

Сначала от радости у меня рот не закрывался, я все что-то говорила. А потом мне сделалось плохо, совсем плохо.

Летчик поворачивается к нам и произносит:

- Ты говори, говори!

А какое там «говори», если я уже сознание теряю. Мы уже шли на посадку, как мне показалось, что самолет переворачивается, что весь мир перевернулся и падает и сейчас рухнет. И меня стошнило прямо в самолете. Кошмар!

Но все обошлось, наконец мы приземлились. Вылезли из самолета, подходим к летчику. Павел говорит:

- Вы, нас извините. Мы там напачкали.

Летчик успокаивает:

- Это ерунда, успокойтесь. Главное – вы на земле, значит, все в порядке.

Так закончилось мое «романтическое» пребывание на Колмъявре.

На метеостанции «Мыс Черный»

ГМС «Мыс Черный» – открыта в 1936 году.

Расположена на оконечности мыса Черный, вдающегося в Баренцево море на 2 км в северо-западном направлении.

Мыс Черный является отрогом цепи оголенных крутых сопок, расположенных вдоль побережья и сложенных горными кристаллическими породами. К югу от станции рельеф крупнохолмистый, крутые сопки покрыты скудной растительностью, состоящей из мха и лишайника.

Станция закрыта и перенесена на 10 км к юго-западу от мыса Черный.

А вот, когда мы с Павлом оказались на Черном, там оказалось еще «романтичней». То есть, как говорят, «хрен редьки не слаще».

Добирались мы до места на экспедиционном судне гидрометслужбы «Персей». Это в сторону – к Дроздовке. А так обычно туда рейсовое судно ходит. Затем, возле мыса, мы с судна переходим на шлюпку, потому как судно близко к берегу не может подойти из-за рифов. На шлюпке приближаемся к берегу, и там вырисовывается домик метеостанции. Этот дом построили англичане когда-то давно. Но он был добротный и хорошо стоял и в наше время. В сторонке – маяк. И был еще один финский домик. В этом домике жили солдаты-пограничники – восемь человек. А сторожевая вышка находилась на крыше нашего дома, здания метеостанции. Солдаты приходили сюда и отсюда наблюдали за морем. Неподалеку – метеоплощадка.

Это же мыс, он далеко вдавался в море. Со всех сторон – море. И сколько глаза видят – кругом все море. А со стороны суши – огромная черная гора. Потому и называют мыс «Черный». Море так близко, что, когда идет накат волны и она ударяется о скалистый берег, брызги разлетаются во все стороны и долетают до нас. Такое впечатление, будто идет дождь. Я выйду на площадку: солнце светит, погода ясная и осадки, как капли дождя. Я сначала говорила начальнику:

- У меня циркусы, а в ведрах осадкомера – осадки. Куда их записывать?

- Никуда ты их не записывай, потому что их просто нет!

Начальником был Игорь Романов. А жену начальника звали Шурой. И был еще один наблюдатель, паренек по имени Ким.

Павел сменил одного радиста. Второй радист немного поработал и тоже уехал. Работать пришлось круглые сутки, изо дня в день. Служебные сводки передавали через два часа, плюс дополнительные наблюдения и сроки – это было связано с обслуживанием Гремихи. Так что работать приходилось ой-е-ей!

Но, в отличии от Колмъявра, в доме стояла огромная русская печка. Мне сразу сказали:

- Приехала новая хозяйка. Посмотрим, как она умеет печь хлеб.

А я так обрадовалась: «Боже! Настоящая печь!» И в этой печи выпекалось 18-20 буханок. Пекли по очереди: печет Шура, потом пекут солдаты, потом – я. Хлеб печем на всех.

Жили дружно. Во-первых, все друг от друга зависели, а потом там, в таком диком месте, друг другу рады, человек к человеку тянется. Да и некогда там было конфликтовать. Работа и быт занимали все наше время.

Мы с Павлом – молодожены, и все время на работе. А придем к себе, в комнатку, рады друг другу, рады возможности побыть вместе, наедине. Конечно, солдаты приходили в гости. Но мы так уставали на работе, что нам было не до гостей, не очень-то их принимали.

Там я уже умудрилась не только хлеб печь, но и белые булки. Вытащишь хлеб, а печь еще горячая, испечешь еще и булки. А запах – на весь дом.

Придет солдат:

- Лида, дай булку!

- Что у меня их много, что ли?! Вот еще, вас буду булками кормить!

- Да, ладно тебе! Не будь жадной!

- Не буду!

Он – хап! – булку и пошел. Все, булка ушла. Приходит другой – тоже дай булку.

Здесь, на Черном, я забеременела. Но никто не догадывался. У меня живота почти не было видно. Солдаты, когда узнали, что я беременная, удивились:

- Какая же ты беременная, если и живота нет!

И рассматривают меня. Где бы я ни появлялась, они смотрят на мой живот. Потом как-то говорят:

- Нет, какая-то Лида неинтересная беременная. Ей ничего не хочется. Вот тут был радист с беременной женой Валею, ей всегда чего-то хотелось. И живот у нее был большой.

И рассказывают мне. Вале захотелось мяса – не консервов, а настоящего, а здесь дичи никакой не водится, даже куропаток нет. Так они несколько дней ходили за куропаткой, чтоб угостить Валью свежим мясом. Здесь много морских уток, но у морской утки мясо невкусное, с запахом рыбы. Здесь уток не употребляют в пищу.

Пришел срок, я выехала в Мурманск рожать. Вернулась я сюда, на Черный, когда Костеньке было уже три месяца. Из Мурманска дали телеграмму о моем прибытии.

Вот солдаты сидят и думают, как же лучше встретить Лиду с малышом, как бы ближе подвезти ее к дому. Если в Озерке посадить, то придется два с половиной километра нести ребенка на руках. Он же еще маленький. А если ребенок простынет? Нет, так не годится. Надо что-то придумать. Надо как-то ближе к дому подойти и посадить. Так и придумали же! Они ухитрились шлюпку подвести почти к самому дому. Это же честь какая мне!

Пришли мы в дом. И все солдаты идут на этого ребенка смотреть, как на чудо! Смотрины устроили.

- Господи! – говорят. – Мы думали, он такой малюсенький! А у него ручки-ножки шевелятся! Ой, какой же ребенок хорошенький.

Кто из солдат идет на вахту, открывает дверь, заходит в комнату.

- Ты чего пришел? – спрашиваю. – Кто тебя приглашал?

- Я не к тебе пришел. Я – к Костеньке.

- Как к Косте?

Посидит, погостит у Кости. Другой идет с вахты, тоже заходит.

- А тебя кто приглашал?

- Я к Косте пришел.

И мы привыкли, что они к Косте ходят в гости.

Наступила весна. Косте было уже шесть месяцев. Солдаты заявили:

- Его подкармливать пора!

Оно и впрямь, все грудь да грудь, а подкармливать нечем – консервами не будешь малыша кормить. А там, в море, были чайчи острова, чайки яйца там высиживали. Солдаты отправились на те острова, принесли яиц. Себе наварили, нас угостили. А Костик, как галчонок, с аппе-

титом кушает яйца, уплетает за обе щеки. Солдаты посмотрели, посмотрели:

- Надо еще за яйцами ехать. Видите, как он их ест. Скоро сезон закончится, яйца нельзя будет брать.

И снова поехали, привезли ведро яиц:

- Это нам, это Шуре, это вам. На, корми Костю!

«Все надо выхватить у моря. Не успеешь – море проглотит!»

За дровами мы ходили на Озерко. Это был интересный водоем. На малой воде он отсоединялся от моря, появлялась суша – перемычка. На большой воде – соединялся с морем. Все останки разбитых кораблей прибывало сюда, в Озерко. И когда вода уходила, мы собирали эти останки судов на дрова. А как-то пошли за дровами и обнаружили в Озерке мойву. Был прилив, косяк мойвы зашел в Озерко, при отливе вода ушла, а рыба осталась. Мы сбегали за ведрами, набрали мойвы. Наварили, нажарили, насолили. Как тогда мы наелись мойвы!

Продукты на метеостанцию завозят раз в год, на своем судне, том же «Персее». И стараются выгрузить как можно ближе к дому метеостанции, чтобы было ближе таскать и быстрее, до прилива, перенести груз на метеостанцию. А нас же мало! Тогда обращаемся за помощью к солдатам. И все бегут на выгрузку продуктов – надо управиться до прилива, иначе все продукты накроет водой, утащит, унесет море. И мы что успеем перенести, то и имеем. Больше продукты не привезут. Вот мы и спешим их перенести. Дрова тоже привозят, но как их перенести? Это же не мешок – взял да потащил, и не коробка консервов. Дрова – они штучно идут. Продукты всегда в первую очередь перетаскиваешь. Так что нам мало доставалось привезенных дров, их уносило море.

А бывало и так. Поднимут повыше мешки, чтоб не смыло, не унесло, туда, где море не достанет. А потом спокойно перенесут на станцию. Как-то Павел пошел за грибами. Он ходил, ходил и наткнулся на эти мешки с мукой. То ли забыли про них, то ли не смогли перенести. Море мешки не унесло, но намочило, испортило муку, в мешках образовалась корка. Павел ради потехи или любопытства давай разбивать корку, а там, под коркой оказалась мука.

Господи! Какое счастье было! Ведрами перенесли муку в дом и напекли пирожки из белой муки!... Здесь с продуктами по сравнению с Колмъявром получше было.

К Озерку спустимся, там две горы возвышается. На одной горе растет одна голубика, на другой – одна черника. Ягод – тьма-тьмущая. Но нам же там некогда собирать ягоды, лишь между сроками. Сколько за два часа успеешь собрать, из того и сваришь варенье, поешь и все. На зиму не запасали, некогда. Так же и с грибами.

Это была очень трудная метеостанция. Все надо отнять у моря. Все надо буквально выхватить. А если не успеешь – море проглотит. Опасность на каждом шагу подстерегает.

Мне надо было отправляться, то в Дроздовку, то в Варзино – ближайшие населенные пункты. В селе Варзино находился медпункт. В этом медпункте необходимо было установить срок беременности. Врач оказалась опытная, срок беременности точно определила.

А в Дроздовке я покупала молочные продукты. Дроздовка – небольшой поселок. Мужчины занимаются рыбной ловлей, женщины – животноводством. Местные жители хорошо приспособились к тамошним суровым условиям. Мне довелось побывать в коровниках. Не знаю, как сейчас, а раньше коровники были хорошие: сухие, теплые. В них было чисто, стояли автоматические поилки. При коровнике было отдельное помещение, вроде магазинчика, где продавались молочные продукты: творог, сметана, молоко – что хочешь бери. Меня это так удивило, я спросила:

- Чем вы коров здесь кормите?

- Здесь кругом много травы, зелени, – отвечали мне. – Только не ленись, коси, готовь сено. Коров содержать здесь можно. А к тому же выращиваем кукурузу.

А в те времена кукуруза, как на смех была, все, кому не лень, критиковали.

- И она вырастает?

- Вырастает – высокая, большая. Конечно, без початков. Зеленая масса идет на корм, на силос. Да и то этот корм идет лишь для отелившихся коров – это для них лакомство. Коровы хорошо растут, поправляются, набирают вес. А как много молока дают!

Так что кукуруза не так уж и плоха, только надо было уметь ее выращивать и использовать.

От Дроздовки к нам один путь – по морю. Попрыгай-ка с судна в шлюпку. Это не с причала, не с трапа. Только хочешь прыгнуть в шлюпку, хоп! – волной отбило шлюпку от судна. Снова только хочешь перескочить, а шлюпка вновь отскочила. Сколько раз приходилось рисковать! А с морем шутки плохи. Со стихией не поспоришь.

Как-то позвонили на метеостанцию из Варзино, там была налажена между населенными пунктами телефонная связь, медик говорит:

- Везите Костю на прививки!

Это значит надо морем, на шлюпке, добираться до Дроздовки, а от Дроздовки до Варзино пешком идти два с половиной километра. А кто меня доставит? Конечно, обращаешься к солдатам. У них шлюпка с мотором. Спаси бог этих солдатиков. Без них на мысу плохо было бы. Чуть что – бежишь к ним за помощью. Хотя и с солдатами тоже надо уметь держать себя.

Ладно, сделали прививки. Возвращаемся обратно. А между Дроздовкой и Черным мысом стоит в стороне от нашего пути остров. И со стороны этого острова идет сильное течение, которое аж закручивается в водоворот. Мы шли мимо этого острова. И надо такому случится – вдруг неожиданно отказал двигатель. Пришлось парням взяться за весла. Течение сильное, и нас тащит в открытое море. Четверо солдат из-за всех сил стараются, гребут – пытаются преодолеть течение. А пятый солдат, моторист, у мотора находится, пытается наладить и завести двигатель.

А Костя все молчал, а тут как расплакался, разревелся на всю вселенную. Я никак и ничем не могу его успокоить – орет и орет, как будто беду почувствовал.

Солдаты ни слова не говорят, гребут и гребут.

Едва с невероятными усилиями выгребли из течения, тут и мотор завелся, затарахтел. Все облегченно вздохнули. И лишь когда подошли к берегу и высадились, один из них сказал:

- Ну, Костя, ты, наверное, в рубашке родился, счастливчик!

На Колмъявре не так страшно. Там – красиво. Там тихая, умиротворяющая красота. А здесь – черные голые угрюмые скалы, чаячий гомон и море, как огромный затаившийся зверь, в любую минуту готовый вздыбиться. Но нет на земле некрасивых мест, только на каждом месте своя особая красота.

Казалось бы, мыс Черный – дикий, безмолвный, безлюдный край. А

иной раз выйдешь на площадку, смотришь вокруг, и эта природа словно входит в тебя, что-то трогает душу твою, начинаешь прикипать к этому суровому краю душой и сердцем. А когда на море собираются рыболовецкие суда, то ночью кажется, будто это сказочный город неожиданно вырос перед тобой, и весь сияет в разноцветных огнях. Окна кают тепло светятся, как окна в домах. Но суда расходятся, сказка исчезает, и вновь перед тобой расстилается лишь безграничная однообразная морская гладь.

А разве забудешь забавных тюленей, игриво преследующих нашу шлюпку! А если со шлюпки доносится музыка, то эти доверчивые наивные звери, замороженные музыкой, забыв обо всем, могут долго сопровождать шлюпку. Любят лежать на камнях и греться на солнышке.

Все это я сохранила в памяти моей, и не смогу забыть.

Прощайте, скалистые горы...

В октябре начался призыв в армию. Мужа моего, Павла Егоровича Никифорова, вызвали в Грехиху, где находился военкомат, вручили повестку. Меня хотели оставить на метеостанции. Но тут вмешался военком. Он сказал:

- Заберите жену с собой в Мурманск. Одной с малышом оставаться нельзя ни в коем случае. Выполняйте указание в приказном порядке!

Умный был командир.

Мы приехали в Мурманск, пошли в управление. Собченко возмутился: «Как это так, оставить станцию? Без моего разрешения!»

- А вот так, по приказу военкома, – отвечаем мы.

- С каких это пор военкомат распоряжается нашими кадрами?! Нет такого закона!

И побежал к Коростылевой в отдел кадров. А Коростылева ему тихонечко сказала: «Есть такой закон».

Вот и все. Костику было уже девять месяцев. Я рассчиталась со всем, ушла из гидрометслужбы. Досыта нахлебалась «романтики» – на всю жизнь. А Павел ушел в армию.

На этом и окончилась моя работа в гидрометслужбе.

Октябрь 2003 года

Содержание

Предисловие	5
Глава I.	
Первые метеорологические наблюдения в России	6
Создание Санкт-Петербургской Главной физической обсерватории	10
Научное изучение Кольского края в XVIII – первой половине XIX века.....	14
Научный взгляд на Мурманский берег в XIX веке	17
Научное изучение Кольского Заполярья в эпоху капитализма	20
Глава II. Период Г. И. Вильда	
Генрих Иванович Вильд – творческая личность.....	22
Создание Кольской метеорологической станции	
Шкипер Аполлон Хохлов.....	25
А. М. Темноусов - учитель Кольской приходской школы.....	37
Создание Трибирской метеорологической станции	
На краю земли	48
День за днем (письма без комментариев)	50
Глава III.	
Директор ГФО академик М. А. Рыкачев	84
Фелор Шатков - корреспондент обсерватории	
Становище Териберка	87
Лекарь Федор Шатков – наблюдатель Кольской метеостанции.....	95

Создание Александровской метеорологической станции	
В городе Александровске.....	100
День за днем (письма без комментариев)	110
Создание Ловозерской метеорологической станции	
«Весьма важная метеостанция»	
Быть или не быть	114
«Его преподобию священнику Ловозерского	
прихода отцу Николаю Шмакову...»	120
Наблюдатель Ловозерской метеорологической	
станции крестьянин Иван Артеев	130
Учительница Ловозерской церковно-приходской	
школы Елизавета Дорофеевна Догадкина -	
наблюдатель метеостанции	146
Павла Чупрова – наблюдатель Ловозерской	
метеостанции.....	167
Создание метеостанции «Имандра»	
Телеграфный надсмотрщик Аким Красов - первый	
наблюдатель метеостанции «Имандра»	198
День за днем (письма без комментариев)	216

Глава IV.

Сеть метеорологических станции	
отдела торговых портов	224
Метеостанция «Кандалакша»	
День за днем (письма без комментариев)	226
Справочный материал	
Старинные меры длины и веса	233
Даты создания и открытия метеостанций	234
Первые наблюдатели	234

Используемая литература	237
-------------------------------	-----

Ранние очерки

Метеорологическая станция «Мурманск»	239
Аэрологическая станция «Мурманск».....	276
В других подразделениях	294
На дальних постах	
На ГМС «Колмявр».....	310
На ГМС «Мыс Черный»	328

ЛЮДМИЛА ШОРОХОВА

«НА ПОЛЬЗУ НАУКЕ И ОТЕЧЕСТВУ»

Очерки.

Ответственный редактор
Игнатов М.Т.

Технический редактор
Зоткин С.В.

В книге использованы фотографии,
предоставленные автором.

Вёрстка
Петров А.Л.

Подписано в печать 15.09.2008 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная.
Гарнитура OfficinaSansBookC
Заказ № 36

Издательство ЗАО «Нордмет»
183038, г. Мурманск, ул. К. Егорова д. 14
тел. 45-45-98, 45-68-93

Отпечатано в центре полиграфии на Егорова, 14
г. Мурманск, ул. К. Егорова, 14
тел. (8152) 47-82-82

